

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2017 Том 8 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Россия

E-mail: denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Е.А. Красина, доктор филологических наук, профессор, РУДН, Россия

E-mail: krasina_ea@rudn.university

Ответственный секретарь

Н.В. Новоспасская, кандидат филологических наук, РУДН, Россия

E-mail: novospasskaya_nv@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Маслова Валентина Авраимовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Бахтикиреева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Ceberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Редактор: К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 13.03.2017. Выход в свет 23.03.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,97. Тираж 500 экз. Заказ № 42. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2017 VOLUME 8 NUMBER 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denissenko_vn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Elena Krassina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: krasina_ea@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Natalia Novopasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: novopasskaya_nv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Uldanay Bakhtikireeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Kludia Bednárová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Sergey Nizhnikov, RUDN University (Moscow, Russia)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. Articles and reviews are published both in Russian and English. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

In memoriam	7
МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ. ЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	
Какзанова Е.М. Е.Д. Поливанов и математика: прикладные vs. фундаментальные науки	9
Маслова В.А. Коммуникативное пространство как важнейшая категория современной лингвистики и лингвокультурологии	17
Тамерьян Т.Ю. Межкультурное взаимодействие в полиязычном пространстве региона	24
Сапрыкина О.А. Термин как феномен языка и культуры (к истории слов и понятий)	33
Лунькова Л.Н., Букина Л.М. Терминологический и формальный аспекты евролатинизации	40
ЭТНОСПЕЦИФИКА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ	
Джигоева А.А. Антропоцентризм и этноцентризм языков и культур в контексте современной науки	49
Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры	57
Джусупов М. Разновидности казахского ТОЯ и русская СВАДЬБА	64
ЛИНГВОПРАГМАТИКА И КОММУНИКАЦИЯ	
Меликян В.Ю., Меликян А.В. Коммуникемы со значением «оценки»: этимологический аспект (на материале английского языка)	78
Маркелова Т.В., Тихонова М.А. Словарная статья «Словаря оценочной лексики русского языка» как функционально-семантическое поле оценки в миниатюре	89
Темиргазина З.К., Бачурка М.С. Речевые акты похвалы и одобрения в педагогическом дискурсе	97
Карташкова Ф.И., Мальцева Н.Б., Князева А.А. Комплимент как интенциональное состояние и как манипулятивный прием	106
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО. ПОЭТИКА. СЕМИОТИКА	
Новикова М.Л. Аксиология художественного пространства сквозь призму геоэстетики	115
Иванова М.В. Расширение литературной нормы и его исторические основания	124
Ломакина О.В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.)	130
Чернова Л.А., Дубова М.А. Мыслительная деятельность персонажа (повесть А.П. Чехова «Моя жизнь»)	138
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА	
Bednářová-Gibová Klauďia Translating from a Lingua Franca in the Setting of EU Translation	148
Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Новые версии национальных библий: между модернизацией и традиционным текстом	158
Новикова М.Г. Динамика формы художественного дискурса и перевод	166
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Максименко О.И. Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков)	174
Найденова Н.С., Мурадян А.А. Лексико-семантические параметры экономического дискурса: новостные сообщения на русском, английском и французском языках	182
Osčepkova V.V., Razheva E.S. Insectophones in the English phonosemantic system	188
Хромов С.С. Интонация акцентного выделения в языках агглютинативного типа (в сопоставлении с русским языком)	195
Вековищева С.Н., Приорова Е.М., Савченко Е.П., Романов В.М. Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках	206
Петров А.В. Конструкции с заимствованным предлогом «а-ля» в русском языке: варьирование логической структуры сравнения	219
НАШИ АВТОРЫ	230
Информация о журнале: http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol .	

CONTENTS

In memoriam	7
METHODOLOGY OF SCIENCE. LINGUISTICS. LINGUOCULTURAL STUDIES AND CROSS-CULTURAL COMMUNICATION	
Kakzanova E.M. E.D. Polivanov and mathematics: application-oriented vs. fundamental sciences	9
Maslova V.A. Communicative space as an important category of modern linguistics and linguocultural studies	17
Tameryan T.Yu. Cross-cultural interaction in polylingual space of the region	24
Saprykina O.A. Term as a phenomenon of language and of culture (history of words and concepts)	33
Lunkova L.N., Bukina L.M. Terminological and formal aspects of Eurolatinization	40
ETHNOSPECIFICS OF LANGUAGE AND CULTURE	
Jioeva A.A. Athropocentricity and ethnocentricity of languages and cultures within the frames of current science	49
Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. Translingualism and revitalization of culture	57
Dzhusupov M. Varieties of wedding (festivities and celebrations) in the Kazakh and Russian cultures	64
LINGUOPRAGMATICS AND COMMUNICATION	
Melikyan V.Y., Melikyan A.V. Kommunikemes with «evaluative» meaning: etymological aspect (based on the English language material)	78
Markelova T.V., Tikhonova M.A. Dictionary entry of the «Russian language evaluation dictionary» as a functional-semantic evaluation field in miniature	89
Temirgazina Z.K., Bachurka M.S. Speech acts of praise and approval in the pedagogical discourse	97
Kartashkova F.I., Maltseva N.B., Knyazeva A.A. Compliment as intentional state and a manipulative device	106
LITERARY SPACE. POETICS. SEMIOTICS	
Novikova M.L. Literary space axiology: Geopoetic aspect	115
Ivanova M.V. The expansion of literary norms and its historical foundation	124
Lomakina O.V. The writer's metalinguistic commentary and its role in text perception (exemplified by Russian XIX century literature)	130
Chernova L.A., Dubova M.A. Character's train of thought (based on A.P. Chekhov's story "My life")	138
THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION	
Bednárová-Gibová Klauďia Translating from a Lingua Franca in the Setting of EU Translation	148
Khukhuni G.T., Osipova A.A. New versions of national Bibles: between the modernization and traditional text	158
Novikova M.G. Dynamics of the form for literary discourse and translation	166
COMPARATIVE, TYPOLOGICAL, STRUCTURAL AND SEMANTIC RESEARCH	
Maksimenko O.I. New abbreviation tendencies (in Russian, English and German Languages)	174
Naydenova N.S., Muradyan A.A. Lexico-semantic parameters of economic discourse: News reports in English, Russian and French	182
Oschepkova V.V., Razheva E.S. Insectophones in the English phonosemantic system	188
Khromov S.S. Intonation of accentuation in the agglutinative languages (in comparison with Russian)	195
Vekovischeva S.N., Priorova E.M., Savchenko E.P., Romanov V.M. Frame analysis of safety terminology in English and Russian languages	206
Petrov A.V. Constructions with the borrowed preposition «a la» in the Russian language: variation of the logical structure of comparison	219
OUR AUTHORS	230

**ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА КРЫЛОВА:
IN MEMORIAM**

(10 марта 1937 — 29 декабря 2016)

Ушла из жизни *Ольга Алексеевна Крылова* — действительный член Международной академии наук педагогического образования (МАНПО); академик Российской академии естественных наук (РАЕН); член Российской риторической ассоциации; член Орфографической комиссии при Институте русского языка РАН. Автор более 150 научных трудов в области синтаксиса и стилистики русского языка, методики преподавания русского языка как иностранного.

Ольга Алексеевна Крылова была замечательным человеком, отзывчивым другом для многих, кто имел счастье работать с ней или учиться у нее.

Ольга Алексеевна Крылова родилась в 1937 г. В 1959 г. она окончила Московский городской педагогический институт им. В.П. Потемкина (ныне — МГПУ им. В.И. Ленина). Преподаватели и сотрудники нашего университета вспоминают, что О.А. Крылова пришла в университет в 1964 г., окончив аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию на тему «О закономерностях порядка слов в сложном предложении», а далее весь трудовой и творческий научный путь оказался связан именно с Университетом дружбы народов им. П. Лумумбы (ныне — РУДН). О.А. Крылова работала на кафедре русского языка и методики его преподавания историко-филологического факультета, затем на кафедре общего и рус-

ского языкознания филологического факультета РУДН. Здесь же в 1993 г. она стала доктором филологических наук, защитив диссертацию «Коммуникативный синтаксис русского языка».

С первых дней ее преподавательской деятельности коллег и студентов поражала блестящая эрудиция, глубина знаний и талант лектора Ольги Алексеевны, заинтересованность в работе, отзывчивость и активная жизненная позиция, неравнодушие ко всему происходящему вокруг. Множество общественных обязанностей на кафедре и факультете были возложены на Ольгу Алексеевну Крылову: Ученый секретарь Совета факультета, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, ответственный за аспирантуру по кафедре и по факультету в течение 25 лет, член диссертационных научных советов в РУДН и за его пределами. Требовательность к себе, железная дисциплина, бесконечная преданность общей цели помогали Ольге Алексеевне великолепно справляться со всеми обязанностями.

Ольга Алексеевна внесла весомый вклад в развитие филологической теории и явилась научным руководителем десятков кандидатских диссертаций, ряда докторских работ; выпускники аспирантуры О.А. Крыловой сформировали целую школу, которая выходит и за пределы России — это Украина, Монголия, Китай, Корея.

Область научных интересов и исследований О.А. Крыловой была чрезвычайно широка: коммуникативный синтаксис простого и сложного предложения в языке и речи, порядок слов и актуальное членение в русском языке и в сопоставительном аспекте, функциональная стилистика и разработка теории функциональных стилей, риторика, культура речи. Органично сочетая теорию и практику, в области стилистических исследований Ольга Алексеевна разработала комплексное понятие функционального стиля, ввела в лингвистику понятие церковно-религиозного стиля; обосновала понятие стилевой окраски, отличное от окраски эмоционально-экспрессивной, разъяснила их взаимодействие; объяснила роль ресурсов языка в формировании функционального стиля в сочетании с экстралингвистическими факторами, что отразилось в целом ряде книг и статей, наиболее значимыми являются «Основы функциональной стилистики русского языка» (1979), «Лингвистическая стилистика», получившая Золотую медаль ВВЦ РФ, «Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис и пунктуация» в соавторстве с Л.Ю. Максимовым и Е.Н. Ширяевым (1997), монография «Коммуникативный синтаксис русского языка» (1992, 2009), сборник «Система. Норма. Стиль» (2012), который содержит в себе статьи разных лет начиная с 1964 г., фокусирует внимание на важнейших аспектах современной филологической науки и свидетельствует о научной школе профессора Ольги Алексеевны Крыловой и ее коллег на кафедре общего и русского языкознания.

Научные и профессиональные заслуги профессора О.А. Крыловой были отмечены высокой государственной наградой — Орденом Дружбы народов.

Светлая память об Ольге Алексеевне Крыловой навсегда останется в сердцах ее коллег и учеников.

*Сотрудники кафедры общего и русского языкознания
филологического факультета РУДН*

УДК: 001

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-9-16

Е.Д. ПОЛИВАНОВ И МАТЕМАТИКА: ПРИКЛАДНЫЕ VS ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУКИ

Е.М. Какзанова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
kakzanova@post.ru

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса, есть ли точки соприкосновения между математикой и лингвистикой. Идею статьи подсказало отношение к математике известного русского лингвиста Е.Д. Поливанова. Методологически мы предоставили слово большому количеству математиков и философов и пришли к выводу, что многие ученые признают деление наук на прикладные и фундаментальные. Это деление касается, в основном, математики; для лингвистов подобная амбициозность не характерна. Математика сейчас переходит границы отдельных наук, в том числе и гуманитарных, охватывая своими понятиями и методами всю сумму представлений о мире и его преобразовании. Вывод, который мы сделали в статье, касается взаимодополнения наук: неважно, фундаментальный или прикладной характер несут те или иные открытия и достижения; важно, чтобы наука не стояла на месте, чтобы ее достижения шли на благо человечества.

Ключевые слова: концепт «наука», математика, лингвистика, фундаментальные науки, прикладные науки, Е.Д. Поливанов

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, И. Кант, исходя из априористских идей своей философии, утверждал, что в каждой области знания столько науки, сколько в ней математики. Может быть, сегодня настало время сказать нечто противоположное: «В каждой „математике“ столько математики, сколько в ней науки», подчеркивая тем самым чисто служебную (сервисную) роль математики по отношению к науке, что находит свое выражение в концепции, согласно которой математика — это язык науки [Философия математики и технических наук 2006: 7].

Считается, что никакая научная картина мира невозможна без математики [Вечтомов 2013: 9]. Между тем долгое время полагали, что точки соприкосновения могут быть только между смежными науками, а между такими разными, как математика и лингвистика, точек соприкосновения нет и быть не может.

Идею статьи подсказало высказывание известного русского лингвиста Е.Д. Поливанова (1891—1938): «Я люблю лингвистику, а математику не люблю» [Поливанов 1968: 287].

Так ли далека математика от лингвистики, и действительно ли между ними нет ничего общего?

Е.Д. ПОЛИВАНОВ И МАТЕМАТИКА

Помимо лингвистики Е.Д. Поливанов, по его собственному признанию, занимался такими науками, как история древнерусской литературы, археология, этнография, социология, некоторыми разделами зоологии и ботаники. Все эти науки вызывали в ученом интерес и любовь к ним. А вот математику он никогда не причислял к наукам, способным вызвать в нем интерес. Более того, математику Е.Д. Поливанов априорно готов был считать неинтересной для себя наукой ввиду отсутствия в ней конкретных объектов исследования [Поливанов 1968: 287]. Правда — до поры до времени. Впоследствии Е.Д. Поливанов не только нашел точки соприкосновения между математикой и лингвистикой, но и написал статью под названием «И математика может быть полезной» [Поливанов 1968: 287—294].

Ученый говорил о трех случаях использования математики для лингвистических исследований.

1. Использование математики (включая дифференциальное и интегральное исчисления) в анализе кимографических кривых (т.е. кривых, механически записанных на самодвижущемся цилиндре в лабораториях экспериментальной фонетики).

2. Математика на службе диалектологической статистики. Можно с известной приближенной точностью нарисовать искусственную (схематическую) картину коллективного говора из обследования значительного числа индивидуальных говоров (тех лиц, которые являются представителями данного коллективного говора). При этом статистической регистрации подлежат как, с одной стороны, коллективно-диалектические черты, так, с другой стороны, индивидуальные черты (т.е. свойственные лишь некоторым из представителей обследуемого говора) и процент распространения последних [Поливанов 1968: 288].

Е.Д. Поливанов не исключал, что в будущем, когда разрастется количественный материал исследований, кто-нибудь приложит сюда и теорию функций (в связи, например, с количественной характеристикой каждого из смешивающихся этнических элементов и количественными стандартами обследуемых в каждом диалекте индивидуумов).

3. Приложение теории вероятностей к определению относительной вероятности этимологий — как достоверных, так и гипотетических и, наконец, фантастических [Поливанов 1968: 290].

Л.Д. Ландау делил все науки на естественные, неестественные и противоестественные, и только одну науку, математику, он называл сверхъестественной наукой [Какзанова 2011: 89].

КОНЦЕПТ НАУКА

Концепт — это термин математической логики. Английские словари фиксируют термин «concept» со значением ‘понятие, идея, общее представление, концепция’. Употребляют этот термин, когда хотят подчеркнуть априорность некоторого понятия, чтобы сказать: обсуждая данное понятие, давайте попытаемся не просто договориться об употреблении терминов, а реконструируем ту сущность ментального мира, которая за этим понятием лежит [Демьянков 2001: 44].

Л.В. Славгородская [Славгородская 1985: 20] утверждает, что наука в современном ее понимании впервые зарождается в Греции в VI в. до н.э. Н.А. Бердяев считал, пишет В.В. Фролов [Фролов 1996: 16], что наука обладает своей спецификой: она познает необходимость. Стихия науки — необходимость. Поэтому наука — это послушание необходимости. Эти мысли Н.А. Бердяева продолжает Пьер Тейяр де Шарден [Тейяр де Шарден 1987: 137]: «Со времени своего зарождения наука развивалась, побуждаемая главным образом *необходимостью* разрешить какую-нибудь проблему жизни». Б. Малиновский [Малиновский 2000: 19] говорит, что наука — это учение, начинающееся с использования прошлого наблюдения для предсказания будущего. Академик Ю.С. Степанов, выделяя концепт «наука», приводит такое современное определение науки: «Наука есть особая сфера разделения труда человечества, специальной задачей которой является приобретение и фиксирование знаний, а также изобретение новых средств для этого» [Степанов 2001: 470]. Однако ученые-математики категорично утверждают, что до сих пор нет и не может быть строгого определения науки, поскольку понятие науки относится к числу неформализуемых понятий [Вечтомов 2013: 78].

Известно одно: наука не однородна по своей структуре. Научные исследования делятся на фундаментальные и прикладные. Советский физик, член-корреспондент АН СССР Д.И. Блохинцев так определил предназначение фундаментальной и прикладной науки: «Фундаментальная наука сосредоточивает свои усилия на выяснении основных законов, основных принципов Природы. Наука прикладная ставит перед собой задачу решения определенной технической проблемы обычно в непосредственной связи с материальными интересами общества. При решении такого рода задач прикладная наука, как правило, опирается на закономерности, установленные наукой фундаментальной» [Блохинцев 1976: 5]. Российский ученый-философ А.Л. Никифоров видит в фундаментальных исследованиях гносеологическую подоплеку, утверждая, что они направлены на получение, обоснование и проверку знания, т.е. их целью является получение истины. Прикладные исследования ученый определяет как исследования, направленные на применение имеющегося знания для решения каких-либо практических задач. В то время как цель фундаментального исследования А.Л. Никифоров видит в истине, цель прикладного исследования он видит в пользе [Никифоров 2011: 150].

Справедливо отмечается, что во многих науках имеются как фундаментальная, так и прикладная области: например, исследование человеческой психики будет фундаментальным, а применение знаний о психике человека для лечения неврозов или в педагогике — прикладным [Никифоров 2011: 150].

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИЛИ ПРИКЛАДНЫЕ?

Следует указать на то, что в трудах по лингвистике вопрос о фундаментальном или прикладном характере исследования не затрагивается. Лингвистика, как и любая другая наука, также может иметь как фундаментальный, так и прикладной характер. Теоретические лингвистические дисциплины, типология языка — это фундаментальные исследования. Терминология с общей и компьютерной лекси-

кографией, технологиями корпусной лингвистики, понятийным аппаратом математики — это прикладные исследования.

Вопрос о статусе наук волнует, в основном, философов и математиков — практически в каждом труде по философии математики высказываются мысли по этому поводу. С одной стороны, в большинстве источников по классической философии философия провозглашалась царицей наук, или наукой наук. С другой стороны, математики считают царицей наук математику, представляя ее как особую науку и специфическую форму научного познания [Вечтомов 2013: 20]. В свое время итальянский философ и математик Г. Галилей (1564—1642) утверждал, что математика является языком науки [Канке 2011: 98]. Острая дискуссия по поводу того, какая наука «папее папы», продолжается вплоть до настоящего времени.

Каждая фундаментальная наука оказывала существенное влияние на всю систему мировоззрения своей эпохи, на выработку основных понятий философского мышления. Абсолютизация особенностей некоторых фундаментальных наук исторически приводила к появлению целых философских направлений.

Не только противопоставление фундаментальной науки прикладной вызывает острые дискуссии. Не все так просто и с терминологией. Уже к середине прошлого столетия любые научные исследования, от физики до лингвистики, в рамках которых наличное знание использовалось, прежде всего, для производства нового знания, стали противопоставляться прикладным наукам в качестве «чистой» науки [Пружинин 2011: 170—171]. «Чистой» (*pure*) наукой за рубежом называют фундаментальную науку, что закреплено и в названиях научных союзов: *International Union of Pure and Applied Physics* (международная организация, занимающаяся вопросами теоретической и прикладной физики), *International Union of Pure and Applied Chemistry* (международная организация, занимающаяся вопросами теоретической и прикладной химии) и др.

Синонимом «чистой» математики является не только фундаментальная, но и «абстрактная» математика.

Долгое время математику считали прикладной наукой, которая решает практические задачи естествознания [Панов 2011: 26]. Математик В.А. Стеклов (1864—1926) называет чистую математику единственной точной наукой в строгом смысле слова [Стеклов 2010: 129]. Точные науки В.А. Стеклов также называет умозрительными, или дедуктивными науками [Стеклов 2010: 121]. Е.Д. Поливанов утверждал, что лингвистика может претендовать на звание точной науки с не меньшим правом, чем любая из естественноисторических дисциплин (например, геология, минералогия, ботаника, зоология, антропология и т.д.) [Поливанов 1968: 287]. В.А. Стеклов же относит к точным наукам математику, а также механику и геометрию, причем считает, что геометрия — это следующая за математикой наука, наиболее подходящая к термину точной и всецело основанная на чистой математике [Стеклов 2010: 114, 129].

Полностью противоположную точку зрения высказывает французский философ, логик и математик Л. Кутюра (1868—1914), считавший чистой математикой лишь арифметику (с алгеброй и анализом), с одной стороны, и геометрию — с другой [Кутюра 2010: 215].

Терминология и статус различных наук

Фундаментальные науки	Прикладные науки
чистые науки абстрактные науки точные науки умозрительные науки дедуктивные науки	эмпирические науки

Один из крупнейших математиков XX в. В.И. Арнольд (1937—2010) и выдающийся польский математик и логик Анджей Мостовский (1913—1975) называли математику естественной наукой, наукой о природе. В.Б. Губин однозначно утверждает, что математика в классификациях наук стандартно проходит как естественная наука [Губин 2003: 237].

По мнению немецкого философа Г.-Г. Гадамера (1900—2002), одного из самых значительных мыслителей второй половины XX в., естественные науки — это образец для гуманитарных [Гадамер 1988: 47]. Очевидно, на основании этого вывода Г.-Г. Гадамера современный российский логик и математик Н.Н. Непейвода относит математику к гуманитарным наукам. Философ И.Д. Неважжай не только считает математику гуманитарной наукой, но и утверждает, что она подобна лингвистике [Неважжай 2009: 37, 39]. Содиректор Боннского математического института Ю.И. Манин также не сомневается в том, что математика — это отрасль лингвистики или филологии, занимающаяся преобразованием конечных цепочек символов некоторого конечного алфавита в другие такие цепочки при помощи конечного числа «грамматических» правил [Арнольд 2002: 14].

Науке известен тот факт, что в 1913 г. русский математик А.А. Марков (1856—1922) применил теорию вероятностей в лингвистике. Он исследовал роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и повесть С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука». Его интересовала вероятность, с которой за каждой буквой следует гласный или согласный звук [Панов 2011: 134].

По мнению В.Ф. Панова, граница между гуманитарными и точными науками стирается потому, что математика со своим понятийно-категориальным аппаратом и методологией проникает повсюду — помимо физики, механики, техники в экономику, социологию, психологию, лингвистику, биологию, медицину и другие науки [Панов 2011: 30, 31], что доказали, в частности, исследования Е.Д. Поливанова, о которых говорилось выше.

Математик Е.М. Вечтомов признает, что многие методисты считают математику, особенно как изучаемую дисциплину, гуманитарной наукой. Со своей стороны, Е.М. Вечтомов, вслед за математиком М.М. Постниковым, не относит математику ни к естественным, ни к гуманитарным, ни к общественным или техническим наукам. Во всем многообразии научного знания, полагает ученый, выделяются четыре системы знания: математика, естествознание, науки о человеке и обществе, история. При этом математика считается особым видом знания [Вечтомов 2013: 20, 77]. Не склонен противопоставлять гуманитарные науки естественным и Н.С. Автономова, считая, что сама дихотомия естественного и гуманитарного знания онтологизировалась, окостенела [Автономова 2014: 9].

Философ и историк науки Б.Г. Кузнецов проводит границу между дисциплинами, где математика может быть применена, и дисциплинами, где она не может быть применена. По мнению ученого, математика, которая сейчас переходит через границу отдельных отраслей науки, по-иному связана с философией, чем математика, ограничивавшая себя механикой, астрономией и физикой. Она уже не только философия познания, она становится философией бытия. Сейчас, охватывая своими понятиями и методами всю сумму представлений о мире и его преобразовании, математика приобретает онтологический смысл, она становится общим учением о закономерностях мира [Кузнецов 2007: 5].

Возвращаясь к терминам «прикладные» и «фундаментальные» науки, отметим, что разницу между ними ученые видят в их связи с другими науками. Так, ученый-философ Л.Б. Баженов называет науку фундаментальной, если ее основные положения не могут быть теоретически выведены из каких-либо других дисциплин, а могут быть лишь обоснованы ссылкой на всю совокупность соответствующих опытных данных [Баженов 1986: 12]. Прикладное же исследование, считает Б.И. Пружинин, в своей собственно прикладной части предстает как обращение к различным, весьма далеким друг от друга дисциплинам, концепциям, методам и методикам [Пружинин 2011: 169].

По мнению Е.М. Вечтомова, прикладная наука, не опирающаяся на фундаментальную, псевдонаучна. Настоящая же прикладная наука есть приложения науки, в первую очередь науки фундаментальной [Вечтомов 2013: 81]. Эту точку зрения разделяет и Ю.В. Сачков, отмечающий, что фундаментальные и прикладные науки взаимодополняют друг друга, и их взаимодействие лежит в основе развития научного познания в целом [Сачков 2011: 63]. В.Ф. Панов указывает, что у прикладной математики много общего с абстрактной математикой, но есть и различия. По этому поводу математик Р. Курант (1888—1972) писал, что на самом деле между «чистой» и «прикладной» математикой невозможно провести четкую грань [Панов 2011: 28].

Хотя А.Л. Никифоров полагает, что современная наука во все большей степени приобретает прикладной характер [Никифоров 2011: 150], «внутри» математики, по утверждению В.А. Канке, никогда не говорят о прикладной математике, зато за ее пределами термин «прикладная математика» используется очень часто [Канке 2011: 98]. Довольно категорично высказался по этому поводу В.И. Арнольд, сославшись на Л. Пастера (1822—1895), который давно уже провозгласил, что никаких «прикладных наук» не бывает. На самом деле, по словам Л. Пастера, существует только наука, открывающая истины [Арнольд 2002: 66—67].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деление наук на прикладные и фундаментальные сохраняет свою значимость и в наше время. Говорят об этом, конечно, представители древнейших наук — математики и философии, амбициозно пытаясь решить, какая из наук «царственнее» и «истиннее».

Несмотря на то, что первые лингвистические концепции тоже возникли в древнем мире (известны «Грамматика» Панини, представителя индийской филологической школы, жившего в IV веке до н.э.; «Грамматика» Доната IV века н.э.;

«Грамматическое учение» Присциана VI века н.э. и др.), лингвистика не претендует на истинность в последней инстанции, хотя могла бы, учитывая, например, первую строку Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово».

Мы считаем, что неважно, фундаментальный или прикладной характер несут те или иные открытия и достижения: важно, чтобы наука не стояла на месте, чтобы она приносила пользу, чтобы лингвисты знали о возможностях математики и использовали их на благо своей науки.

© Какзанова Е.М.

Дата поступления: 05.10.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономова Н.С. (2014) Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров [Автономова Н.С. Open structure: Jacobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov]. Москва—СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
2. Арнольд В.И. (2002) Что такое математика? [Arnol'd V.I. What is mathematics?]. Москва: МНЦМО.
3. Баженов Л.Б. (1986) Общенаучный статус редукционизма [Bazhenov L.B. General scientific status of reductionism]. Пушкино: ОНТИ НЦБИ АН СССР.
4. Блохинцев Д.И. (1976) Предпосылки научно-технического прогресса [Blokhintsev D.I. Prerequisites of scientific and technical progress] // Современные проблемы физики. Москва: Наука. С. 4—6.
5. Вечтомов Е.М. (2013) Философия математики [Vechtomov E.M. Philosophy of mathematics]. Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС».
6. Гадамер Х.-Г. (1988) Истина и метод: Основы философской герменевтики. Перевод с нем. [Gadamer H. Truth and method: Basics of philosophical hermeneutics]. Москва: Прогресс.
7. Губин В.Б. (2003) О физике, математике и методологии [Gubin V.B. About physics, mathematics and methodology]. Москва: ПАИМС.
8. Демьянков В.З. (2001) Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке [Dem'yankov V.Z. Notion and concept in fiction and in language of science] // Вопросы филологии. № 1. С. 35—47.
9. Какзанова Е.М. (2011) Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов) [Kakzanova E.M. Lingvokognitive and culturological features of scientific discourse (based on mathematical and medical eponym terms)]: дисс. ... докт. филол. наук. Москва: Институт языкознания РАН.
10. Канке В.А. (2011) Философия математики, физики, химии, биологии: учебное пособие [Kanke V.A. Philosophy of mathematics, physics, chemistry, biology: manual]. Москва: КНОРУС.
11. Кузнецов Б.Г. (2007) История философии для физиков и математиков [Kuznetsov B.G. History of philosophy for physicists and mathematicians]. Москва: Издательство ЛКИ.
12. Кутюра Л. (2010) Философские принципы математики. Перевод с франц. [Couturat L. Philosophical principles of mathematics] Москва: Издательство ЛКИ.
13. Малиновский Б. (2000) Научная теория культуры [Malinovskiy B. Scientific theory of culture]. Москва: ОГИ.
14. Невважай И.Д. (2009) Математика как гуманитарная наука [Nevvazhay I.D. Mathematics as humanity] // Философия математики: актуальные проблемы. Тезисы Второй международной научной конференции 28—30 мая 2009. Москва: МАКС Пресс. С. 37—39.
15. Никифоров А.Л. (2011) Фундаментальная наука умирает? [Nikiforov A.L. Does the fundamental science die?] // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные проблемы. Москва: КРАСАНД. С. 150—154.

16. *Панов В.Ф.* (2011) Современная математика и ее творцы [*Panov V.F. Modern mathematics and its creators*]. Москва: Издательство МГТУ им. Баумана.
17. *Поливанов Е.Д.* (1968) Статьи по общему языкознанию [*Polivanov E.D. Articles on general linguistics*]. Москва: Главная редакция восточной литературы.
18. *Пружинин Б.И.* (2011) Надеюсь, что будет жить! [*Pruzhinin B.I. I hope that will live!*] // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные проблемы. Москва: КРАСАНД. С. 162—171.
19. *Сачков Ю.В.* (2011) Фундаментальные науки как стратегический ресурс развития [*Sachkov Yu.V. Fundamental sciences as strategic resource of development*] // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные проблемы. Москва: КРАСАНД. С. 58—74.
20. *Славгородская Л.В.* (1985) Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания (исторические очерки) [*Slavgorodskaya L.V. Interaction of oral and written language in the sphere of scientific knowledge (historical essays)*] // Научная литература. Язык, стиль, жанры. Москва: Наука. С. 16—33.
21. *Стеклов В.А.* (2010) Математика и ее значение для человечества [*Steklov V.A. Mathematics and its value for mankind*]. Москва: Книжный дом «Либроком».
22. *Степанов Ю.С.* (2001) Константы: Словарь русской культуры [*Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of the Russian culture*]. Москва: Академический проект.
23. *Тейяр де Шарден П.* (1987) Феномен человека [*Teilhard de Chardin P. Phenomenon of a human being*]. Москва: Наука.
24. *Философия математики и технических наук* [*Philosophy of mathematics and technical sciences*] / Под общей редакцией С.А. Лебедева (2006): Учебное пособие для вузов. Москва: Академический проект.
25. *Фролов В.В.* (1996) Смысл жизни человека в философии Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского [*Frolov V.V. Meaning of the human life in philosophy of N.A. Berdyaev and P.A. Florensky*]. Москва: Изд-во Московского государственного университета леса.

УДК: 001

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-9-16

E.D. POLIVANOV AND MATHEMATICS: APPLICATION-ORIENTED VS. FUNDAMENTAL SCIENCES

E.M. Kakzanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

kakzanova@post.ru

Abstract. The purpose of the present article is to consider the issue whether there is common ground between mathematics and linguistics. The idea of article was prompted by the relation to mathematics of the famous Russian linguist E.D. Polivanov. Methodologically we gave the floor to a large number of mathematicians and philosophers and came to a conclusion that many scientists recognize division of sciences into application-oriented ones and fundamental. This division concerns, generally mathematics; similar ambitiousness is not typical of linguists. The mathematics oversteps now the limits of separate sciences including humanitarian ones covering the whole amount of ideas concerning the world and its transformation with its own concepts and methods. The conclusion drawn in the article concerns complementarity of sciences: no matter whether any discoveries and achievements are fundamental or application-oriented. What really matters, the science shouldn't stand still and its achievements are used for the benefit of the mankind.

Key words: concept “science”, mathematics, linguistics, fundamental sciences, applied sciences, E.D. Polivanov

УДК: 811.161.1'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-17-23

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ВАЖНЕЙШАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В.А. Маслова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Московский пр., 33, Витебск, Беларусь, 210015
mvavit@tut.by

В статье предпринимается попытка показать, что получающий сейчас все более широкое распространение термин «коммуникативное пространство» может быть рассмотрен как категория современной лингвистики и лингвокультурологии. В отличие от грамматических категорий, которые образуют замкнутую систему, категория коммуникативного пространства открыта и незавершена, хотя и имеет регулярные способы выражения.

Ключевые слова: пространство, коммуникативное пространство, социокультурное пространство, лингвокультурный подход

ВВЕДЕНИЕ

Понятие категории восходит к Аристотелю. Под категорией в лингвистике традиционно понимается любая группа языковых элементов, объединяемых на основе каких-либо общих свойств. Известны понятийные категории, грамматические категории, лексико-семантические, словообразовательные, синтаксические категории, коммуникативные категории и т.д. Предметом данной статьи является категория коммуникативного пространства, которая исследуется в целом ряде наук — философии, психологии, социологии, культурологии и др. В лингвистике интерес к данному явлению возник сравнительно недавно.

Основопологающим для всех направлений исследования является философское осмысление пространства, которое оценивается на основе понимания видов деятельности: разные виды деятельности человека формируют свои пространства [Бобрихин 2011: 12]. Совокупность человеческой деятельности составляет жизненное пространство, или пространственную картину мира, в которой существует общество.

В современных гуманитарных науках «пространство» культивируется в составе различных терминологических и понятийных словосочетаний: образовательное, культурное, межличностное, информационное, когнитивное, мифологическое, языковое и т.д. О языковом пространстве еще в 80-е гг. прошлого века писал Ю.С. Степанов в книге «В трехмерном пространстве языка»: «(...) нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [Степанов 1985: 3].

ПОНИМАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В РАЗНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Несколько иное, чем в философии, понимание пространства в социологии, где оно основывается на теории коммуникации Н. Лумана [Луман 1995] и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [Habermas 1981]. Оно понимается как среда, в которой протекают социальные, культурные, духовные процессы. Большинство социологических работ рассматривает коммуникативное пространство как форму социальной реальности. Распространение в социологии получил также социокультурный подход, в рамках которого термин «коммуникативное пространство» заменяется понятием «социокультурное пространство» — специфическая пространственно-временная целостность, являющаяся «результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами» [Естрина 2007: 14].

Без понятия «коммуникативное пространство» сейчас трудно обойтись как коммуниативной лингвистике, так и прагмалингвистике. Именно в теории коммуникации это явление начали трактовать широко, понимая его как территорию, среду, «в пределах которой происходит взаимодействие» [Шарков 2005: 14]. По мнению Б.М. Гаспарова, коммуникативное пространство — это целостная коммуникативная среда [Гаспаров 1996: 297]. Схожего мнения придерживается и В.В. Макаров и Г.Г. Почепцов и др.

Существует и более узкое понимание коммуникативного пространства. Так, Г.Б. Крейдлин определяет его как проксимальное пространство (актуальное коммуникативное пространство) между участниками общения [Крейдлин 2000: 12].

Даже столь беглый анализ понятия указывает на его сложность и многообразие подходов. Мы разделяем точку зрения Т.А. Воронцовой, которая считает, что категория коммуникативного пространства в теории лингвопрагматики и коммуникативной лингвистики определяется как «речевая ситуация, включающая роли говорящего и слушающего, характеристики времени и места, правила согласования этих целей в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта другому и т.д.» [Воронцова 2009: 13].

Коммуникативное пространство в нашем понимании близко его пониманию в социологии, т.е. это социокультурное пространство: оно функционирует в социуме с учетом культурных параметров. Коммуникативное пространство — это общее понятие, образующееся как результат абстрагирования от некоторых сущностей, оно отображает фундаментальные и наиболее существенные отношения в реальном мире и познании. Для нас это класс текстов, которые играют одну и ту же роль в культуре и коммуникации. При этом текст мы понимаем как часть коммуникативного события, коммуникативного процесса.

Все реальное разворачивание речевой деятельности говорящего человека обуславливается его коммуникативными потребностями, его интенциями, содержанием того, что подлежит объективации вовне, а значит вербализации, на что обращала внимание еще Е.С. Кубрякова.

В отличие, например, от грамматических категорий, которые образуют замкнутую систему, категория коммуникативного пространства открыта и незаверше-

на, хотя и имеет регулярные способы выражения. Категоризирующий признак в них — семантико-прагматический и культурный (культурная коннотация). Рассмотрим сказанное подробнее.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Поскольку нас интересует функционирование категории «коммуникативное пространство» с позиций лингвокультурологии, обратимся к работам специалистов, учитывающих влияние культуры на предмет их исследования. Так, по мнению Ю.М. Лотмана, феномен пространственной картины мира многомерен, так как соединяет в своей структуре мифологическую составляющую, научные представления, бытовой «здравый смысл» и др. «При этом у обычного человека эти (и ряд других) пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое (...). В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [Лотман 1996: 296]. Данный подход широко распространился в гуманитарной науке второй половины XX — начала XXI вв.

Посмотрим на эту категорию с позиций чистой лингвистики. Понимание слова «пространство» тесно связано с его этимологией в различных языках. Так, в русском языке слово «пространство» происходит от слова «*страна*», «*сторона*». В латинском (*spatium*), французском (*espace*), английском (*space*) понятие «пространство» происходит от глагола «шагать», то есть пространство есть творимая и измеряемая шагами сущность; оно дискретное, рубленое, а не плавное, не континуум. Немецкий эквивалент пространства (*das Raum*) имеет значение «пусто», «чисто». «Так что германское чувство пространства есть как бы «от-странство, у-странение, а не рас-про-стран-ение — протяжение — растекание» [Титова. *Arhiv nauchnyh publikacij*: http://www.rusnauka.com/15_NNM_2012/Philosophia/4_111456.doc.htm]. В отличие от него этимология русской лингвокультуры включает все стороны, которые охватываются человеческим зрением.

Вероятно, с учетом этимологии в российской научной парадигме закрепилось образное представление о пространстве как некотором вместилище, определенном порядке вещей, а также коммуникативной системе.

У коммуникативного пространства региона Витебщина можно выделить несколько экстралингвистических признаков: 1) место коммуникации — данный регион, в границах которого происходит коммуникативное взаимодействие; 2) время коммуникации — 2-е десятилетие XXI в.; 2) партнеры коммуникации и их роли: роли говорящего и слушающего, правила согласования их целей и стратегий в общении; 4) совокупность сфер общения, в которых региональная языковая личность функционирует в рамках данного дискурсивного пространства; 5) учет культурных особенностей региона: материальные ценности, природные объекты, прецедентные имена региона, духовная культура — обряды, традиции, нормы и ценности; 6) важнейшей ценностью и составляющей коммуникативного пространства является язык региона.

Вступая в коммуникацию, каждый из участников обладает собственным видением ее процесса, своей роли в нем, имеет собственные ценностные ориентиры

и собственные представления о мире; при этом коммуникативное пространство — зона обоюдной ответственности и собеседников, а само речевое поведение коммуникантов — это инструмент формирования коммуникативного пространства.

Коммуникативное пространство имеет когнитивную сферу, которая включает в себя важнейшие концепты, актуальные для социума данного региона. В них отражается окружающая реальность, представленная множеством уникальных явлений, предметов, объектов, которые функционируют в языковом сознании в виде образов-концептов. Формирование концептов происходит в процессе социальной деятельности человека и зависит от человеческого опыта, который он приобретает разными способами, прежде всего в коммуникативной деятельности. Поэтому мы отнесли к коммуникативному пространству важнейшие концепты, идеальный образ которых формируется в языковом сознании региональной языковой личности.

Получается, что региональная языковая личность, обладающая регионально маркированными знаниями, представлениями, ценностными ориентирами и средствами их знаковой репрезентации, реализует свое речевое намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения. Региональные знания и ценностные ориентиры — это не только нормы, традиции и культурные символы, но и сведения о реальных артефактах (замках, крепостях, храмах и др.), о природных объектах (реках, озерах, заповедниках), но и знания о выдающихся личностях — творцах культуры, науки, цивилизации, т.е. прецедентные в регионе имена собственные — антропонимы, топонимы, гидронимы и т.д.

Рассмотрим имя собственное как средство представления коммуникативного пространства региона, оно является регулярным средством репрезентации коммуникативного пространства. По замечанию В.Н. Топорова, имя — это та «парадоксальнейшая часть языка, где причина и следствие неразличимы, где „последний“ смысл преформирует «первые»; имя — импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно и результат ее, поскольку его смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются» [Шарков 2005: 382].

Интерес к имени собственному как культурному знаку в значительной мере обусловлен интересом к культуре, одним из хранителей которых является имя собственное в силу своей природы уникального именованного единичного объекта.

С точки зрения значимости для конкретной языковой личности региональные имена собственные могут иметь даже большее значение, чем имена собственные более высоких уровней, так как они воспринимаются не только на содержательном, но и на эмоциональном уровне. Примером таких региональных имен Витебщины только в XX в. являются З.И. Азгур, В. Быков, Л.С. Выготский, Л.М. Доватор, В.И. Качалов, В.С. Короткевич, Л. Лагин, Н.О. Лосский, К. Малевич, П.М. Машеров, Ю. Пэн, И.И. Соллертинский, П.О. Сухой, М. Шагал и многие другие. Названные личности внесли огромный вклад в мировую культуру и цивилизацию, но на протяжении всей своей жизни помнили о Витебске, например, Марк Шагал, основной темой творчества которого был Витебск, с его бытом, поэтому фоном многих его картин был Витебск: «Моя невеста в черных перчатках», «Художник перед собором», «Над Витебском», «Над городом», «День рождения», «Лежащий поэт» и др.

Важными средствами представления коммуникативного пространства региона являются также природные объекты, материальная культура, духовная культура (музыка, театр, архитектура, изобразительное искусство, народная культура) и др.

Как известно, культура — общественное достояние, транслируемое от поколения к поколению, она начинается и продолжает существовать как продолжение природы, представляя особый, неизвестный самой природе ее облик, в котором совмещаются естественные природные компоненты с их творимыми человеком в культуре смыслами. Природный объект — река (вода) преобразуется культурой в культурный объект и осмысливается в философии культуры как концепт.

Рассмотрим это на примере главной реки Витебщины — *Западная Двина*, древнее название *Эридан*, *Даугава* — «многоводная», так называется она на территории Латвии. Норманны называют ее *Дина*, *Дюна*, *Рудон*, а белорусы — *Заходняя Дзвіна*.

Двина упоминается еще Нестором-летописцем. О реке Эридан писали Гомер и Гесиод. Река протекает через Россию (325 км), Белоруссию (328 км) и через Латвию (367 км) и впадает в Рижский залив Балтийского моря.

Концепт *Двина* не непосредственно отражает действительность, а является неким мыслительным образованием, замещающим в нашем сознании целый ряд объектов со сходным названием и функциями. Так, концепт *Двина* замещает следующие смыслы: кормилица, защитница, объединительница живущих вдоль ее берегов народов. Эти смыслы — результат когнитивной деятельности человека. Кроме того, это культурно нагруженная когнитивная структура: *Двина* мудра и опытна, знает ответы на многие вопросы, всегда поймет и выслушает, такой она предстает творчестве поэтов Витебщины:

*Улетают все печали прочь,
Я тебе одной открою душу.
Обнимая мягкими волнами,
Как никто меня умеешь слушать* (Ю. Сенченко).

В ядре данного концепта находится ценность. При ценностном подходе к культурно-языковой специфике концепта предметом изучения, в первую очередь, становятся те культурно-значимые содержательные признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями социума, со стереотипами сознания и поведения. Так, Двина светлая, красивая, она заступница, она близкая подруга и родная витебчанам, как мать.

О Двине сложено много легенд и мифов, песен и стихов, написаны книги, в центре которых Двина как ценность. Двина, для многих витебских поэтов отождествляется с Витебском, городом на Двине:

*Мой Витебск, город на Двине,
Плеяды белорусских городов ты представитель* (А. Геращенко).

В поэзии региональных поэтов фиксируются образы Двины, созданные с помощью многочисленных тропов (чаще всего олицетворений), коннотаций, игры внутренней формы. Так, в стихотворениях Юлии Сенченко река предстает перед нами в образе женщины, с длинными, золотисто-голубыми косами: *Распустила*

косы светлая Двина, / Солнце расчесало их гребнем золотым. В стихотворениях Антона Бубалы Двина принимает образ матери, которая дождалась с войны своих сыновей.

При создании образа реки авторы широко используют эпитеты: *Здравствуй, Витебск родной, / Над прекрасной Двиной!* (Н. Дорофеев). В описании Двины наиболее часто используется эпитет *прекрасный*, но есть и другие эпитеты: *Над Двиной голубой. / ...Посвящая свой вальс / Я любимой Двине и Дзвіне* (Л. Тиханчик). ... *Бегала в росах над тихой Двиной* (О. Князюк). ...*Над Двиной могучей.* (О. Ковалевская). ...*Прыпадали / Да гаючай Дзвіны* (А. Канапелька). ...*Калі на стамленья хвалі Дзвіны ...* (С. Законнікаў). ...*И Двина глубока, быстройтечна...* (Е. Каретникова). ...*Абуджаная Дзвіна...* (А. Аркуш).

Заключение. Таким образом, термин «коммуникативное пространство» имеет междисциплинарный характер, вследствие чего трактуется неоднозначно. Коммуникативное пространство рассматривается как особая среда, наполнение и функционирование которой напрямую зависит от области исследования, в котором оно употребляется. С позиций лингвокультурологии мы понимаем коммуникативное пространство как гетерогенную сущность, которая функционирует в культуре и социуме как нечто единое.

Следовательно, коммуникативное пространство региона представляет собой совокупность и результат ареально органичных социальных коммуникаций, региональных реалий и знаний о них, знаний об известных личностях региона, творцах материальной и духовной культуры. Все они репрезентированы языком.

Коммуникативное пространство невозможно четко структурировать в силу его диффузности и динамичности, но его можно смоделировать.

© Маслова В.А.

Дата поступления: 05.10.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бобрихин А.А.* (2011). Концептуализация пространства в культуре (на примере традиционной культуры русского населения Урала) [*Bobrikhin A.A. Conceptualization of space in culture (the case of traditional culture of Russian population of the Ural region)*]: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Челябинск, ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т».
2. *Воронцова Т.А.* (2009). Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме [*Vorontsova T.A. Communicative space in linguopragmatic paradigm*] // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология, 2009. Вып. 1. С. 11—17.
3. *Гаспаров Б.М.* (1996). Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [*Gasparov B.M. Language, memory, image. Linguistics of language existence*]. Москва: Новое литературное обозрение.
4. *Естрина О.В., Дулина Н.В.* (2007). Социокультурное пространство: определение понятий [*Estrina O.V., Dulina N.V. Socio-cultural space: notions defining*] // Человек. Культура. Общество. Волгоград, 2007. Вып. 5. С. 13—15.
5. *Крейдлин Г.Б.* (2000). Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной [*Kreydlin G.B. Non-verbal semiotics in its relation to the verbal one*]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, РГГУ.

6. *Лотман Ю.М.* (1996). Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История [Lotman Yu.M. Within reflecting worlds. Man.Text. Semiosphere. History]. Москва: Языки русской культуры.
7. *Луман Н.* (1995). Что такое коммуникация? [*Luman N.* What's a communication?] // Социологический журнал, 1995, № 3. С. 114—125.
8. *Степанов Ю.С.* (1985). В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [*Stepanov Yu.S.* Within the three-dimensional language space: semiotic issues of linguistics, philosophy, art]. Москва: Наука.
9. *Титова М.П.* Лингвокультурологическое осмысление категории пространства. Архив научных публикаций [*Titova M.P.* Linguocultural understanding of the category of space. The archive of scientific publications]: http://www.rusnauka.com/15_NNM_2012/Philosophia/4_111456.doc.htm (01.09.2014).
10. *Топоров В.Н.* (2004). О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа [*Toporov V.N.* On some theoretical basis of etymologic analysis] // Исследования по этимологии и семантике. Москва: Языки славянской культуры. С. 19—40.
11. *Шарков Ф.И.* (2005). Основы теории коммуникации: учебник для вузов [*Sharkov F.I.* The fundamentals of the theory of communication: Textbook for higher educational institutions]. Москва: Экзамен.
12. *Habermas J.* (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns.* Frankfurt/Main: Suhrkamp. Bd. 1—2.

УДК: 811.161.1'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-17-23

COMMUNICATIVE SPACE AS AN IMPORTANT CATEGORY OF MODERN LINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS

V.A. Maslova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moscow ave., 33, Vitebsk, Belarus, 210015
mvavit@tut.by

Abstract. The article demonstrates an attempt to show that a modern widespread term “communicative space” can be considered as a category of modern linguistics and cultural linguistic studies. In contrast to the grammatical categories that form a closed system, the category of communicative space is open and unlimited, although it has a regular means of expression.

Key words: space, space communication, socio-cultural space, linguocultural approach

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-24-32

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Т.Ю. Тамерьян

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 46, Владикавказ, РСО-Алания, 362047
tamertu@mail.ru

В статье на материале 236 текстов русско- и осетиноязычных анекдотов, собранных из различных источников — интернет-сайтов и скриптов, устных рассказов, периодических изданий и др., рассматриваются стереотипные персонажи — представители субэтнических групп, выявляется межсубэтническое взаимодействие носителей диалектов и говоров осетинского языка, описываются гетеростереотипы, существующие в североосетинской лингвокультуре. Отобранные для анализа тексты анекдотов имеют хождение в республиках Северная Осетия-Алания и Южная Осетия, объектами их осмеяния являются носители дигорского и иронского диалектов, кударского и ксанского говоров иронского диалекта осетинского языка, вербализуемые как *дигорцы*, *иронцы*, *кударцы*, *ксанцы*.

Ключевые слова: субэтнос, межкультурное взаимодействие, лингвокультурный типаж, стереотип, анекдот, когнитивный признак

ВВЕДЕНИЕ

Анекдот является порождением национальной культуры в целом, он отражает наиболее существенные аспекты осетинской жизни, выделяя, таким образом, характеризуются основные этнодифференцирующие признаки, на базе которых строится этническая самоидентификация. Как текст прецедентного типа, анекдот отличается устойчивой композиционной структурой, легко узнаваем членами той или иной лингвокультурной среды, совокупностью языковых штампов и ценностной значимостью [Слышкин 1999: 51].

В анекдоте реализуется социальный стереотип, который передает представления о своей и других этнических/субэтнических группах, и демонстрируется специфика межэтнической коммуникации, выявляются взаимоотношения между этническими группами. Анекдот пародирует черты национального характера и систему ценностей фиксируют их в обыденном сознании.

Средства создания комического в анализируемых анекдотах делятся на универсальные, присущие всем анекдотам: (парадокс, эффект неожиданности, противоречивости, каламбур) и национально-культурные — характерные для анекдотов осетинской лингвокультурной среды, определяющие специфику осетинского юмора, прецедентность и стереотипность анекдота [Тулина 2006: 56].

КОМИЧЕСКОЕ В СОДЕРЖАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Комическое содержание порождается в результате осмысления отклонения свойств наблюдаемого объекта от нормы: «Смешны отклонения (...) от привычного языка, от логических норм, от принятых понятий, от обычаев, от правил хо-

рошего тона, смешны отступления от того, что принято считать нормой» применительно к человеческому характеру» [Дземидок 1983: 34].

В полиязычных лингвокультурных сообществах Северной и Южной Осетий территориальные речевые особенности проявляются как социальные маркеры вербальной коммуникации. Модели «своего» коммуникативного поведения служат эталонами в процессе межличностного общения с представителями разных районов проживания одной этнической группы, а «чужие» воспринимаются как отклонение от нормы и служат объектом сравнения и оценки.

В процессе общения друг с другом носителей разных диалектов, наречий или говоров осетинского языка в этническом сознании собеседников представитель «другого» лингвокультурного сообщества идентифицируются как «чужой» в соответствии со сложившимся гетеростереотипом. Становление этнических авто- и гетеростереотипов осуществляется под влиянием политической, экономической и религиозной систем общества, формирующих нормы, ценности, идеалы, императивы этнических групп [Тамерьян, Качмазова 2013а, 2013б, 2014; Тамерьян, Валиева 2011; Тамерьян 2013, Тамерьян 2014а, Тамерьян 2014б].

Между диалектами осетинского языка и говорами иронского диалекта существуют отличия, проявляющиеся на различных уровнях языковой системы. Наиболее ярко в анекдотах отражены фонетические территориальные признаки, дифференцирующие разные внутриэтнические группы носителей осетинского языка. Комический эффект создается за счет фоносемантических отличий, реализуемых носителями данных говоров в процессе коммуникации.

В приводимом ниже анекдоте персонажами являются носители ксанского и кударского говоров, локализующиеся в основном в Южной Осетии. Обыгрывается переход ксанских свистящих аффрикат [ц], [дз], [цъ] в кударском говоре в шипящие спиранты [ш], [ж], [чъ]. Приводимый ниже анекдот предназначен этнически узкой группе людей:

Осетинский язык		Перевод на русский язык
Ксанский говор	Кударский говор	
<i>Ксанец: Цымае ацы маршрутка [марцрутка] ЦУМы цурмае цаеуы?</i>	<i>Кударец: Найы, ацы [ашы] маршрутка Шты-байы цурмае [шурмае] цаеуы [шаеуы]?</i>	<i>Ксанец: Интересно, эта маршрутка едет до ЦУМа? Кударец: Нет, эта маршрутка едет на Штыба?</i>

Диалог происходит между южными осетинами — носителями разных говоров на территории Северной Осетии. Упоминаемые в анекдоте объекты расположены в городе Владикавказе на незначительном расстоянии друг от друга. Смеховая реализация ситуации порождается благодаря различным способам отражения действительности в языковом сознании носителей говоров: тот факт, что ориентиром на местности послужили разные объекты, акцентирует этническую специфику носителей говоров, подкрепленную фоно-лексическими отличиями —

чередованием фонем, характерных для данных говоров: [ц] — для ксанского и [ш] — для кударского.

Необходимо упомянуть, что для осетинских этнических анекдотов наиболее типично негативное стереотипизирование образа кударца. Поскольку анекдоты в североосетинском лингвокультурном сообществе имеют хождение большей частью на русском языке, то персонаж «**кударец**» маркируется осетинскими языковыми вкраплениями, реализуемыми на различных уровнях соответствующего говора, например:

Кударский говор	Перевод на русский язык
<i>Поймал как-то кударец змею... — Змея ему: ссссссс...</i>	
<i>Кударец: шиииииишы зæгъ, æмæ да ауажджынæн...</i>	<i>Кударец: скажи шииииииши, и я тебя отпущу...</i>

В данном анекдоте, рассказанном от лица северного осетина, отражено подтрунивание над особенностями кударского говора: свистящий аффрикат куртатинского говора [с] в кударском переходит в шипящий спирант [ш]. На основе приема персонификации носитель куртатинского говора акцентирует стремление кударцев насаждать свой говор в североосетинской среде, что и становится объектом осмеяния у северных осетин: в данном анекдоте кударец даже змею заставляет шипеть «по-кударски».

В следующем анекдоте высмеивается незнание кударцами из некоторых районов Южной Осетии русского языка, сравните:

Кударский говор	Перевод на русский язык
<i>Кударец в армии. Заходит командир и кричит: «Рота подъем!!!»</i>	
<i>Кударец: Цы-цы — [шы-шы]?!!</i>	<i>— Что-что?!!</i>
<i>Командир второй раз повторяет: «Рота подъем!!!» Кударец говорит:</i>	
<i>Чи у чи уыцы [уышы] Рота? Сыстæт-ма, æмæ иннæты фынсæй кæнын бауадзæт [бауажæт]!</i>	<i>Кто этот Рота, кто? Пусть встанет и даст другим спокойно поспать!</i>

Кударец, плохо владеющий русским языком, воспринимает имя неаричательное **рота** как имя собственное. Смеховая реакция усиливается за счет узнавания образа кударца, характеризуемого в обыденном сознании как нарушителя порядка и установленных норм.

Носитель кударского наречия часто становится объектом не только доброго юмора, но и предметом злых шуток. Диалог происходит между носителями куртатинского (локализация преимущественно в РСО-Алания) и ксанского (Южная Осетия) говоров иронского диалекта осетинского языка. Северные осетины называют всех южных осетин *кударцами*, тогда как там проживают не только носители

названного говора, но и носители ксанского, туалъского говоров и т.д. Поэтому вопрос «*кто это такие?*» в контексте ситуации звучит естественно, например:

Осетинский язык	Русский язык
<p><i>Дзæуджыхъæуккаг æмæ чысайнаг фæмбæлдысты. Дзæуджыхъæуггаг чысайнаджы фæрсы:</i> — <i>Къуыдайраг дæ?</i> — <i>Нæ, чысайнаг.</i> — <i>Уыдон та цаваер [савæр] адæм сты [шты]?</i> — <i>Мæнæ къуыдар кæуыл фæхудыны, уыдон.</i> — <i>Ау, мæнæ диссаегтае [дишшæгтæ]! Æмæ ма къуыдар дæр искаеуыл [ишкаеуыл] фæхудыны [фæхудынс]?</i></p>	<p><i>Владикавказец и ксанец встретились. Владикавказец спрашивает ксанца:</i> — <i>Ты кударец?</i> — <i>Нет, я ксанец.</i> — <i>А эти кто еще такие?</i> — <i>Это вот те, над кем смеются кударцы.</i> — <i>Да? как странно! Неужели кударцы еще сами над кем-то смеются?</i></p>

Анализ этнических анекдотов показал, что существующие смеховые тексты, отражающие расхождения между говорами на фонетическом и лексическом уровнях, служат подтверждением сложившейся стереотипной оппозиции «свои — чужие», усиливающейся по мере территориального отдаления носителей данных говоров.

Анекдоты территориально близких носителей ксанского и кударского говоров друг о друге рассказаны в более мягкой тональности, очевидно, их целью является дружеское подтрунивание; вместе с тем анекдоты носителей куртатинского и кударского говоров друг о друге отражают неприятие, негативную оценку и приобретают сатирический оттенок.

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В АНЕКДОТАХ РАЗЛИЧНЫХ ОСЕТИНСКИХ ГОВОРОВ

Оппозиция «свои» — «чужие» реализуется посредством представления в виде чужака, незнакомца, носителя другой культуры, языка, а в анекдотах носителей другого говора/диалекта, например, *кударца*, *ксанца* (носителя ксанского говора иронского диалекта), *иронца* (носителя куртатинского говора, являющемся преобладающим среди северо-осетинских говоров иронского диалекта) и/или *дигорца* (носителя дигорского диалекта).

Поскольку доминирующим типом эмоционального отношения к этносу/субэтногруппе в этническом анекдоте является незлобная насмешка или пародия, представители субэтногрупп выступают как объекты безобидного подтрунивания, предметом служит гиперболизация специфики их бытия.

В тексте нижеприводимого анекдота комический эффект достигается за счет отклонения от логических норм, отражающих существующие стереотипы о поведении кударцев, их темпераменте, интеллектуальные способности и склонности к агрессивному поведению. Текст анекдота апеллирует к двум хронологически дифференцированным событиям — прецедентным ситуациям. Первая ситуация отно-

сит нас к историческому событию — нападению монголо-татар на Русь, а вторая — к миграции южных осетин в Северную Осетию после военных конфликтов в 90-х гг. XX в., в результате которой большинство торговых территорий в Северной Осетии-Алания заняли кударцы. Итак:

*Монголы завоевали Москву, Киев ... короче, все города мира, какие можно было, остался один Владикавказ... Ну, и подумал Чингисхан: «Такие города сильные захватывали, этот быстро захватим». Послал самых своих худших воинов, никто не вернулся, всех убили. Задумался Хан, видать недооценил. Послал уже нормальных. Назад вернулась только избитая лошадь. И послал тогда Чингисхан самых лучших воинов. Назад вернулись только три избитых воина. Спрашивает Хан: — «Ведь столько городов захватили, что это за город Владикавказ?» — «Да взяли мы Владик, **кудары базар не отдают...**». (Здесь Владик — краткое название столицы РСО-А).*

Комический эффект достигается приемом гиперболизации характерных для кударцев качеств: умения постоять за себя и за свое имущество; упорство в отстаивании своих интересов и прав. Большая часть осетин, мигрировавших из Грузии и Южной Осетии в РСО-Алания, занялись торговым бизнесом. Соответственно, по сюжету анекдота кударцы, защищая свое имущество, отстаивая свои права, «спасли» Владикавказ от завоевателей.

Источником стереотипов о представителях субэтнических групп являются анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных субэтно-групп, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с реальными и приписываемыми особенностями характера, например:

*Футбол! Сборная Осетии против Сборной Бразилии... В конце 1-го тайма счет 3 : 0 в пользу Осетии... Тренер ругает своих ребят: — «Как? Объясните мне, как вы можете проигрывать осетинам с таким счетом?» На что один из игроков говорит: — «А как тут не проиграть, когда у них на защите иронцы, **не пройдешь, пока взятку не дашь...** В нападении — кударцы, **прут как быки**, а на воротах — дигорец, **гол забьешь, хрен докажешь...**»*

Данный анекдот иллюстрирует закрепленные за носителями разных говоров и диалектов осетинского языка стереотипы поведения. По сюжету анекдота иронцы — это защитники и полузащитники. Комический эффект достигается неожиданной развязкой, а именно узнаваемостью образа иронцев, качественная игра которых объясняется не спортивным умением, а коррумпированностью: «не пройдешь, пока взятку не дашь». По сюжету анекдота «в нападении» играют кударцы, что соответствует стереотипным представлениям об их активности и агрессии, подчеркнутой просторечным экспрессивным глаголом «прут» и метафорическим сравнением «как быки» — символы упрямства, силы, агрессии. Дигорец в анекдоте позиционирован как голкипер. Характеристика стереотипного образа дигорца выражена синтаксической конструкцией по модели «определяющее — определяемое», где определяемое «гол забьешь» детерминировано ответом «хрен докажешь». Так в рамках данного сюжета имплицитно извращается изворотливость дигорцев, умение доказывать невозможное ради собственных интересов.

В целом комический эффект достигается абсурдностью сюжета, непредсказуемостью развязки и узнаваемостью образов представителей этногрупп осетинского лингвокультурного сообщества, по присущему им стереотипному поведению.

Во многих других анекдотах с участием трех представителей обозначенных этногрупп/субгрупп выделяется стереотипный образ смекалистого дигорца, сравните:

Поймал дракон иронца, дигорца и кударя. Дракон в настроении был и говорит им: — «Вон ту скаду видите, вокруг нее побегите, кто первый прибежит, того отпущу». Те побежали. Через час прибегают иронец и кударь, дигорца нету. Дракон подождал чуть-чуть и спрашивает: — «Ну, где он?» Те: — «А он домой ушел».

Данный текст построен по традиционной структуре анекдота: в начале сюжета дается детальное описание ситуации, которое заканчивается неожиданной и краткой развязкой. Комический эффект достигается простой фразой: «А он домой ушел», и это делает понятным для адресата то, что дигорец не бежал от дракона, а спокойно пошел домой, воспользовавшись неожиданной возможностью избежать неприятности. В то время как иронец и кударец оказались несообразительными, проявили наивность и недалковидность, продолжив соревноваться на условиях, предложенных драконом.

Стереотипный образ недалекого кударца развивается в следующем анекдоте, рассказанном от лица северного осетина, что подтверждается негативно маркированной номинацией **кудар** для обозначения носителя кударского говора, тогда как сами себя они называют **кударцами**.

В общем, изобрели машину, которая память читает, и решили ее испытать. Для этого позвали кударя, иронца и дигорца.

Подключили иронца к машине и говорят: Видишь эту девушку, ударь ее!

*На мониторе тут же мысли его появились: **Не буду**, я же не бью.*

*Дигорцу то же самое. Мысли: **Не ударю**, я же кавказец.*

Говорят кударю: Ударь ее.

***Тот ударил** так, что она потерялась. Мысли: 0. Те думают: «Наверно, машина заморосила, что-то же он подумал!»*

*Второй раз то же самое говорят. Он — опять, и опять **мысли** — 0. В третий раз говорят, чтоб он ее ударил, и тут появились мысли: **Может, с ноги ударить?***

Употребление ненормативного выражения «с **ноги** ударить» вместо «ногой ударить» маркирует молодежное просторечье жителей Северной Осетии, для которых русский язык является основным средством общения и подвергается специфичным просторечным изменениям, тогда как жители Южной Осетии говорят на правильном. Смеховая реакция вызывается отклонением образа кударца как «чужого», если иронец и дигорец по контексту — «свои», настоящие мужчины, то кударец не вписывается в понятие истинного кавказца: он не уважает женщину, агрессивен и неумен.

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ СЮЖЕТЫ ЭТНИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ

Другая группа осетинских этнических анекдотов построена на конфронтации двух действующих лиц — носителей разных говоров: дигорцев-кударцев; кударцев-иронцев; ксанцев-кударцев, иронцев-ксанцев и т.д.

Так, на примере двух персонажей — *кударца* (носитель кударского говора иронского диалекта) и *дигорца* (носитель дигорского диалекта) — демонстрирует-ся разница в ментальных и поведенческих проявлений в одинаковой ситуации:

Дигорец и кударец совершили преступление. Приговор — смертная казнь через повешение. Вешать решили на высоком мосту через реку. Ну, дигорец палача подо-звал, отсчитал ему п-ое количество купюр, чтобы тот надрезал веревку. Палач так и сделал. Вешают дигорца, веревка рвется, дигорец падает в воду и уплывает. Под-ходит очередь кударца. Он подзывает палача и говорит: «Слышь, потомуже затя-гивай, а то я плавать не умею».

Данный сюжет демонстрирует, что *дигорцы* в любой сложной ситуации на-ходят наилучший для себя выход, проявляя смекалку и изворотливость, тогда как *кударцы* в аналогичной ситуации показаны несообразительными и недалекими, глуповатыми.

В следующем анекдоте референтом осмеяния становится стереотипный об-раз кударца. Смеховая реакция достигается на основе эффекта обманутого ожида-ния, абсурдности развязки, сравните:

Едет, значит, дигорец по узкой тропинке на ишаке, а навстречу пятеро кударцев на осликах, с которыми дигорец был в натянутых отношениях. Кударцы «обрадова-лись» своему обидчику и решили оторваться на дигорце. А дигорец говорит им: «Друзья, я тут один, а вас пятеро, так будет нечестно, да и люди могут нехоро-шее про вас подумать». Кударцы отошли в сторонку, долго совещались, потом под-ходят к дигорцу и говорят, давай, мол, выбирай любых двух из нас, будем три на три драться.

Кударцы предстают как недалекие, склонные к активным агрессивным дейст-виям, но справедливые, тогда как *дигорец* показан выдержанным, смекалистым и способным сыграть с пользой для себя на принципах других. В тексте анекдота осуществляется апелляция к северо-осетинской шуточной поговорке: *Мах къуыдар стаем, мах тыхджын стаем, мах фонджаей иуы фаенаемджыстаем*, по-рус-ски это звучит так: «Мы кударцы, мы сильные, мы впятером одного побьем».

Этнический ярлык *цъиусар* ‘птичья голова’, который получили *иронцы* в лек-сиконе *дигорцев* и *кударцев*, часто обыгрывается в этнических/субэтнических анек-дотах, например:

Осетинский язык	Русский язык
<p><i>Цхинвалы фембаелдысты къуыдайраг аемае чысайнаг.</i> <i>Къуыдайраг: — Салам, дысон Ног хабарттаем нæ кастæ? Уырысæй, дам, цыдаер [шæйдæр] птичий грип-рацыди [рашыди].</i> <i>Чысайнаг: — Э, туг куды нгууарыди, нæ цъиусæртæ мацы кæной!</i></p>	<p><i>В Цхинвале встретились кударец и ксанец.</i> <i>Кударец: Здравствуй, ты вчера вечером не смотрел Ног Хабарттае (новости)?</i> <i>Из России, говорят, какой-то «птичий» грип распространяется.</i> <i>Ксанец: О, какое горе, как бы чего ни слу-чилось с нашими птичьими головами!</i></p>

Комический эффект текста анекдота основан на каламбуре *птичий грипп* — название болезни и *птичья голова* — субэтнический ярлык северных осетин-иронцев. Действующие лица носители юго-осетинских говоров — обсуждают новости, услышанные по местному телевидению: *Ног Хабартта* ‘Новые События’ — название передачи новостей в Южной Осетии. Эти детали фактологически дополняют анекдот, давая понять адресату, что диалог происходит в Южной Осетии. Однако притяжательное местоимение *нае* ‘наши’ перед ярлыком «**цъиусар**» служит знаком признания их — иронцев «своими», что смягчает насмешливый контекст анекдота и переводит его в добрый юмор, шутивное подтрунивание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнические анекдоты с участием представителей субэтногрупп, подтверждающих наличие их стереотипных образов в осетинском многонациональном обществе. В настоящее время основой для консолидации является идея не только этнической, но и территориальной консолидации двух Осетий, соблюдение национальных и межнациональных традиций и норм осетинской культуры во всех ее проявлениях.

Анализ материала показал, что в осетинском лингвокультурном сознании сформировались стереотипные представления об особенностях поведения, чертах характера, межэтнических взаимодействиях, характеристиках представителей четырех субэтнических групп осетинского лингвокультурного сообщества — *кударцах*, *ксанцах*, *иронцах* и *дигорцах*, сложившихся в результате историко-политических событий и территориальной раздробленности осетин и их стремлению к субэтнической самоидентификации. Этнические анекдоты служат подтверждением сложившейся стереотипной оппозиции «свой» — «чужие», усиливающейся по мере территориального отдаления носителей данных говоров.

© Тамерьян Т.Ю.

Дата поступления: 18.09.2016.

Дата приема к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анекдоты про осетин. Осетинский юмор [Anecdotes about the Osetians. Osetian humour]: <http://www.polsm.spb.ru/umor/anekdoti-pro-osetin.html> (12.09.2014).
2. Дземидок Б.О. (1983). О комическом [Dzemidyuk B.O. About the comical]. Москва: Искусство.
3. Слышкин Г.Г. (1999). Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Slyshkin G.G. Linguocultural concepts of precedental texts]: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
4. Тамерьян Т.Ю., Валиева Т.С. (2011). Лингвокультурные типы «пожилой человек» и «ацæргæ адæймаг» в русском и осетинском языковых сознаниях [Tameryan T.Yu., Valiyeva T.S. Linguocultural typical characters of “aged person” and “ацæргæ адæймаг” in Russian and Osetian language mentality]: монография. Владикавказ: СОГУ.
5. Тамерьян Т.Ю. (2013а). Стереотипный компонент в структуре этнокультурного типажа (на материале осетинской лингвокультуры) [Tameryan T.Yu. Stereotypical component in the structure of ethnospecific character (exemplified through the Osetian linguoculture)] // Человек. Язык. Культура. Серия: Концептуальный и лингвальный миры. Киев: Изд-во Д. Бурого. 2013а. Вып. 2. С. 575—580.

6. Тамерьян Т.Ю., Качмазова А.У. (2013б). Стереотипы коммуникативного поведения в осетинской лингвокультуре (на материале этнических анекдотов) [*Tameryan T.Yu., Kachmazova A.U. Stereotypes of communicative behavior in Osetian linguoculture (exemplified through ethnic anecdotes)*] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2013б. Вып.15. С. 97—102.
7. Тамерьян Т.Ю. (2014). Концепт-стереотип «кударец» в северо-осетинской языковой картине мира [*Tameryan T.Yu. Concept-stereotype “kudarets” in North Osetian language worldview*] // Когнитивные исследования языка. Владикавказ, 2014. № 17. С. 277—281.
8. Тамерьян Т.Ю. (2014б). Разновидности концепта «пожилой человек» в русской и осетинской лингвокультурах [*Tameryan T.Yu. Variations of the concept “aged person” in Russian and Osetian linguocultures*] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва: РУДН, 2014б. № 1. С. 83—89.
9. Тулина Е.В. (2006). Способы реализации универсальных и национально-культурных особенностей анекдота [*Tulina E.V. Means and ways to realize universal and ethnically specific features of anecdotes*]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск.

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-24-32

CROSSCULTURAL INTERACTION IN POLILINGUAL SPACE OF THE REGION

T.Yu. Tameryan

North Osetian State University n.a. K. Khetagurov
Vatutin str., 46, Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia, 362047
tamertu@mail.ru

Abstract. Proceeding from the analysis of 236 texts of anecdotes in Russian and Osetian languages collected from different sources (Internet sites, scripts, periodicals, etc.), the article treats stereotypical features of text characters representing various subethnic groups, reveals the interethnic interaction of bearers of different dialects of the Osetian language, describes heterostereotypes, existing in the North Osetian linguoculture. The set of anecdote texts under analysis is circulating in both republics North Osetia — Alania and South Osetia., and the objects of irony and fun are bearers of dogors' and irons' dialects, and species of those dialects — kudars' and ksns' ones.

Key words: subethnos, intercultural interaction, cultural type, stereotype, anecdote, cognitive feature

УДК: 81'37:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-33-39

ТЕРМИН КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (к истории слов и понятий)

О.А. Сапрыкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991
olgasaprykina@mail.ru

В статье рассматривается специфика термина как объекта лингвистического анализа. Поставлены проблемы многозначности термина и наличия в термине социокультурных коннотаций. Выделена роль термина в становлении научного знания и в разработке научного стиля речи. Термин как предмет языкознания соотнесен с философской категорией «термин», которое прошло особый путь развития, особенно — в Средние века. Понятие «термина» встало в центр философской дискуссии между номинализмом и реализмом.

Ключевые слова: научный метод, термин, понятие, схоластика

ВВЕДЕНИЕ

Термин — ключевая категория научного метода. По мере того как совершенствуется метод, преобразуются инструменты научного анализа. Однако базовым инструментом научного метода остается термин как структурная матрица научного знания.

Слово *термин* восходит к лат. *terminus* ('граница', 'предел', 'конец'). Интересно, что лат. *terminus* связан с греч. *τερμα* в значениях: 1) 'конечный столб на ристалищах' 2) 'конец, край, предел'; 3) 'поход, результат'. Смысловой нюанс предельности, конечности содержится в значении термина: его денотат предстает как данность, это — предмет природы, культуры или науки.

В терминоведении самое общее определение термина состоит в том, что термин — это слово или словосочетание, но не простое, а специальное, либо это слово в специальном значении или функции наименования специального понятия.

Давая лингвистическое определение термину, О.С. Ахманова указывает, что термин — это «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствованное и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 2004: 474].

Терминология, или наука о терминах, развивалась по мере того, как в процессе развития науки росли объемы терминологической деятельности — создавались новые термины, происходило их лингвистическое осмысление и совершенствовалась терминография. И в этом нет ничего удивительного: развитие науки,

появление новых областей знания и мастерства, новых форм в искусстве всегда сопровождаются языковыми описаниями, главное место в которых занимают термины.

СЕМАНТИЗАЦИЯ ТЕРМИНА

Семантика термина — сложная проблема. Телеологически термин предназначен для того, чтобы точно выразить специальное понятие или обозначить специальный предмет. Точность же требует семантического сужения, однозначности. Но ведь каждый термин — это слово, а оно всегда принадлежит подвижной, динамичной и текучей лексической системе, в которой у слов постоянно рождаются новые значения. Как справедливо пишет в книге «Слово и термин. Прологомены к философии имени» А.Х. Султанов, «будучи словом, термин обязательно окажется вовлеченным в динамику лексической системы и как следствие „обратит“ синонимами, разовьется в нем и полисемия. Иначе говоря, никакими нормативными актами слово нельзя вынудить перестать быть словом» [Султанов 2007: 19].

Одним из первых вопросов в области терминологии является вопрос о многозначности термина. Действительно, может ли термин быть многозначным? На этот вопрос отвечают по-разному. С одной стороны, ясно то, что одно и то же слово, ставшее термином, может появляться в разных науках. Причем в каждой науке термин будет иметь свое значение. Например, термин «жизнь» в философии отличается от «жизни» в биологии или астрономии.

На плюрализм термина обратил серьезное внимание отечественный лингвист А.А. Реформатский, который выявил следующую закономерность в функционировании термина: «У каждого термина имеется свое поле (Feld) ... поле (Feld) для термина — это данная терминология, вне которой слово теряет свою характеристику термина» [Реформатский 1996: 117].

Лексико-семантические варианты термина в разных науках А.А. Реформатский предлагал называть *межнаучными омонимами*. С другой стороны, один и тот же термин в одной и той же науке может иметь разные смыслы в зависимости от того, ученые какой школы и какого направления им пользуются. Многозначность может наблюдаться и у терминов, вступающих в разные контекстуальные окружения.

Синонимия в сфере терминологии проявляется прежде всего как близость значений слов, обозначающих одно и то же понятие или объект. Иногда терминологические синонимы указывают на частично пересекающиеся или соприкасающиеся понятия.

В терминологической лексике представлена и антонимия. Ее происхождение связано с тем, что в науке (в научных исследованиях) широко распространен бинарный принцип описания фактов — метод бинарной оппозиции (терминологи выделяют два типа антонимии — лексический и словообразовательный; примеры

терминов-лексических антонимов: *análise* — *síntese*; словообразовательными антонимами в области терминологии можно считать такие слова, как: *perspectiva* ‘перспектива’ — *retrospectiva* ‘ретроспектива’, *antevisão* ‘предвидение’ — *retrovisão* ‘взгляд в прошлое’).

Содержит ли термин коннотации? До сих пор этот вопрос остается спорным. Некоторые ученые утверждают, что термин лежит вне эмоционального плана и для него характерна «чистая» номинативная функция (А.А. Реформатский, Л.А. Капаназе и др.). Есть и иная точка зрения: «Кроме сигнификативного и денотативного значений (обозначения понятия и „предмета“) у терминов всех терминосистем может присутствовать также коннотация — определенные семантические наслоения. В понятие коннотации в лексическом значении термина мы включаем эмоциональность, экспрессивность и образность» [Прохорова 1996: 17].

Действительно, употребление термина в специальном языке вряд ли связано с какими бы то ни было эмоциями или переживаниями. Терминология, конечно, нейтральна, хотя у терминов в языке художественной литературы может быть своя особая выразительность. Однако при лексико-семантическом образовании терминов часто используется особая мотивировка — ассоциативные образные представления о предмете, названным словом общелитературного языка.

Превращение слова в термин, рождение термина связано с тем, что в современных лингвофилософских теориях названо знаковым проявлением опредмеченного знания: «В процессе дифференциации научного знания, определившегося в субъектно-объектной оппозиции, происходило постепенное, но неуклонное разъятие сущего само по себе на ряд в значительной мере изолированных друг от друга гносеологических предметов» [Султанов 2007: 45—46]. Распадение сущего на ряд гносеологических предметов — представлений — или объект-субъектное расслоение бытия — вот главный источник означивания с помощью термина.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН»

В античной философии термин — понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности в противоположность разнообразным и изменчивым ее чувственным образам (аналог современного понятия ЗАКОН).

В аристотелевской силлогистике и традиционной логике термины — это элементы суждений, входящих в состав силлогизма: субъекты и предикаты его заключения и посылок. Так, Аристотель в первой книге «Первой аналитики» пишет: «Термином я называю то, на что распадается посылка, т.е. то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается, с присоединением [глагола] „быть“ или „не быть“; силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть» [Аристотель 1997: 120].

Основы теории термина как инструмента в постижении смысла были заложены в Средние века. Термины — главные компоненты многочисленных сред-

невековых энциклопедий, книг универсального знания. Непревзойденный труд вышел из-под пера Винсента из Бове в середине XIII в. — это было **Speculum majus** («Великое зеркало»), в котором были объединены четыре «великих зерцал» — природы, науки, морали и истории.

Термин занял ведущее место в логико-лингвистических учениях средневековой схоластики. Тогда логика развивалась по традиционному образцу: она содержала сначала логику терминов, затем — логику высказываний и, наконец, — логику рассуждения, или вывода. При этом сфера силлогистического вывода была не сопряжена сферой вывода (или рассуждения) в целом.

В начальный период схоластики был начат спор об универсалиях (общих понятиях), который имел самое непосредственное отношение к учению о слове и термине. Проблему универсалий по-разному решали реализм, номинализм и концептуализм.

Источником спора об универсалиях был текст **Боэция** с комментариями к «Isagoge» («Введение») Порфирия. Порфирий же поставил вопрос о том, существуют ли виды и роды в действительности или же они реальны только в понятиях, а если они представляют реальности, то существуют ли они отдельно от материальных вещей или в них: «Чтобы научиться аристотелевским категориям, необходимо знать, что такое род и что — различающий признак, что — вид, что — собственный признак и что признак привходящий (...); рассмотрение всех этих вещей полезно и для установления определений и вообще в связи с вопросами деления и доказательства (...). Я буду избегать говорить относительно родов и видов, — существуют ли они самостоятельно, или же находятся в одних только мыслях, и если они существуют, то тела ли это, или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием, или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них: ведь такая постановка вопроса заводит очень глубоко и требует другого, более обширного исследования» [http://www.antology.rchgi.spb.ru/Boethius/Ad_Porphirium.rus.html]. Комментируя Порфирия, Боэций заметил, что это работа о словах, а не о вещах, а значит, вопрос в том, являются ли универсалии словами или вещами.

В логическом реализме (начиная с IX в.) высказывалось предположение о том, что каждому имени должна соответствовать реальная субстанция. Другими словами, реалисты доказывали, что универсалии существуют в вещах. Например, ученик Алкуина **Фреденций Гурский** утверждал, что абсолютное *ничто* существует как особого рода *нечто*. По-видимому, для Фреденция понятие *ничто* уже есть особая категория, которая имеет бытование в мире, а значит — проявляется как *нечто*.

В номинализме же отрицалось онтологическое значение универсалий. Номиналисты полагали, что универсалии существуют только в словах — именах (*nomina*) вещей.

Особое место в учении об универсалиях заняла теория **Вильяма Оккама** (1285—1349), основоположника так называемого «нового пути» (*via moderna*) в философии, который противопоставлялся «старому пути» (*via antiqua*). «Новый путь»

называли и номиналистическим и терминистическим (терминизмом), а иногда — концептуализмом. При этом В. Оккам различает интуитивное (*notitia intuitiva*) и абстрагированное знание (*notitia abstractiva*), на уровне которого появляются универсальные понятия.

Универсалия, с точки зрения ученого, служит знаком многих вещей и сказывается о многих вещах — в ней проявляется многое. В то же время она представляет единичную вещь.

Как интенции души, универсалии — это сказуемые (предикаты), не субстанции. Самое важное в универсалии — то, что она представляет мысленный образ (*factum*), существующий в объектном бытии. Универсалии бывают двух видов: 1) универсалии по природе (это так называемый естественный знак) и 2) универсалии по установлению (это слово как знак).

В термине философ видит прежде всего элемент в обозначающей функции, т.е. особый знак: «Я утверждаю, что слова суть знаки, подчиненные понятиям или интенциям души, не потому, что если слово „знак“ взять в собственном смысле, то сами слова обозначают понятия души в первую очередь и в собственном смысле, а потому, что слова предназначены для того, чтобы обозначать то же самое, что обозначают понятия ума. Так что сначала по природе понятие обозначает что-то, а затем слово обозначает то же самое, поскольку слово по установлению обозначает то, что обозначено понятием ума. И если это понятие изменит свое значение, то тем самым и слово без всякого нового соглашения изменит свое значение. По этому поводу Философ говорит, что произнесенные слова суть знаки впечатлений души. То же имел в виду и Боэций, когда говорил, что слова обозначают понятия. И вообще все авторы, утверждающие, что все слова обозначают впечатления души или суть их знаки, имеют в виду лишь то, что слова — это знаки, вторично обозначающие то, что первоначально выражено впечатлениями души, хотя некоторые слова первоначально выражают впечатления души или понятия, которые, однако, вторично выражают иные интенции души, как мы покажем ниже. И все, что было сказано о словах в отношении впечатлений, или интенций, или понятий, можно по аналогии сказать о написанных словах в отношении произнесенных» [http://www.antology.rchgi.spb.ru/William_of_Ockham/_autor_rus.html].

Далее В. Оккам предложил различать три вида терминов: написанные, произнесенные и мысленные: «Но хотя любой термин есть или может быть частью суждения, не все термины имеют одну и ту же природу, и поэтому для того, чтобы иметь совершенное знание терминов, необходимо предварительно выяснить некоторые отличия между ними. Следует знать, что Боэций в первой книге «Об истолковании» утверждает, что речь может быть троякого рода: написанная, произнесенная и мысленная, то есть имеющая бытие только в уме. Подобно этому и термины бывают троякого рода: написанные, произнесенные и мысленные. Написанный термин есть часть суждения, написанного на чем-нибудь, его можно видеть телесными глазами. Произнесенный термин есть часть произнесенного

устаи суждения и по своей природе таков, что его можно услышать телесными ушами. Мысленный термин есть интенция или впечатление (*passio*) души, естественным образом обозначающее что-то или причастное к обозначению; по своей природе оно таково, что составляет часть мысленного суждения и замещает то, что оно обозначает. Вот почему эти мысленные термины и составленные из них суждения суть содержащиеся в уме слова (*verba*), о которых блаженный Августин в пятнадцатой книге «О Троице» сказал, что они не принадлежат ни к одному языку, они лишь пребывают в уме и не могут быть выражены внешне, хотя слова (*voces*), представляя собой как бы подчиненные этим понятиям знаки, внешне произносятся» [ibid].

По Оккаму, термин следует понимать тройко: 1) как связку или крайний член категорического суждения, как субъект или предикат, 2) как то, что противоположно предложению, и 3) как то, что «взятое для обозначения, может быть субъектом или предикатом суждения». В учении Оккама вскрыто важнейшее и неотъемлемое свойство термина — быть особым проводником с м ы с л а.

Важнейший ракурс термина — эсхатологический. Термин вписывается в доктрину конечной судьбы человека и сущего в вечности. Он претендует на универсальность, незыблемость.

Термин — главный узел в сращении ремесла, занятия, искусства (*ars*) и науки (*scientia*). Посредством термина систематизируется научное знание, выстраивается иерархия понятий, формируется то, что можно назвать дисциплинарностью науки, или формированием в ней разных дисциплин и направлений. Система терминов в значительной степени определяет парадигму научного знания.

© Сапрыкина О.А.

Дата поступления: 12.10.2016

Дата приема к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аристотель* (1978). Первая аналитика [First Analytics] // *Аристотель*. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. Москва: Мысль.
2. *Ахманова О.С.* (2004). Словарь лингвистических терминов [*Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms*]. Москва: Едиториал УРСС.
3. *Бозций (Boethius)*. Комментарий к Порфирию, им самим переведенному: http://www.antology.rchgi.spb.ru/Boethius/Ad_Porphirium.rus.html.
4. *Оккам У.* Сочинения. Избранное: http://www.antology.rchgi.spb.ru/William_of_Ockham/_autor_rus.html.
5. *Прохорова В.Н.* (1996). Русская терминология (лексико-семантическое образование) [*Prokhorova V.N. Russian terminology (lexico-semantic formation)*]. Москва: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
6. *Реформатский А.А.* (1996). Введение в языковедение [Introduction to language studies]. Москва: Аспект.
7. *Султанов А.Х.* (2007). Слово и термин: Прологомены к философии имени [Word and term: Prolegomena to the philosophy of names]. Москва: РУДН.

УДК: 81'37:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-33-39

TERM AS A PHENOMENON OF LANGUAGE AND OF CULTURE (history of words and concepts)

O.A. Saprykina

Moscow State University n.a. M.V. Lomonossov

Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991

olgasaprykina@mail.ru

Abstract. The article deals with the term as an object of the linguistic analysis. The author analyses the problem of the polysemy in the term including social and cultural connotations. The term is analyzed in the area of the formation of the scientific knowledge. The importance of the term in the elaboration of the academic discourse is revealed. The term as an object of linguistic analysis is correlated with the philosophical concept of the “term” that passed along the specific way of the development, especially in the Middle Ages, when the concept was in the heart of polemics between nominalism and realism.

Key words: scientific method, term, concept, scholastics

УДК: [811.111:811.133.1:811.161.1]'373.46
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-40-48

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ЕВРОЛАТИНИЗАЦИИ

Л.Н. Лунькова, Л.М. Букина

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская область, Россия, 140410
lilehka1985@gmail.com; loralu@list.ru

Статья посвящена обсуждению актуального языкового процесса, который пока не получил признанного всеми названия, но который все чаще определяется отечественными исследователями европейских языков как *евролатинизация*. Факты вхождения в язык неоклассических словообразовательных элементов принимаются как очевидная и нарастающая тенденция пополнения языкового состава европейских языков, которая ошибочно определяется как англо-саксонская языковая экспансия. В статье анализируется морфологический статус таких элементов, а обсуждение актуальных проявлений евролатинизации проводится на материале французского, английского и русского языков, предлагается авторская оценка феномена.

Ключевые слова: евролатинизация, заимствование

Непросто отличить заимствование от собственного творчества, так как латинские и греческие корни и морфемы стали источниками формирования терминологии для всех европейских языков. По внешней форме не всегда можно определить, был ли данный термин заимствован или самостоятельно создан из греко-латинских элементов в данной стране. Для этого надо знать историю вещей.

В.Г. Гак

ВВЕДЕНИЕ

Безусловное доминирование английского языка, претендующего на статус языка всемирного общения, меняет языковую палитру современной цивилизации. Живые организмы национальных языков уже с трудом сопротивляются его уверенному натиску. Однако мы редко задаемся вопросом, что из себя фактически представляет тот самый вездесущий английский язык, который сегодня становится завоевателем и покорителем, и какие именно языковые элементы мы называем заимствованиями из английского языка. Фактически значительная часть таких единиц исторически принадлежит греческой и римской культурам. И именно греко-латинские словообразовательные и словоизменительные морфемы играют заметную роль в пополнении и развитии современных мировых языков и в частности языков Европы.

Несмотря на то, что древнегреческий и латинский языки прекратили свое существование в форме живых языков, их элементы взаимодействуют как друг с другом, так и с элементами современных европейских языков, приобретают новое семантическое наполнение и создают комплексные объединения. Они служат основой для образования множества новых слов. Распространение лексем с элементами греко-латинского происхождения в языках Европы можно рассматривать как проявление процесса интернационализации или, по крайней мере, «европеизации» их словарного состава. Чаще всего речь идет о специальной научной и технической терминологии, хотя в настоящее время наблюдается тенденция к появлению и распространению общеупотребительных лексем, образованных с помощью греко-латинских словообразовательных элементов, которые ранее функционировали строго в составе специальной терминологии. Процесс становится все более очевидным и приобретает все более отчетливые формы на фоне англо-саксонского языкового влияния. Его отражение в европейских языках получает название *евролатинизации*, а формирующие его словообразовательные морфемы — *изоморфем* и *евроморфем* [Никитина 2011].

ЕВРОЛАТИНИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

О существовании и проявлении нарастающей тенденции к интернационализации и европеизации лексики, о распространении в европейских языках слов, содержащих греческие и латинские элементы, сегодня начинают говорить все чаще. Возрастает исследовательский интерес к системе адаптирования европейскими языками греко-латинских морфем (Васильева Н.В., Иванов А.В., Ковалевский Р.Л., Протасова Б.Б., Янутик С.Я. и др.), пристальное внимание привлекает также высокий уровень продуктивности неоклассических формативов в европейских языках (Беляев Р.Б., Крысин Л.П., Новодранова В.Ф. и др.). Однако как термин в целом *евролатинизация* почти не обсуждается в научных трудах и пока не находит широкого отражения в монографиях, статьях, специальной лингвистической литературе.

На научных конференциях европейский лингвистический процесс *евролатинизации* рассматривается как объективная языковая реальность, которая затрагивает все современные европейские языки. Его понимание сводится к тому, что языковые элементы греко-латинского происхождения активно и полноценно встраиваются в системы современных европейских языков на всех¹ языковых уровнях. Наиболее неоднозначным в этой связи остается вопрос рассмотрения слов с греко-латинскими элементами как слов англо-американского происхождения.

¹ В данном случае трудно рассуждать о фонетической адаптации, поскольку латинский и древнегреческий — мертвые языки. Очевидным остается тот факт, что графическая форма, не обремененная оригинальными фонетическими характеристиками, предоставляет носителю каждого отдельного национального языка возможность использовать имеющийся арсенал средств и применять его к «чужой» морфеме или лексеме. Таким образом, заимствованная единица существует в рамках фонетической модели принимающего языка.

Единственно верным решением проблемы в ходе текущих исследований признается создание лексикографических справочников. Поэтому потребность в этимологических изданиях проявляется довольно определенно. Ведь в эпоху повсеместного распространения английского языка слова, образованные с помощью греко-латинских аффиксов, часто определяют как англо-американские заимствования. Лишь обратившись к этимологическим словарям, можно разрешить эту проблему².

Хотя появляющиеся работы немногочисленны, в них четко расставляются научные акценты и формулируются дальнейшие исследовательские задачи. Так, анализ греко-латинских словообразовательных заимствований в немецком языке проводится в работе О.А. Никитиной, доцента кафедры немецкого языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Речь идет о словообразовательном статусе морфем греко-латинского происхождения в современном немецком языке. Со ссылкой на труды современных немецких языковедов К. Шмитта и П.О. Мюллера³ автором выявляются особенности образования и функционирования новых немецких слов с экзогенными словообразовательными элементами и вводятся в отечественный терминологический аппарат понятия интерморфемы и евроморфемы.

В отношении славянских языков Европы изучение процесса евролатинизации также становится продуктивным. В большом коллективном труде, посвященном современным словообразовательным тенденциям в славянских языках и опубликованном в 2014 г., авторы предлагают многоаспектный и тщательный анализ существующего положения дел. Однако термин *евролатинизация* находит место лишь в одной из статей. Так, Е.И. Коряковцева, доктор филологических наук, профессор Естественно-гуманитарного университета (г. Седльце, Польша) приводит его в связи с обсуждением автономных словообразовательных подсистем русского языка и со ссылкой на советских исследователей XX в. [Коряковцева 2014]. В другой работе, рассматривая инновационные процессы в языке современных СМИ на русском языке, автор обращает особое внимание на словообразовательные процессы с помощью интернациональных терминологических элементов, греко-латинских по происхождению [Коряковцева 2015].

К сожалению, в лексикографических источниках, словарях и справочниках термин *евролатинизация* пока не зафиксирован. Но, поскольку словарный фонд европейских языков обогащается все большим количеством словообразовательных продуктов с греко-латинскими составляющими, можно предположить, что в скором будущем дефиниция этого явления появится на страницах современных толковых и специальных словарей.

² Об этом, в частности, шла оживленная дискуссия на заседаниях международной научной конференции «Многомерные миры языка», состоявшейся в октябре 2015 г. на филологическом факультете Российского университета дружбы народов.

³ Подробнее см.: Никитина О.А. Образование новых слов с участием экзогенных словообразовательных элементов в современном немецком языке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1.

СТАТУС НЕОКЛАССИЧЕСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОРФЕМ

До настоящего времени не определен однозначно морфологический статус словообразовательных неоклассических морфем. Вопрос об отнесении неоклассических элементов к разряду словообразующих аффиксов либо к разряду корневых морфем остается дискуссионным. Так, в работе О.А. Никитиной говорится о появлении и распространении в современном немецком языке большого количества новообразованных лексических единиц, полностью состоящих из экзогенных элементов (автор рассматривает эти особые словообразовательные единицы как конфиксы, которые могут выступать как в препозиции, например, *Aeroski*, *Aeromedizin*, *Aeroklub*, так и в постпозиции — *ossiphob*, *endotherm*, *vitatherm*), или представлять в виде гибридных новообразований с одновременным участием эндогенных и экзогенных составляющих, например: [Никитина 2011: 569—570]. Таким образом, исследователь придает им статус служебных морфем, присоединяемых к функционирующим в национальном языке корням⁴.

В статье А.В. Иванова «К проблеме статуса греко-латинских основ в морфологической структуре общезыковых единиц и единиц специальной номинации», профессора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, греко-латинские основы называются «неоклассическими формативами», поскольку они обладают некоторыми специфическими особенностями, позволяющими отграничить их как от исконных, так и от заимствованных аффиксов. На фонологическом уровне, по мнению исследователя, они могут включать в свой состав фонемы, не входящие в фонемный состав языка-реципиента, а также в отличие от аффиксов германского происхождения могут принимать особое ударение. К орфографическим особенностям неоклассических элементов ученый относит наличие в их составе графем, которые не являются частью графем принимающего языка, ср.: *philology* в английском языке [Иванов 2011: 196]. И вновь автор резюмирует, что «проблема неоклассических элементов еще далека от своего окончательного решения», а их системный, морфологический и функциональный статус требует уточнения [там же: 197].

В одной из методических работ, посвященных современному словообразованию в английском языке, относительно неоклассических образований читаем, что это формы, в которых слова греческого или латинского происхождения могут породить совершенно новые комбинации, не существовавшие до этого в языках-источниках [Plag 2002: 198]. Тем самым постулируется, во-первых, что греко-латинские элементы скорее имеют статус корневых морфем, во-вторых, представляют собой активные словообразовательные формы.

Греко-латинские словообразующие элементы достаточно сложно идентифицировать в составе лексем западноевропейских языков, ведь они воспринимаются

⁴ Совершенно очевидно, что предлагаемые автором примеры далеко неоднозначны, ибо отдельные из них содержат корневые морфемы греко-латинского происхождения. В этой связи можно говорить об остающейся дискуссионности морфологического статуса анализируемых элементов.

не как чужеродные образования, а как лексемы или части лексем исконного происхождения, как естественная часть национального языка. Возможно, это объясняется тем фактом, что в средние века латынь была языком науки и церкви во всей Западной Европе вплоть до XVIII в. С другой стороны, известны подходы, в рамках которых новообразования с неоклассическими греко-латинскими элементами рассматриваются как англо-американские заимствования. Такое положение дел сигнализирует о необходимости более скрупулезного их анализа.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЕВРОЛАТИНИЗАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим некоторые особенности актуального процесса евролатинизации на материале некоторых европейских языков.

Французский язык сегодня активно использует аффиксы латинского и греческого происхождения для образования новых лексем. В большинстве случаев речь идет о латинских словообразовательных элементах, что связано, очевидно, с особенностями исторического развития французского языка, который в своей традиционной форме образовался из народной латыни, когда территория, заселенная еще в середине 1-го тыс. до н.э. кельтскими племенами — галлами, была завоевана римлянами. Приведем примеры лексем, функционирующих в современном французском языке, которые образованы при помощи морфем греко-латинского происхождения. Отмечают, что одними из самых продуктивных способов образования во французском языке на современном этапе являются суффиксация и префиксация (Балабас Н.Н., Жильбер П., Свиридонова В.П. и др.). При помощи суффиксов латинского происхождения образуются новые французские слова, активно используемые в научной и в повседневной сфере: **-ation** (лат. *-ationem*): *l'hystérisation* ← *hystériser*; *la psychologisation* ← *la psychologie*; **-age** (лат. *-age*): *l'amarsissage* ← *amarsir*; *le réseautage* ← *le réseau*; **-ité** (лат. *-ité*): *viralité* ← *viral*. Примером приставочного способа образования является глагол *surinterpréter* ← *interpréter*.

В целом, следует заметить, что во французском языке префиксальные морфемы иноязычного происхождения легко вычлениваются в структуре слова, несмотря на морфолого-фонетическую адаптацию словообразовательных элементов к строю языка-реципиента. Число элементов греческого происхождения во французском языке значительно меньше, но они весьма разнообразны по своему словообразовательному статусу: чистые префиксы, префиксоиды.

Благодаря словообразовательным элементам греческого происхождения: **cyber-**, **eco-**, **hydro-**, **-ysme (-isme)** французский лексический фонд пополнился словами: *cyberespace* ← *espace*, *cyberattaque* ← *attaque*, *cyberdéfense* ← *défense*, *écogeste* ← *geste*, *écoparticipation* ← *participation*, *écoterrorisme* ← *terrorisme*, *Sarkozysme* ← *Nicolas Sarkozy*. Также отмечены случаи создания новых лексических единиц префиксально-суффиксальным способом с помощью конфиксов (или парасинтезом): *Antisarkozysme* ← *Nicolas Sarkozy* и словосложением: *orthorexie* (*orthos* (греч. 'правильный'), *orexie* (греч. 'аппетит'), *pandoravirus* (*Pandore*: от греч. 'первая женщина, созданная по велению Зевса в наказание людям за похищение для них Прометеем огня'), *virus* (лат. 'слизь, слизистый сок'; 'яд'), *biométrie* (*bios* (греч. жизнь), *metrisis* (греч. 'имитация').

Фактически в современном французском языке преобладают лексические единицы с экзогенными словообразовательными элементами греко-латинского происхождения. С одной стороны, они относятся к разряду специальных терминов и используются в научной и профессиональной сферах, но, с другой, — словообразовательные неоклассические элементы служат для образования общеупотребительных слов и вполне частотны в нейтральной лексике, в разговорном стиле национального языка, в устной и письменной речи его носителей.

Что касается английского языка, то для расширения своего словарного фонда он активно использует латинские служебные морфемы. Наиболее продуктивным словообразовательным процессом является суффиксация, т.е. способ деривации с помощью латинских суффиксов: **-ance** (лат. -antia): *clearance* ← *clarus*; **-ence** (лат. -entia): *emergence* ← *emergere* (модель V→N); **-an (-ian)** (лат. -anus): *vegetarian* ← *vegetabilis* (модель Adj.→N); **-al** (лат. -alis): *temporal* ← *temporalis* (модель N→Adj); **-ent** (лат. -ent): *absorbent* ← *absorbentem*; **-ant** (лат. -ant): *lubricant* ← *lubricantem* (модель V→Adj).

Префиксация становится наиболее продуктивным словообразовательным способом для английского глагола и имени прилагательного. Менее активны, но наиболее разнообразны греко-латинские префиксы для категории имени существительного: **-meta** (греч. μετά-): *meta-infective* ← *infectivus*; **-multi** (лат. multum): *multiflorous* ← *floralis* (модель Adj→Adj); **-vice** (лат. vice-): *vice-chancellor* ← *cancellarius*, *vice-deanlate* ← *decanus* (модель N→N) [Янутик: 2016, 179].

В современном русском языке также все чаще наблюдается оживление словообразовательных процессов с помощью элементов греко-латинского происхождения, особенно через посредничество английского (американского) языка. Бессистемное употребление лексем с корнями и аффиксами латинского и греческого происхождения отмечено как в устной, так и письменной речи, чаще в политической и экономической сферах деятельности.

Многочисленные примеры слов с греко-латинскими словообразовательными элементами свидетельствуют об активности процесса евролатинизации и в современных славянских языках, в том числе и в русском языке.

Например, крайне продуктивными оказываются отдельные префиксоиды⁵:

◆ **супер-** (*супермодель, суперзвезда, супергерой*). Лат. *super-* (*главный, высшее качество*⁶) равнозначен русской приставке *над-*;

◆ **ультра-** (*ультрамодный, ультрафильтр*). Лат. *ultra-* (*крайняя степень проявления какого-либо признака; крайний, находящийся за пределами, по другую сторону чего-либо; превосходящий какую-либо меру*⁷) синонимичен словам: *далее, более, сверх*;

⁵ В некоторых работах, однако, предлагается рассматривать обсуждаемые словообразовательные элементы в качестве приставок. См. Носовский Г.В. Русские корни древней латыни. Языки и письменность Великой Империи. М.: Астрель, 2012. 606 с. В задачи данной статьи не входит выявление морфологического статуса конкретных словообразовательных элементов греко-латинского происхождения, но лишь рассмотрение их словообразовательной продуктивности в системе принимающего языка, поэтому мы ограничимся наиболее принятым пониманием их природы.

⁶ http://www.latinpro.info/latin_grammaticae_prefix.php (12.10.2016).

⁷ Там же.

♦ **евро-** (*евроремонт, евроакция, евровалюта, евробанк*). Лат. *euro-* (*европейский; соответствующий стандартам, принятым в странах Европы*⁸).

А также префиксы:

♦ **про-** (*проамериканский, профашистский, проимпериалистический*). Лат. *pro-* (*быть сторонником, действовать в чьих-либо интересах*⁹);

♦ **ре-** (*реинтеграция, ретрансляция, ревакцинация; регресс, реорганизация*). Лат. *re-* (*вновь, обратно*) обозначает возобновление или повтор действия, а также противоположное действие или противодействие¹⁰;

♦ **а-** (*асоциальный, аморальный, анормальный*). Греч. *a-* (*не-, без-*) обозначает отсутствие признака, свойств выраженных основной частью слова¹¹;

♦ **анти-** (*антирадар, антинаучный, антициклон*). Греч. *anti-* (*против*) употребляется в словах со значением противоположности¹².

Бесспорно, русский язык, как и русская культура, исторически всегда были связаны с Западной Европой, поэтому влияние латыни не могло не сказаться на его лексическом составе. Явление греческого субстрата на всех языковых уровнях русского языка также обусловлено длительными греко-русскими языковыми контактами. А словообразовательные модели, содержащие греческий элемент, довольно разнообразны. В отдельных исследованиях утверждается, что в современном русском языке подобная словообразовательная структура может быть представлена различными типами основ: только греческими основами (*монография, палеография*); греко-латинскими основами или латино-греческими основами (*макросоциология, криминология*); греко-французскими, греко-английскими и др. основами европейских языков (*бюрократия, микрокомпьютер*); греко-русскими или русско-греческими основами (*агротуржок, игромания*) [Урумиду 2015: 37].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что процесс евролатинизации в русском языке также требует детального научного осмысления, а отдельные случаи иноязычных заимствований — специального этимологического анализа. Так, например, происходит с заимствованиями, пришедшими в русский язык через посредничество английского, французского, немецкого языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современную эпоху наблюдается тенденция пополнения лексического состава европейских языков оригинальной греко-латинской лексикой и словами с элементами греко-латинского происхождения. Увеличение лексем с неоклассическими формативами в современных языках Европы позволяет ученым говорить о существовании и распространении процесса интернационализации, европеизации словарного фонда — евролатинизации.

С одной стороны, исконные греко-латинские лексические единицы закрепляются за определенными функциональными стилями речи или составляют часть

⁸ <http://www.rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/5700> (25.10.2016).

⁹ <http://www.russkiyazyk.ru/sostav-slova/pristavka/inoyazychnyie-pristavki-v-russkom-yazyike-i-ih-znachenie.html> (03.11.2016).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

специальной научной и технической терминологии; с другой, — все чаще появляются общеупотребительные слова, в состав которых входят классические терминологические элементы. Более того, греко-латинские словообразовательные морфемы в составе новообразованных слов способны обретать новое значение, теряя свое прежнее значение.

Нарастание процесса евролатинизации проявляется вполне отчетливо. Латинский и древнегреческий языки, которые причислены к разряду «мертвые языки», продолжают уже другую, искусственную жизнь в новых сферах. Латинские и латинизированные греческие элементы взаимодействуют друг с другом, приобретают новые значения, вступают в новые сочетания, организуют новые модели [Проница, Чекалина 2008: 152].

Но до унификации этой теории еще достаточно далеко. Не полностью решенным остается вопрос о словообразовательном и морфологическом статусе неоклассических элементов. Помимо этого, не всегда удается установить статус новообразований с экзогенными элементами и определить, являются ли они общезыковыми единицами или единицами специальной номинации.

Полагаем, проблема идентификации греко-латинских лексем и неоклассических элементов в составе слов современных языков Европы далеко неоднозначна: их по-прежнему причисляют к разряду англо-американских заимствований. Очевидно, что для решения этой проблемы современного языкознания необходимо создание специального лексикографического справочника, отражающего актуальные тенденции процесса евролатинизации и раскрывающего этимологию и морфологию лексических новообразований с элементами греко-латинского происхождения. А пока их статус остается неоднозначным.

©Лунькова Л.Н., Букина Л.М.
Дата поступления: 10.10.2016
Дата принятия: 22.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гак В.Г. (1998). Языковые преобразования [Gak V.G. Language conversion]. Москва: Языки русской культуры.
2. Иванов А.В. (2011). К проблеме статуса греко-латинских основ в морфологической структуре общезыковых единиц и Гак единиц специальной номинации [Ivanov A.V. On the status of graeco-latin stems in the morphological structure of terminological and common language units] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6.
3. Коряковцева Е. (2014). Общеславянский фонд интернациональных словообразовательных морфем: теоретические и прагматические аспекты исследования [Koryakovtseva E. The Slavic Fund of international derivational morphemes: the theoretical and pragmatic aspects of the study]. *Slavische Wortbildung im Vergleich*. Svetlana Mengel. Berlin: LIT Verlag Münster.
4. Коряковцева Е.И. (2015). Язык современных славянских СМИ в эпоху глобализации: к вопросу об инновациях и инновационных процессах [Koryakovtseva E.I. The language of modern Slavic media in the era of globalization: the question about innovations and innovative processes] // Избранные труды международной научной конференции «Многомерные миры языка». Москва: РУДН.
5. Многомерные миры языка. (2015). [The Multidimensional worlds of language] / сост. Н.В. Новопасская // Избранные труды международной научной конференции. Москва: Изд-во РУДН.

6. *Никитина О.А.* (2011). Образование новых слов с участием экзогенных словообразовательных элементов в современном немецком языке [*Nikitina O.A. Formation of new words with exogenous word-building elements in modern German*] // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1.
7. *Носовский Г.В.* (2012). Русские корни древней латыни. Языки и письменность Великой Империи [*Nosovskij G.V. Russian roots in ancient Latin. Languages and literature of the great Empire*]. Москва: Астрель.
8. *Ожегов С.И.* (1964). Словарь русского языка. Изд. 6-е, стереотип [*Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. Ed. 6th stereotype*]. Москва: Издательство «Советская энциклопедия».
9. *Пронина М.В., Чекалина Т.В.* (2008). Использование терминообразующего потенциала классических языков современными языками (на примере экономической терминологии современного французского языка) [*Pronina M.V., Chekalina T.V. Using terminalrows potential of classical languages, modern languages (on the example of economic terminology of modern French language)*] // Культура народов Причерноморья. № 138.
10. *Урумиду В.Г.* (2015). Явление греческого субстрата в деривационных моделях словосложения (по материалам толковых словарей русского языка и словарей иностранных слов) [*Ourumidu V.G Phenomenon of Greek substratum in compounding derivational models (based on the entries of defining and foreign words explanatory dictionaries in Russian)*]: Дисс. ... канд. филол. наук: Российский университет дружбы народов, Москва.
11. *Янутик С.Я.* (2016). Латинские аффиксы в системе знаменательных частей речи английского языка [*Yanutik S.Ja. Latin affixes in the system of nominal parts of speech of the English language*] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 2. Ч. 1.
12. *Plag I.* (2002). Word-formation in English // Cambridge Textbooks in Linguistics: Draft version. Cambridge University Press.
13. http://www.latinpro.info/latin_grammaticae_prefix.php (12.10.2016).
14. <http://www.rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/5700> (25.10.2016).
15. <http://www.russkiyazyk.ru/sostav-slova/pristavka/inoyazychnyie-pristavki-v-russkom-yazyike-ih-znachenie.html> (03.11.2016).

УДК: [811.111:811.133.1:811.161.1]'373.46

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-40-48

TERMINOLOGICAL AND FORMAL ASPECTS OF EUROLATINIZATION

L.N. Lunkova, L.M. Bukina

State University of Social Studies and Humanities
Zelyonaya str., 30, Kolomna Moscow Region, 140410
lilehka1985@gmail.com; loralu@list.ru

Abstract. The article is devoted to the current and broadening process widely discussed and more willingly named *eurolatinising* by Russian researchers. The growing number of neoclassical wordforming elements in European languages makes a strong and steady tendency, though popularly and mistakenly treated as an Anglo-Saxon expansion. The work suggests a discussion on the morphological status of such elements in general, and the particular facts of eurolatinising are selected in the French, English and Russian languages. Individual evaluation of the phenomenon is given as the point for further research.

Key words: eurolatinism, borrowing

УДК: 811.111'44:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-49-56

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И ЭТНОЦЕНТРИЗМ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

А.А. Джиева

Московский государственный университет
Ленинские Горы, 1, Москва, 119991
Alecia28@yandex.ru

Статья посвящена иллюстрации и описанию феномена антропоцентризма, рассматриваемого сквозь призму языков и культур. Трактую данное явление в самом широком понимании как фиксацию и анализ общечеловеческих свойств последних, основываясь на четырех основных принципах современной науки — фундаментальности, интегральности, прагматизме и гуманизме, автор выдвигает свое понимание соотношения антропоцентризм — этноцентризм, в котором компоненты дихотомии находятся скорее не как противопоставляемые составляющие, а создают совместно взаимодополняемое комплементарное соотношение. Рассматриваемый на примере английского языка и английской культуры феномен PRIVACY и коррелирующие с ним явления (номинативность, Doublespeak, Understatement, Hedges, дистанцированность восприятия и ее представленность в языке и культуре), выступая как свидетельство англосаксонского этноцентризма, трактуется автором одновременно и как проявление антропоцентрического начала, вытекающего из потенциальных возможностей языков и культур вообще.

Ключевые слова: фундаментальность; интегральность; прагматизм; гуманизм; принципы современной науки; антропоцентризм; этноцентризм; языки; культуры; английский язык; английская культура; Privacy; номинативность; дистанцированность; кинематограф; живопись

ВВЕДЕНИЕ

Процессы познания окружающего нас мира, важным компонентом которого является изучение языков и культур, отвечает основным принципам современной науки и предъявляемым к ней требованиям. Перенасыщение современного мира объектами высочайших технологий, столь же значимые достижения научно-технического прогресса поставили на повестку дня необходимость нового обращения к гуманитарным исследованиям и поднятия последних на принципиально новый, адекватный XXI в., уровень познания. Нисколько не снижая роли технической или технологической науки, именно гуманитарные исследования, одной из центральных которых является изучение человека во всем многообразии его представленности в мире и возможностей его описания научной мыслью, неумолимо выдвигаются на передний план современных исследований. Это отвечает основному принципу науки вообще и особенно актуальному на сегодняшний день принципу гуманизма.

Глобальные изменения в мире, обострение политических противоречий, решение которых зачастую приводит к крайним с точки зрения гуманности послед-

ствиям, влекущим за собой усложнение экономической и социальной жизни общества, неизбежно приводят к поиску и стремлению к общечеловеческим ценностям, к необходимости «построения мостов» между народами, культурами и просто людьми.

Принципу гуманизма должно отвечать и такое важное направление в изучении процессов познания, как обращение к достаточно длительно недооцениваемому правополушарному, образному, холистическому, ассоциативному, основанному на интуиции и формирующему весь возможный креатив мысли, мышлению [Pink 2008; Иванов 1978]. «Imagination is more important than knowledge», — писал один из гениев прошлого века Альберт Эйнштейн.

В противовес признанному в XX в. доминантному левополушарному способу познания, основанному на аналитизме, линейности, логике мышления и радио, правополушарное описание действительности делает акцент на глобальности мира и наличествующих в нем общечеловеческих ценностях, на эмоциональном компоненте в процессах познания, базирующихся на интуиции, и фокусирует приоритеты на человеческом, гуманном начале мира и его объектов. Это отвечает и второму важному принципу современной науки — ее фундаментальности. Характерная для исследований советского периода на всем его протяжении, как и в целом, для российской и мировой науки, она остается в числе приоритетных черт новейших научных исследований в современной России. Фундаментальности науки отвечает и сама философия и методология антропоцентризма, ставящая во главу угла человека как важнейшего из объектов окружающего нас мира и одновременно столь же важнейшего и уникального субъекта описания этого мира. Язык, культура и мышление оказываются ключевыми компонентами познания действительности и ее репрезентации средствами научной мысли.

Еще один важный принцип современной науки, ее междисциплинарность, имеющая самое прямое отношение к тематике настоящего исследования, также бесспорно оказывается в числе приоритетов. Предпочитаемый автором статьи синонимичный термин «интегральность науки» или интегральное познание, закономерно уходящий корнями в бесспорно талантливые более ранние исследования, он предполагает обращение к комплексу накопленных данных уже на новом витке развития науки и формулирования на базе полученных фундаментальных выводов новых акцентов и приоритетных стратегий в процессах познания мира.

Интегральность познания происходит из самой сущности многогранной природы объектов мира и его главного объекта — самого человека. Репрезентированный в самом большом многообразии его ипостасей, он (человек) вступает в такое же разнообразие связей с остальными объектами мира, участвуя во всей многоликости явлений и феноменов жизни, становящихся затем объектами изучения в науке. Термин «интегральность» представляется в некоторой степени более предпочтительным понятию «междисциплинарность», потому что содержит в своей семантике компонент нацеленности на результат, ориентацию на формирование цельной завершенной (интегрированной) картины, в отличие от термина «междисциплинарный», ориентирующего на процесс познания. Интегральность отвечает и концепции значимости правополушарного видения, и соответствующей ре-

презентации явлений мира, предполагающего создание цельного образа и холистической картины всеми гармонично соединенными между собой элементами последней, в отличие от фрагментарного, линейного описания объекта.

И, наконец, прагматизм науки, как достаточно очевидная черта последней на современном этапе, диктует необходимость более ясного, наглядного и адекватного описания анализируемых объектов научных исследований. Не имеющая ничего общего с наивным, малонаучным описанием фактов и явлений в целом, она (прагматизация науки) предполагает видение познанного объекта как бы сверху, с высоты накопленных в результате тщательного анализа знаний и информации об объекте, значительный объем и качество которых позволяют дать ясную, незамутненную псевдосложностями, адекватную картину описываемого научного объекта, отвечающую принципам подлинно великих умов: «If you can explain it to a five-year-old child, then you understand it yourself» (A. Einstein).

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И ЭТНОЦЕНТРИЗМ

Проблемы, подлежащие анализу в рамках настоящей статьи, рассматриваются в русле сказанного и отвечают требованиям сформулированных выше принципов. Антропоцентризм и этноцентризм в науке вообще, и в частности в изучении языков и культур, отвечают всем принципам гуманизма в самых разных, но, при этом едином его понимании, имеют фундаментальную направленность, отвечают условиям интегральной науки и могут быть успешно описаны в рамках теории, отвечающей требованиям прагматизма.

Ставящий во главу угла человека вообще и в частности, антропоцентризм в языке и культуре акцентирует общечеловеческие свойства последних, то, что роднит данный конкретный язык и конкретную культуру со всеми остальными языками и культурами, отвечая принципу единства мира и способов его познания. В то же время каждый отдельный язык и отдельная культура неизбежно отличаются только им присущими чертами и явлениями, сформированными на протяжении всей истории возникновения и развития народа, носителя данного языка и соответствующей культуры. И в этом смысле каждый отдельный язык и соотносимая с ним культура исключительно этноцентричны. «...язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека; это общая черта всех языков. Во-вторых, каждый язык национально специфичен», — отмечает Е.В. Падучева в предисловии к книге Анны Вежбицкой «Язык. Культура. Познание» [Падучева 1996: 21]. И там же: «...язык отражает условия существования его народа и содержит имена и реалии, специфичные для данного народа» [там же].

Интерес к этноспецифичному компоненту в языковых исследованиях во многом оправдан тем, что изучение последнего позволяет пролить свет на особенности национальной культуры данного народа в целом, равно как и на черты его национального характера в частности [Вежбицкая 1996; 1999].

Являясь продолжением целого ряда фундаментальных исследований специфики слов и языкового знака в целом, языков и культур вообще [Абаев 1948: 18—28;

Кацнельсон 2002], исследования в области этноцентризма уже на новом витке знаний и в новых условиях глобализирующегося мира стремятся описать и аргументировать объективную потребность языков, культур и народов-носителей последних, сохранить и развивать свою этничность самыми разными способами, сподвигая и мотивируя ученых столь же аргументированно описывать подобную этноспецифику. В этом смысле весьма продуктивными оказываются лингвоспецифичные концепты, анализ которых позволяет проливать свет на особенности менталитета и культуры соответствующего этому языку народа.

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЙ КОНЦЕПТ PRIVACY И КОРРЕЛЛИРУЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ

В рамках анализа данной статьи мы выбрали англоязычный концепт «Privacy». Являясь лингвоспецифичным, он занимает ключевое место в менталитете англичан, выражаясь во всем многообразии лексических и лексико-синтаксических репрезентаций, выступая в качестве центрального компонента и всей одноименной концептосферы и соотносясь с остальными коррелятами последней, такими как *home*, *foreigners* и т.д. Реализуясь на уровне лексики (*privacy*, *private* и т.д.), он широко представлен в системе коллокаций в самом разнообразном виде (*personal privacy*; *individual privacy*; *complete privacy*; *total privacy*; *right to privacy*; *intrusion of privacy*; *preserve privacy*, *protect privacy*; *disturb sb's privacy*; *intrude on sb's privacy*; *violate someone's privacy*; *respect sb's privacy*; *breach of privacy* и т.д.) и отражает всеанглийскую мечту об автономии личности [Ларина 2003: 5], приватности [Прохвачева 2000: 6], праве на частную жизнь, уединенности.

Вместе с тем, являясь языковым отражением феномена дистанцированности и некоторой отстраненности в способах восприятия мира и его репрезентации, накладывающих свой отпечаток на менталитет англичан, он находит свое выражение и на синтаксическом уровне языка в виде функционирования многокомпонентных цепочек типа *Railway station Waiting Room Murder Inquiry Verdict Challenge*, которые становятся все более распространенными в английском языке и часто становятся нормой в разговорном языке и в художественной литературе, факт, позволяющий констатировать общезыковую тенденцию. Появление в обычной речи сочетаний типа «*a late mother-and-daughter-pajama party*», сопровождающееся пением песенок, чтением стихов и т.п., становится нормой в разговорном стиле речи. Обозначение событий и действий с их сопутствующими компонентами в виде свернутых номинаций со скрытой, латентной предикацией в форме словосочетаний, а не их прямолинейных коррелятов-предложений уже создает языковую дистанцированность и отражает соответствующую отстраненность в описании явлений в сознании говорящего. Этому способствует и сворачивание в структуре данных единиц глаголов в отглагольные имена существительные, которое способствует подобной дистанцированности.

Реализуясь на синтаксическом уровне языка, данное явление охватывает стилистический уровень, где имеет место взаимовлияние стилей, экспансия описыва-

емого феномена с газетного и научно-технического стилей на остальные стили, что в конечном итоге приводит к формированию такой глобально значимой черты английского языка как номинативности. Являясь общезыковой чертой данного языка, она отражает особенность английского этноса к некоторой дистанцированности и отстраненности в процессах отражения мира, его преломления в сознании народа и соответствующей языковой представленности. Реализуясь, помимо этого, в самых разных своих ипостасях, она (номинативность) может иллюстрироваться еще целым рядом явлений, таких как *Doublespeak*, *Understatement*, *Hedges* и других [Иванова 2015].

АНГЛИЙСКАЯ ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ В ИНТЕГРАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Интересно отметить, что такая языковая дистанцированность и отстраненность в описании действительности, являясь отражением коррелирующих явлений в менталитете англичан, находит свое выражение и в их психологии и поведении. Достаточно иллюстративным в этом смысле оказывается явление «body distance», наблюдаемое в английском социуме, особенно вне пределов мегаполиса. Сюда же относится и поведенческое «personal distance», выражающееся в соблюдении правил *privacy* в общественных местах, невмешательстве в частную жизнь, причем не только между незнакомцами, но и людьми, знающими друг друга. Даже самый типичный феномен *small talk* в его разновидности *weather talk* оказывается в рамках правил *privacy* и нежелания обсуждать персональные темы.

Интересно также отметить, что такая дистанцированность, характерная для англичан как скорее «нации наблюдателей», чем «участников событий», находит свое выражение и далеко вне пределов языка и, шире, непосредственно коммуникации вообще. Весьма наглядным его проявлением могут служить произведения живописи Уильяма Тернера, где откровенно очевиден акцент на отстраненность и дистанцию, создающими уникальную перспективу полотен великого мастера.

Не менее ярким проявлением оказывается творчество известного английского режиссера Питера Гринуэя. Дистанция в фильмах П. Гринуэя создается самыми разными способами — это и язык У. Шекспира («*Prospero's Books*»), и возвышенная пафосная музыка Майкла Наймана («*The Draughtsman's Contract*»), и голос за кадром, и гротескность пейзажей, и погружение ситуации в средневековый или другой ранний контекст, и многое другое. Позиция наблюдателя, отстраненность от описываемых событий («Кино — это обман», и один из принципов Гринуэя, возможно помогающий ему в установлении такой дистанции), взгляд со стороны и непогружение в бурю и накал событий — все это характерное для художника преломление мира в сознании и затем репрезентация его в произведении искусства соответствующим образом, является ничем иным, как проявлением английского способа концептуализации мира средствами кинематографа.

Таким образом, интегральность подхода позволяет проследить разнонаправленную представленность одной из характерных черт англосаксонского этноса.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ЭКСПЛАНАТОРНОСТИ

Важным в рамках ориентации на фундаментальность исследования представляется постановка вопроса о причинах такой дистанцированности и отстраненности в процессах преломления окружающего мира в сознании англичан и соответствующей репрезентации этого явления в языке и культуре данного этноса.

Принцип объяснительной науки, приоритетной по отношению к описательной науке [2], акцент на «ПОЧЕМУ-лингвистике», в основе которой лежит примат объяснения, в отличие от «КАК-лингвистики» [9. С. 91] отвечает ожиданиям соблюдения параметров фундаментальности и придает значимость описываемым данным. Именно исходя из этих принципов мы постараемся дать обоснования описываемому феномену.

Можно предполагать, что помимо целого ряда факторов одними из ключевых должны быть факторы климатические и географические в целом, «...этноты... всегда связаны с природным окружением и ландшафт и есть главный плавильный котел, который формирует этнос», — писал Л.Н. Гумилев [Гумилев 1989: 58]. И там же: «Стереотип поведения складывается как адаптивный признак, т.е. как способ приспособления этноса к географической среде» [Гумилев 1989: 67].

Островная локация Британии и Англии, как основной ее части, неумолимо сказалась на психологии и менталитете англосаксонского этноса, во многом сформировав его этнический склад и мировосприятие. Накладываясь на англосаксонский индивидуализм, он сформулировал «человека-острова», окруженного невидимой оградой или просто пространством, в которое он волен или не волен впускать окружающий мир. «This island idea has a special place in the English imagination», — отмечает известный антрополог Дж. Пэксмэн [Рахман 1990: 24].

Безусловно, что на менталитет англичан оказал (и оказывает в условиях глобализирующегося мира) влияние и ряд других факторов, однако значимость данного факта представляется достаточно убедительной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанный феномен «островной» психологии англичан, во многом детерминированный природными и географическими факторами, находит свое яркое воплощение в английском языке, выступая в качестве исключительно значимого для последнего лингвоспецифичного концепта **PRIVACY** во всем многообразии его концептосферы и коррелирующих единиц, в особенностях явления номинативности английского языка и именных структур как ее частной репрезентации, в функционировании связанного с последним языка «Doublespeak», в использовании Understatements и Hedges. Помимо языковой реализации данного феномена дистантная ментальность англичан находит свое выражение в психологии поведения англичан, в английской живописи (У. Тернер) и английском кинематографе (П. Гринуэй). Описанное явление представляет собой яркий образец этноцентризма в процессах познания, реализуемого всем разнообразием средств языка и культуры.

Здесь важно подвести итог и высказать основную идею статьи, сводящейся к тому, что интерес к исследованиям этноцентризма обусловлен, с одной стороны, стремлением самих языков и культур трепетно сохранять свою этничность в условиях процессов унификации культур в глобализирующемся мире, а с другой, поисками креатива (сферы правополушарного познания) и желанием раскрыть неизведанные, необычные лингво- и культурно специфичные явления языков и этнокультур.

При этом этноцентризм в нашем понимании не выступает как противопоставляемый антропоцентризму член дихотомии, а скорее как коррелят взаимодополняющей пары. Иными словами, проявление этноцентризма, как бы уникально оно не было представлено, оказывается в конечном итоге в том числе и феноменом антропоцентризма, как частного признака общечеловечного и общечеловеческого, как проистекающего из потенциальных возможностей языков и культур вообще. В этом смысле соотношение «антропоцентризм-этноцентризм» в некоторой степени перекликаются с понятиями универсалий и их частных воплощений — фреквенталий и уникалий. Помимо внешнего, поверхностного противопоставления компонентов триады фреквенталия (явление, наблюдаемое в ряде языков и культур), как и уникалия (явление исключительно специфичное) оказываются в то же время универсалиями в широком значении (а не только в смысле присущности всем или большинству языков), ибо проистекают из потенциальных возможностей языка и культуры вообще.

При таком понимании антропоцентризм и этноцентризм оказываются не членами противопоставляемой парной дихотомии, а создают единое взаимодополняемое явление, нацеленное на поиски гармонии и единых сфер познания и стремлению к сохранению этничности каждого отдельного языка и культуры.

© Джюева А.А.

Дата поступления: 12.07.2016

Дата принятия к печати: 22.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абаев В.И.* (1948). Понятие идеосемантики // *Язык и мышление* [*Abaev V.I. The notion of ideosemantics // Language and thinking*]. Т. XI. Москва—Ленинград: Изд-во АН СССР. С. 18—28.
2. *Абаев В.И.* (2006). Статьи по теории и истории языкознания [*Abaev V.I. Articles on the theory and history of linguistics*]. Москва: Наука.
3. *Вежбицкая А.* (1996). Язык. Культура. Познание [*Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition*]. Москва: Русские словари.
4. *Вежбицкая А.* (1999). Семантические универсалии и описание языков [*Wierzbicka A. Semantic universals and description of languages*]. Москва: Языки русской культуры.
5. *Гумилев Л.Н.* (1989). Этногенез и биосфера Земли [*Gumilev L.N. Ethnogeny and the biosphere of Earth*]. Ленинград: изд-во ЛГУ.
6. *Иванов Вяч.Вс.* (1978). Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем [*Ivanov Vyach. Vs. Even and Odds: asymmetry of brain and sign systems*]. М.: Советское радио.
7. *Иванова В.Г.* (2015). Лингвокультурологические особенности концепта «understatement» в современном английском языке [*Ivanova V.G. Linguocultural peculiarities of the concept*]

- “understatement” in the modern English language]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
8. *Кацнельсон С.Д.* (2002). Типология языка и речевое мышление [*Katsnelson S.D.* Typology of language and verbal thinking]. Москва: изд-во URSS.
 9. *Кибрик А.Е.* (1995). Куда идет современная лингвистика? [*Kibrik A.E.* Where is modern linguistics heading?] // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Международная конференция. Т. I. Москва: МГУ. С. 217—218.
 10. *Ларина Т.В.* (2003). Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах [*Larina T.V.* The category of politeness in English and Russian communicative cultures]. Москва: изд-во РУДН.
 11. *Падучева Е.В.* (1996). Феномен Анны Вежбицкой [*Paducheva E.V.* The phenomenon of Anna Wierzbicka] // Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари.
 12. *Прохвачева О.Г.* (2000). Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка) [*Prokhvacheva O.G.* Linguocultural concept of “privacy” (based on the American variant of the English language)]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград.
 13. *Paxman J.* (1990). *The English: a Portrait of a People.* Penguin Books.
 14. *Pink D.H.* (2008). *A whole New Mind: Why Right-Brainers Will Rule the Future Great Britain.* Marshall Cavendish.

УДК: 811.111'44:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-49-56

ANTHROPOCENTRICITY AND ETHNOCENTRICITY OF LANGUAGES AND CULTURES WITHIN THE FRAMES OF CURRENT SCIENCE

A.A. Jioeva

Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
Alecia28@yandex.ru

Abstract. The article illustrates the anthropocentric phenomenon dealt within the frames of languages and cultures. The broadest understanding of this fact as a fixation and analysis of universal characteristics of both, settling upon the four basic principles of current science with the fundamental, integral, pragmatic and humanistic nature of the latter, allows the author to submit personal understanding of anthropocentrism — ethnocentrism dichotomy components of which are seen not such as opposing units, but as a creation of complementary and interrelated unit. The English language and culture phenomenon of PRIVACY and related issues (Nominality, Doublespeak, Understatement, Hedges, language and culture distancization view of the world) reveal the signs of Anglo-Saxon ethnocentrism. Yet, this phenomenon is seen by the author as an attribute of anthropocentric nature and an indication of the power and potentials of languages and cultures as such.

Key words: Fundamental, integral, pragmatic and humanistic nature of current science; anthropocentricity; ethnocentricity; languages; cultures; English language and culture; Privacy; Nominality; distancization; cinematography; arts

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63

ТРАНСЛИНГВИЗМ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198
vestnik_valikova@mail.ru

Основная задача статьи — попытка осмыслить взаимосвязь между такими процессами, как литературный транслингвизм и ревитализация культуры. Авторы приходят к выводу, что *национальное воображаемое* ищет адекватных способов репрезентации в усвоенном языке, в результате чего этот язык не только в определенной степени трансформируется, но и способствует обновлению «говорящей» через него культуры.

Ключевые слова: транслингвизм, ревитализация, национальное воображаемое, литература, картина мира

ВВЕДЕНИЕ

«Какие-то языки могут умирать или стираться с лица земли, но не было и нет всеобщей языковой унификации человечества», — пишет в своей классической работе «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон. *Язык* фигурирует в указанном труде не случайно: именно ему ученый отводит аксиоматическую роль регулятора социальной власти и генератора той самой коллективной идентичности, которую сегодня принято называть *национализмом*. По Андерсону, «нация» не является продуктом этногенетического процесса и не может быть приравнена к определенной «народности»; это — некий конструкт, основной функцией которого является создание *общественного самоопределения*, базирующегося на *общей исторической памяти, исторической фатальности и языке*: «Нация усматривается в общности языка, а не крови» [Андерсон 2001: 162], «Через язык воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее» [Андерсон 2001: 170]. *Национальное* как *коллективное воображаемое* нуждается в определенной организующей силе, в аксиологических ориентирах, в ценностном поле, способном «вместить» в себя представителей этнически гетерогенных сообществ. Такой силой — наряду с политикой и религией — в историческом аспекте всегда становился язык.

До революции, осуществленной «гуттенберговым прессом», говорить о языковой унификации не приходилось: в пределах одной и той же языковой системы существовали различные ее варианты в виде наречий, уже — диалектов и говоров, а также элитарный язык «просвещенных» — в разных сообществах латинский, греческий, церковнославянский. (Так, Г.В. Лудольф, пытаясь осмыслить русский язык петровской эпохи, резюмировал, что языка на самом деле два — на одном говорят, на другом — пишут.) Широкое распространение печати способствовало

созданию «моноязычных» читающих публик и, соответственно, унифицированных полей коммуникации. В России это выдвинуло «народно-литературный» (по В. Виноградову) тип русского языка на передовую позицию функционирования по сравнению с книжно-славянским, однако русский по-прежнему не был языком повсеместного национального самосознания в пределах огромной Российской Империи. Ко времени активной политики русификации, проводимой императорами Александром II и Александром III, Россия уже была империей *множественных национальных идентичностей* (украинской, финской, латышской, татарской и пр.). Как отмечает В.М. Алпатов, языки «меньшинств» в этот период были лишены части своих функций, «изгонялись» из учебных заведений и из печати [Алпатов 2014: 11—24]. Характерный пример находим у Х. Сетона-Уотсона: в 1887 г. русский язык стал обязательным для обучения во всех государственных школах провинций, в частности, прибалтийской; в 1883 г. Дерптский университет, имеющий статус передового учебного заведения, был закрыт из-за «лояльности» немецкому языку в образовательном процессе [Seton-Watson 1977: 5].

Принудительная русификация была объяснимой политической мерой: существовала необходимость в объединяющем языке, который мог бы обеспечить коммуникацию между частями огромного государства. Однако в той же степени, в какой эта политика была унифицирующей, она была и секуляритивной («партикулярно-национальной», если прибегнуть к терминологии Б. Андерсона). Доминирование русского языка функционально «связывало» с ним его носителей, но вызывало чувство протеста со стороны иноязычных представителей империи, которым оставалось лишь приспособиться к новому языковому укладу жизни.

ОТ БИЛИНГВИЗМА К ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

После революции Советская Россия взяла курс на «отсутствие государственного языка» и «повсеместное распространение национальных языков» [Алпатов 2014: 11—24], однако полностью следовать заданным координатам оказалось невозможным: потребность в национальной языковой идентичности каждого из этносов, населявших СССР, столкнулась с потребностью в коммуникативной кооперации между ними в границах централизованного государства. Вторую мог реализовать только русский язык.

Постепенное возвращение к старой (царской) языковой политике происходило под действием новых лозунгов о «языковом равноправии», что породило практически повсеместный билингвизм, функциональное первенство в котором (и вынужденно, и добровольно) отдавалось русскому языку. Как отмечает В.М. Алпатов, в сложившейся на сегодня языковой ситуации было задействовано три «силы» — языковая политика, языковая «стихийность» и языковая «инерция» [Алпатов 2014: 11—24].

Русскоязычие и сегодня остается главной объединяющей силой для народов РФ. Меры по укреплению функционального статуса национальных языков предпринимаются, но пока они «точечны» (существуют научно-исследовательские центры по изучению малочисленных языков, например, гагаузского; разрабатыва-

ются программы узуализации вымирающих языков, т.е. их внедрения в повседневную речевую практику, см. кампанию ЮНЕСКО «Spoken Karaim»). Коммуникативным мостом к «широкому социуму» остается русский язык.

Как результат, мы имеем дело с распространенным би-, поли-, транслингвизмом, которые не только преодолевают «пустое гомогенное время» линейной истории, но и формируют вокруг себя новые семиотические пространства, «мир-целостность» словами Э. Глиссана.

Во все исторические эпохи власть, будь то империя или тоталитарное государство, стремилась к созданию идеально «просматриваемого» языкового ландшафта. Однако даже в условиях неравновесного билингвизма функционально ограниченные языки оставили за собой право на «непрозрачность». Как говорилось выше, язык связан и с культурой, и с идентичностью этноса, т.е. его национальным самосознанием. Определенные исторические условия способны ограничить или полностью нивелировать первое (язык), но на аннигиляцию (намеренную или стихийную) второго и третьего требуется намного больше времени — не рутинного, но исторического.

Если в эпоху бытования *структурной* языковой парадигмы *perpetuum mobile* языковой системы считались действующие в ней сосюрговские антиномии (языка и речи, говорящего и слушающего, кода и текста и др.), то в эпоху активно моделируемого глобального социума дополнительный импульс для ее (языковой системы) развития дают языковые контакты. В их процессе происходит не только глубинная перестройка языковых уровней, но и зарождение новых «образов мира».

Множество показательных примеров предлагает художественная литература — главный «культурный продукт национализма» [Андерсон 2001: 158], активно генерирующий мифологию нации, ее константные образы и ролевые модели. Национализм здесь не следует отождествлять с расизмом, это идеологически несовпадающие категории. Национализм — это, как отмечалось выше, глобальная идея коллектива о себе самом, произрастающая из общности языка, памяти, телеологии — в частности, телеологии этнической. Наблюдая за историческим формированием наций, Б. Андерсон задается вопросом: почему национализм настолько прочно внедрен в коллективное бытие, что представители этого коллектива готовы идти на жертвы во имя него? Диахронический анализ ряда стран позволяет ему прийти к нескольким выводам. Во-первых, национальность (как и этническая принадлежность) — это «фатальные» (неизменяемые) факторы человеческого бытия, «узы природы», данность, которую невозможно преодолеть. Следовательно, они и являются точкой отсчета и «мерой всех вещей» в человеческой судьбе. Так как расовую, этническую, национальную принадлежность сложно изменить, ее следует *упрочить*. Здесь в силу вступает *телеология* нации — иными словами, осознание целесообразности ее бытия, сверхзадачи в мировом историческом процессе. Вот почему в мире так сильна тенденция к «созданию» государствами своего древнего «прошлого»: такое прошлое позволяет включить нацию в разряд «вечных» категорий этого мира. Пожалуй, *национальное воображаемое* сродни мифологии, которая «не есть вымысел», но «есть аффективное переживание» и осязаемая данность [Лосев <http://www.psylib.org.ua/books/losew03/index>].

Так как множественные национальные идентичности существовали в России уже до того, как русский язык стал коммуникативной доминантой, эти идентичности начали проявляться на «освоенной» языковой почве. Этнически *нерусские* авторы, пишущие на *русском языке*, воспроизводят средствами этого языка отнюдь не *русскую национальную идею*. Они либо транслируют вовне реалии собственной психологии и культуры, либо вовсе переконструируют мир силами совмещенных языковых и культурных сфер. Даже в тех случаях, когда транслингвальная практика опирается не на сбалансированный, а на доминантный билингвизм, преобладающей компонентой которого является *русский язык*, в художественное измерение автором трансфертируется *этнокультурное содержание*. Как резюмирует И.С. Хугаев, «подлинная литература произрастает из этнокультурного корня» [Хугаев 2008].

К ВОПРОСУ О РЕВИТАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Еще М. Лотман указал на то, что язык и культура находятся в отношениях семиотического родства. Это самоорганизующиеся семиотические сферы, залогом сохранения которых служат их открытость, гибкость границ, налаженные механизмы аккумуляции, трансляции, генерации смыслов. Но если язык, *трансляция* которого из одного поколения в другое прекращена в силу определенных обстоятельств, может прийти к ситуации угасания (и последующего вымирания), то *культура* находит способ своего семиотического опосредования через *другой язык*. То же самое происходит и в условиях функциональной ограниченности «материнского» языка. Адекватно репрезентовать культуру способны лишь формы *ее* языка, следовательно, культура производит «отбор» жизнеспособных языковых элементов и транспортирует их в новую языковую реальность, подспудно «выстраивая» эту реальность под себя. Зачастую «господствующий» язык предоставляет «притесненной» культуре намного более широкие коммуникативные возможности, чем «свой». В результате она (культура) становится объектом познания большего количества людей, превращается в часть их когнитивного фонда, участвует в процессе новой, более сложной, *концептуализации мира*. Таким образом, культура не только сохраняется (кумуляруется) другим языком, но и обновляет собственный жизненный потенциал, то есть *ревитализируется*.

Ревитализация культуры происходит даже в тех случаях, когда автор-билингв частично (или в большей степени) утрачивает этнически «родной» язык — или его знание оказывается существенно редуцированным. Возникает следующая ситуация:

1. Автор (X) по-прежнему является представителем своего этноса (Y);
2. X не владеет в достаточной степени языком Y;
3. X в лучшей степени владеет «вторым родным» языком, A;
4. Используя A, X *не стремится* изобразить жизнь этноса/представителя этноса A;
5. Посредством A X *стремится* изобразить жизнь этноса/представителя этноса Y в условиях Y+A.

То есть в случаях, когда базовый «лингвизм» в транслингвальной практике оказывается недостаточно развитым, автор *продолжает* вносить в художествен-

ный текст этнический компонент. Другое дело, когда в процессе подобных языковых констелляций зарождаются причудливые лингвистические образования — этот вопрос требует особого изучения.

Рассмотрим в качестве примера фрагменты романа Гюзель Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Лауреат премий «Большая книга» и «Ясная поляна», «Зулейха...» продолжает традицию «двукультурной» литературы, которую заложили Юрий Рытхэу и Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер и Анатолий Ким — и многие, многие другие транслингвальные авторы советского и постсоветского пространства. «Традиции этой школы — глубокое знание национального материала, любовь к своему народу, исполненное достоинства и уважение отношение к людям других национальностей, деликатное прикосновение к фольклору» [Яхина 2016: 5]. Это — литературный дебют автора, в основу которого лег киносценарий, подготовленный Гюзель Яхиной в качестве выпускной работы в Московской школе кино. Отсюда — детальная раскадровка сцен романа, сильная визуальная часть, чередование эпизодов-образов с эпизодами-событиями. Избранные главы романа были опубликованы в журнале «Сибирские огни».

Книга имеет красноречивое заглавие, в котором присутствуют процессуальность, перцептивность, граничащая с иносказанием, и мощный культурный подтекст. «Зулейха открывает глаза», и мы понимаем, что героине романа предстоит пройти череду душевных трансформаций, результатом которых станет новое восприятие мира — и себя-в-мире. «Открыть глаза» — значит, вступить во взаимодействие с *внешним*; увидеть привычное в новом свете, утратить иллюзии; обрести внутреннюю смелость, пересоздать себя по отношению к внешнему пространству (заметим, что базовое предписание для классической «восточной» женщины — «опускать глаза», «не поднимать глаз»). Сама автор комментирует: «Зулейха — героиня моего романа — живет в очень странном мире, где есть место и язычеству с духами, домовыми и лешими, есть место религии и домострою. И вдруг ее вырывают из этого окружения и переносят в иной мир» [Яхина <https://ria.ru/interview/20160301/1382525469.html>].

По признанию Гюзель Яхиной, она не использует в повседневной практике татарский язык — главным средством общения для нее является русский. Взросление автора происходило в двуязычной среде: «У моей бабушки был превосходный русский язык. Она преподавала его в младших классах татарской школы, поэтому и артикулировала очень четко. Что касается татарского, то я выросла в этой языковой среде. И попытка сплавить в книге два языка была для меня естественной» [Яхина <https://daily.afisha.ru/brain/613-o-svoej-knige-zulejha-otkryvaet-glaza-babushke-i-scenariyah/>]. Русский стал для Яхиной языком творчества, основным материалом для создания художественного универсума. И если в речевом общении татарский язык отошел к функциональной периферии, то на уровне художественного текста он лег в основу лингвистического палимпсеста.

Первая часть романа, «Мокрая курица», подробно воссоздает быт татарской деревни, и реалии иноязычной культуры настойчиво «ищут» адекватных форм репрезентации. Жизнь Зулейхи проходит за ситцевой *чаршау*, отделяющей мужскую половину избы от женской. В отдельной, совмещенной избе живет грозная *Убырлы*

карчык — Упыриха-свекровь, называющая невестку не иначе, как *жебегян та-вык* — мокрой курицей. Наблюдая за «выхваченным из повседневности» днем Зулейхи, читатель видит элементы ее одежды — *ката* и *кульмэк*; следует за героиней в страшный *урман*, границы которого священны и нерушимы; ощущает мифическое присутствие древних сил — *басу капка иясе* (духа околицы), *шурале* (духов-озорников), *бичуры* (духа сеней), *зират иясе* (духа кладбища).

Читатель знакомится с древними пантеистическими верованиями татар, наблюдает, как Зулейха делает подношение *басу капка иясе*, чтобы дух попросил от ее имени *зират иясе* присмотреть за ее четырьмя дочками, умершими в младенчестве одна за другой. Сама Зулейха просить не может: она не *ошкеруче*. Русскоязычный текст оказывается насквозь пронизанным иноязычными элементами, которые для русского читателя полностью (либо в большей степени) лакунарны, так как не имеют ни внешних, ни понятийных эквивалентов в русском языке.

«Мигрирующие» между двумя языками слова адаптируются к репрезентативной среде разными способами. Один из них — контекстуальная экспланация, или краткое пояснение иноязычного понятия через культурный комментарий. В некоторых случаях такая экспланация есть, в иных — нет, что в определенной степени способно нарушить кооперацию между автором и читателем, ибо одна из целей такой кооперации — понимание. Автор, таким образом, требует со стороны читателя определенных гносеологических усилий и даже предлагает адресату своеобразный арсенал средств для достижения коммуникативного успеха. Так, Гюзель Яхина помещает в конец книги «Словарь татарских слов и выражений». Ограниченный в фоновых знаниях читатель время от времени «вынужден» прибегнуть к помощи словаря и к общему расширению герменевтического контекста. Таким образом, иноязычная культура, *просвечивающая* сквозь текст, не только «поясняется», но и когнитивно фиксируется воспринимающим сознанием читателя, в конечном счете — *обновляется* средствами другого языка. Это способствует созданию многомерной языковой картины мира, возникающей на стыке «сопряжения сфер».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной этнический состав России развивается в условиях объективного (зачастую неравновесного) билингвизма. Однако национальная культура и в этом случае находит возможность экстраполяции и самосохранения, в том числе посредством транслингвальной практики писателей-билингвов. *Этническое воображаемое* не поддается скоропостижному «размыванию»; оно преодолевает даже диктат доминирующего языка. Более того, в отдельных случаях культура не только сохраняется, но и ревитализируется. Возможно, сам процесс ревитализации культуры способен привести к ревитализации языка, так как онтологическая неразрывность этих категорий очевидна.

Показательны самоопределения, используемые транслингвальными авторами; зачастую писатели отказываются от жесткой «национальной» квалификации собственного творчества (и своей роли в нем), называя себя «связными человечества» (Г. Бельгер), «сталкерами, номадами семиотических пространств» (А. Жаксылыков), «медиаторами» (О. Сулейменов). Такие писатели рано или поздно начинают

отвергать мононациональную идентичность, «вырастают из нее», «перебираются в некое иное измерение» (Кундера). «...их тексты демонстрируют равную степень удаленности от любого конкретного и монолитного национального нарратива, они создаются в промежуточном пространстве, отражая ощущение неукорененности и маргинальности, свойственное человеку модерна независимо от его национального происхождения» [Рубинс // <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/rubins.pdf>]. Не это ли — следствие языкового взаимодействия, ведущее к новой — транскультурной — эстетике?

© Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.

Дата поступления: 05.10.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алпатов В.М. (2014). Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Москва. С. 11—24.
2. Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
3. Лосев А.Ф. (1990). Диалектика мифа. Москва: Правда // <http://www.psylib.org.ua/books/losew03/index.htm>.
4. Рубинс М.О. Литература в контексте транснациональной теории // <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/rubins.pdf>.
5. Хугаев И.С. (2008). Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир.
6. Яхина Г.Ш. (2016). Зулейха открывает глаза. Москва: АСТ.
7. Яхина Г.Ш. Интервью // <https://ria.ru/interview/20160301/1382525469.html>.
8. Яхина Г.Ш. Интервью // <https://daily.afisha.ru/brain/613-o-svoej-knige-zulejha-otkrывает-glaza-babushke-i-scenariyah>.
9. Seton-Watson H. (1977). Nations and States: An Enquiry Into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Westview Press.

УДК: 81'27:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63

TRANSLINGUALISM AND REVITALIZATION OF CULTURE

U.M. Bakhtikireeva, O.A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

vestnik_valikova@mail.ru

Abstract. The main task of the article is an attempt to understand the relationship between such processes as literary translanguaging and cultural revitalization. The authors conclude that the national imagined needs adequate ways of representation by the tools of the dominant language. As the result this language is not only transforming, but also promoting the renewal of culture, “speaking” through it.

Key words: translanguaging, revitalization, national imagined, literature, picture of the world

УДК: 811.512.122:811.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-64-77

РАЗНОВИДНОСТИ КАЗАХСКОГО ТОЯ И РУССКАЯ СВАДЬБА

Маханбет Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков

ул. Решетова, 5, Ташкент, Узбекистан, 100133

mah.dzhusupov@mail.ru

В статье рассматривается проблема национально-культурной специфики на основе анализа и описания понятий **казахский той** и **русская свадьба**. Осуществлено исследование содержания словарных статей этих понятий на материале толковых и двуязычных словарей; выявляются различия в их содержании и структуре. **Казахский той** — совокупность торжеств, празднеств, пиршеств, проводимых по случаю смены социального статуса человека. **Той** по случаю бракосочетания является одной разновидностью казахских тоев, которая является эквивалентом понятия **русская свадьба**. Другие разновидности казахского **тоя** (16 из 19) не имеют соответствий в русском языке и культуре. Однако в двуязычных словарях слово **той** презентовано как эквивалент слову **свадьба**. Внутреннее содержание казахского **тоя** в сравнении с русской свадьбой имеет серьезные различия в разновидностях, обрядах. Казахский **той** по случаю бракосочетания состоит из двух свадеб — в доме невесты и в доме жениха. Национально-культурная специфика казахского **тоя** и русской свадьбы существенно разительная, при наличии общих черт, т.е. существует разное в одинаковом, которое выпукло вырисовывается при монолингвальном и билингвальном исследовании и порождает лингвокультурную интерференцию.

Ключевые слова: казахский той, разновидности, обряды, русская свадьба, словарная статья, сходства, различия, смена социального статуса, национально-культурная специфика, интерференция

ВВЕДЕНИЕ

Межкультурная коммуникация строится на основе овладения индивидом и обществом языком и культурой инофона, т.е. другого народа, что в итоге способствует формированию билингвизма и полилингвизма, а следовательно, бикультурной и поликультурной личности и социума. Функционирование билингвизма и полилингвизма связано с формированием в сознании контактирующих инофонных индивидов и обществ прихорообразов звуков, слов предложений и их сочетаний, явлений, предметов, относящихся к другому языку, другой культуре [о психообразах см.: Джусупов М. 2001; 2016]. Предмет, явление, понятие в языке и национальной культуре может быть символизированным, т.е. функционировать в качестве национального символа [Джусупов Н. 2011]. По мнению Ю.С. Степанова, это одновременно является и лингвокультуремой, и концептом, и даже устойчивым концептом, и константой культуры [Степанов 2004].

Итак, в языках отражены одни и те же предметы, явления, события, традиции и есть их лексические эквиваленты, но их звуковая оформленность разная, а смы-

словое содержание имеет как сходства, так и различия. Очень часто смысловые различия доминируют над сходствами, и в таких случаях мы имеем дело фактически с разным объяснением, с разным содержанием одного и того же явления, события, предмета, присутствующего в двух языках, в двух национальных культурах. Это является сутью национально-культурной специфики: разное в одинаковом [см. Маслова 2004 и др.]. Сходствами для двух языков остаются только общие штрихи лингвокультурной картины, например, **той** — **свадьба**.

СОДЕРЖАНИЕ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ «ТОЙ» И «СВАДЬБА»

Рассмотрим представление двух этих слов *свадьба* — *той* в толковых словарях и в двуязычных словарях казахского и русского языков.

Десятитомный словарь казахского языка: Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (ҚТТС)

Той: ‘қуанышты жайға байланысты ел шақырылып өткізілетін ырду-дырдулы ... ойын-тамаша’ [ҚТТС 1986. Т. 9: 161]; *русск.* ‘торжество, радостное событие, шумное мероприятие, игры и веселье, проводимое с приглашением народа (гостей, друзей, родственников)’. В словарной статье значение слова **той** дано в абстрактном, обобщенном виде. Здесь отсутствует понятие **тоя** как торжества по случаю бракосочетания или какого-то другого казахского празднества, торжества, пиршества. Понятие **тоя** по поводу бракосочетания в этом словаре дано в другой статье, посвященной слову *үйлен (үйлену)* ‘жениться’.

Үйлен: ‘әр жынысты екі адамның қосылып тұрмыс құруы’ [ҚТТС 1986. Т. 9: 530] *русск.* ‘соединение, бракосочетание двух людей, принадлежащих к разным полам: создание семьи’. В словарной статье слово *үйлену (үйлену той)* представлено не как **свадьба (той)**, а как ‘соединение двух индивидов разных полов с целью создания семьи’.

Итак, в этих словарных статьях о слове **той** и *үйлен (үйлену)* разновидности казахского тоя не представлены. Разновидности казахского тоя представлены в других статьях словаря. Например, **күміс той** (‘серебряная свадьба’) — в словарной статье **күміс** (‘серебро’); **алтын той** (‘золотая свадьба’) — в словарной статье **алтын** (‘золото’) и т.д.

Пятнадцатитомный словарь казахского литературного языка: Қазақ әдебі тілінің сөздігі (ҚӘТС)

Словарная статья «**Той**» презентована в трех значениях. В настоящей работе представляем первое значение.

Той... 1. этн. ‘қазақ халқының мәдени өмірінде ерекше орын алатын адамның дүниеге келуі, үй болуы, не түрлі қуанышты кезеңдерін атап өту дәстүріне сәйкес өткізілетін дүбірлі салтанатты жиын’ [ҚӘТС 2011. Т.14: 207]; *русск.:* ‘торжество, празднество, пиршество, занимающее особое место в жизни казахского народа, связанное с празднованием появления человека (ребенка) на свет, с созданием семьи и многими другими радостными событиями’. В этом словаре значение слова

той также представлено обобщенно. Поэтому в содержании словарной статьи не указаны разновидности казахского *тоя*, в том числе и *тоя* по случаю бракосочетания (свадьбы). В отличие от десятитомника в словарной статье пятнадцатитомника присутствует словосочетание *үй болу* (дословно ‘создать дом’), т.е. говорится о создании семьи. В казахском языке это словосочетание вбирает в себя и акт бракосочетания, так как создание семьи без этого невозможно, а в акте бракосочетания главное место занимает *той* (в данном случае в значении ‘свадьба’). Итак, в этой словарной статье говорится о *тое* по случаю бракосочетания, хотя при этом не используются выражения, которые прямо называют *той* по созданию семьи (свадьбу). В пятнадцатитомнике *той* в значении ‘свадьба’ также представлен в словарной статье «*Үйлен*», а более конкретно в словарных статьях «*Үйлену тойы*», «*Үйлендір*».

Үйлен. Содержание этой словарной статьи идентично содержанию соответствующей словарной статье в десятитомнике. Разница заключается в том, что в ҚӘТС словарная статья дополнена выражением «... *эйел алу*» (дословно ‘взять женщину’, т.е. ‘жениться’). [ҚӘТС 2011. Т. 15: 29].

Үйлену тойы: ‘қыз бен жігіттің қосылу құрметіне жасалған ойын-сауықты салтанатты жиын-тамаша’ [ҚӘТС 2011. Т. 15: 29]; *русск.:* ‘свадьба’; ‘торжественное празднество по случаю женитьбы в честь соединения молодого человека и девушки, т.е. создания семьи’. В словарной статье говорится именно о свадьбе, о торжестве по случаю бракосочетания. При этом охвачены обе стороны — как сторона жениха, так и сторона *невесты* (‘қыз бен жігіттің’). На первое место выдвинуто слово *девушка* (‘қыз’), а не *джигит* (‘молодой человек, мужчина’), хотя слово *үйлену* в казахском самосознании понимается как ‘создание семьи прежде всего джигитом’, ‘женитьба’.

Үйлендір (букв.: ‘жени, женить’): ‘эйел мен еркекті қосу, эйел әперу, күйеуге беру’ [ҚӘТС 2011. Т. 15: 29]; *русск.:* ‘соединение женщины и мужчины, женить, выдать замуж’. Словарная статья полновыраженная в отношении передачи понятия создания семьи, бракосочетания, женитьбы, выхода замуж. В ней говорится именно о свадьбе, но слово *той* не употребляется. Как и в предыдущей словарной статье, на первое место выдвинуто слово *женщина*, а не *мужчина* ‘эйел мен еркекті...’, хотя в казахском и в целом в тюркском самосознании (да и у многих других народов) во главе создания семьи и в семье стоит мужчина.

Итак, в рассмотренных словарных статьях о *тое* в пятнадцатитомнике [ҚӘТС] разновидности казахского *тоя* не представлены. Как и в десятитомном словаре [ҚТТС], они представлены в некоторых других словарных статьях. Например: *сүңдет той* — в словарной статье «*Сүңдет той*»; *шілдеханатой* — в словарной статье «*Шілдехана*».

Толковый словарь казахского языка (однотомный): Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі

Той: ‘халық көп жиналатын салтанатты, қуанышты мереке’ [ҚТТС 2008: 806]; *русск.:* ‘торжественный и радостный праздник со скоплением большого количества народа’. Словарная статья *той* представлена в целом как ‘торжество, праздник,

пиршество, большое и радостное событие’, как и в десятичном словаре ҚТТС и в пятнадцатитомном ҚӘТС словарях. В содержании словарной статьи **той** в значении ‘свадьба по поводу вступления в брак двух индивидов, принадлежащих к разным полам’ не представлен. Это значение слова **той** (‘свадьба’) и в этом словаре представлено в статье о слове **үйлен (үйлену)**: ‘эр жынысты екі адамның (...) қосып, тұрмыс құрды: әйел алу’ [ҚТТС 2008: 867]; *русск.*: ‘создание семьи двумя личностями разных полов; женитьба/жениться’. Здесь присутствует выражение *әйел алу* (букв. ‘взять женщину’), т.е. ‘жениться’. Создание семьи рассмотрено односторонне — ‘жениться’ — это касается только мужской половины из двух человек, создающих семью. На наш взгляд, для передачи полноты значения акта бракосочетания следовало бы дополнить словарную статью и выражением *күйеге шығу* (‘выйти замуж’). В этом случае акт бракосочетания, **той** по поводу вступления в брачный союз в содержании словарной статьи имел бы полноту и прямое отношение к обеим сторонам данного жизненно важного социального мероприятия — и к стороне мужчины, и к стороне женщины.

В этом словаре другие разновидности казахского **тоя** так же, как и в десятичном и в пятнадцатитомном толковом словаре, представлены в других словарных статьях. Например: *алтын той* — в словарной статье о слове **алтын** (‘золото’) и т.д. В словаре **бесік той** представлен как *бесіксалар* той. *Бесіксалар* — это ‘обрядовое мероприятие по укладыванию впервые в **бесік** (‘колыбель’) младенца’.

Однотомный двуязычный казахско-русский словарь «Қазақша-орысша сөздік» [ҚОС 2001]

В словарной статье «**Той**» представлены 17 разновидностей казахского **тоя**: 1) *атқа мінер той* ‘той по случаю первой езды верхом’ [ҚОС 2001: 810]. Этот **той** еще называют *атқа мінгізу той* ‘той по случаю, когда малыша впервые сажают на коня’; *мізгін устар той* ‘той по случаю, когда мальчик впервые берет в руки уздечку лошади’, т.е. когда в первый раз садится на коня; 2) *бесікке салар той* ‘той по случаю укладывания ребенка в колыбель’; ‘той по случаю перенесения ребенка из пеленок в колыбель’. Этот **той** еще называют упрощенно «**бесік той**», т.е. букв. ‘той, пир, пиршество колыбели’; смысловой перевод: ‘той по случаю первого укладывания младенца в колыбель (или в люльку)’; 3) *әскерге шақыру той* ‘той по случаю призыва в армию’. Этот **той** еще называют ‘*әскерге ...*’ или же ‘*әскерге бару ...*’. В русском языке это мероприятие называется менее торжественно, чем в казахском языке, т.е. ‘проводы в армию’; 4) *әскерден оралу той* ‘той по случаю возвращения из армии’; 5) *қыз ұзату той* ‘той по поводу замужества дочери (девичья свадьба)’; 6) *келін түсіру той* ‘той по поводу женитьбы сына’; 7) *құрсақ той* ‘той по поводу начала беременности’; 8) *мектепке беру той* ‘той по случаю поступления в школу’; 9) *мектепті бітіру той* ‘той по случаю окончания школы’; 10) *маслихат* (маслихат **той**) ‘совещательное приглашение с угощением родных, близких (старейшин) по поводу какого-либо семейного события на уровне **тоя**’; 11) *сабантой* ‘той по случаю окончания уборки урожая’; 12) *тусау кесер той* ‘той, которым отмечают первые шаги ребенка’. Перевод *тусау кесер*

той на русский язык следовало бы представить в следующем виде: ‘той, торжество по случаю символического обрезания пут на ногах ребенка, который делает первые шаги или же только-только стал самостоятельно ходить’; 13) *үйлену той* ‘свадьба; свадебный той’. Этот вид **тоя** (**үйлену той**), на наш взгляд, следовало бы представить так: ‘той, торжество по поводу женитьбы’, так как слово **үйлену** в казахском языке употребляется по отношению к молодому человеку, мужчине, который женится. В отношении девушки, женщины замужество передается выражениями **тұрмыс құру** (‘создание семьи’), **күйеуге шығу** (‘выходить замуж’) и под. Однако следует отметить, что в настоящее время слово **үйлену** стало употребляться, хотя и редко, и в отношении девушки, женщины, выходящей замуж; 14) *сүндет той* ‘той по случаю обрезания (мальчика)’. Перевод этого вида **тоя** (*сүндет той*) следовало бы представить в следующем виде: ‘той по случаю обрезания кончика кожи мужского достоинства мальчика, что будет свидетельствовать о его принадлежности к мусульманской религии’; 15) *шілде кузет той* ‘той по поводу рождения ребенка’; 16) *шілдехана той* ‘той по поводу достижения новорожденным сорокадневного возраста’. Этот той очень часто объединяют с **бесік тоем**, так как ребенка в колыбель нередко укладывают по достижению сорокадневного возраста; 17) *шопан той* ‘праздник чабанов’ [ҚОС 2001: 810]. Праздник, торжество «**шопан той**» следовало бы перевести с более подробным объяснением повода и сути проведения праздника чабанов, т.е. в следующем виде: ‘той, праздник чабанов по поводу завершения окота, выхода на джайлау (‘летнее пастбище’), возвращение из джайлау (‘осенью’), выполнение плана по сдаче на мясозаготовку’ и под.

В этом словаре в статье «**Той**» представлено в целом понятие о казахском тое и его разновидностях, которые, кроме одного **тоя** ‘общего понятия свадьбы, как женитьбы или замужества’, не имеют соответствий в русском языке и в русской культуре. Каждая разновидность казахского тоя проводится в честь прогрессивного изменения социального статуса человека: была девушка — стала женой; был джигитом — стал мужем; был вне религии — стал мусульманином; был мальшом — стал учеником и т.д.

В данном словаре в статье «**Той**» не представлены **күміс той** (‘серебряная свадьба’) и **алтын той** (‘золотая свадьба’), **пайғамбар жас тойы** (‘торжество (той) по поводу достижения человеком возраста пророка Мухаммеда (63 года)’), а также **ұл той** — самый распространенный той, который проводится в честь детей мужского пола в семье. Его поголовно проводят казахи, имеющие детей мужского пола на юге Казахстана, в Узбекистане.

В словаре ҚОС **алтын той** и **күміс той** представлены в других статьях, соответственно, в статьях **алтын** (‘золото’) и **күміс** (‘серебро’). В статье слова **пайғамбар** (‘пророк’) не дан перевод понятия **пайғамбар жас той**, ‘торжество по поводу достижения человеком возраста пророка Мухаммеда (63 года)’, но представлено народное пожелание «**пайғамбар жасына кел**» (‘достигни возраста пророка’) [ҚОС 2001: 665].

Настоящий словарь ҚОС — это единственный словарь, в котором представлено такое большое количество разновидностей казахского тоя.

Большой толковый словарь русского языка (БТС)

Свадьба — это ‘брачный обряд: празднество по поводу вступления в брак’ [БТС 2002: 1153].

Свадьбище, нар.-разг. — ‘скопище, скопление (животных, птиц, и т.п.)’ [БТС 2002: 1153]. В БТС дано одно значение слова **свадьба** — ‘празднество (свадьба) по поводу вступления в брак’, а также **свадьба** определяется как ‘обряд (брачный обряд)’. Других видов **свадьбы (тоя)** в русском миропонимании не существует, за исключением **серебряной свадьбы** и **золотой свадьбы**, которые уже не содержат в себе значения обряда бракосочетания, а содержат значение результата вступления в брак в давнем прошлом, т.е. определяет большой отрезок времени, на протяжении которого супруги провели совместную жизнь.

Значение же слова **свадьбище** (‘скопление животных или птиц’) не имеет отношения к свадьбе по поводу бракосочетания или к золотой или серебряной свадьбе.

Итак, в русской культуре отсутствует разнообразное понимание **свадьбы (тоя)**, что свойственно для казахской культуры, в котором функционирует большое количество разнообразных тоев (‘свадьбы, торжества’), проводящихся в связи с изменением социального статуса человека в обществе.

Двухтомный русско-казахский словарь (РКС)

Свадьба ‘үйлену той’; **серебряная свадьба** ‘күміс той’; **золотая свадьба** ‘алтын той’ [РКС 2007. Т.2: 315]. В этом словаре слово **свадьба** переведено на казахский язык как ‘свадьба’ (‘той’) по поводу женитьбы; выхода замуж; представлены также переводы выражений **серебряная свадьба** (‘күміс той’) и **золотая свадьба** (‘алтын той’). Итак, перевод слова **свадьба** на казахский язык охватил только тот **той** (‘свадьбу’), который непосредственно связан с актом бракосочетания и его последствием — совместное проживание супругами 25 лет и 50 лет. Все другие виды казахского тоя при переводе слова **свадьба** на казахский язык не представлены (что наблюдается и во многих других словарях). На наш взгляд, в данном словаре в статье **свадьба** при подаче перевода этого слова на казахский язык следовало бы представить и другие виды казахского тоя, как это было сделано в казахско-русском словаре.

Таким образом, во всех проанализированных словарях толкования и перевод казахского слова **той** и русского слова **свадьба** представлены неравнозначно. Главным во всех словарях является объяснение **тоя** (‘свадьбы’) как торжества по поводу вступления в брак. Другие же разновидности **тоя** (‘праздничного торжества’), характерные для казахской культуры и отраженные в казахском языке, в одних словарях не представлены, в других словарях представлены неполно. Исключение составляет Казахско-русский словарь, в одной словарной статье которого представлены 17 видов казахского тоя и еще 2 тоя — *күміс той* ‘серебряная свадьба’ и *алтын той* ‘золотая свадьба’: две эти разновидности свадьбы в казахскую культуру пришли из европейской и русской культуры, поэтому они в обоих языках эквивалентны; всего — 19 разновидностей **тоя** в казахском языке и культуре.

КАЗАХСКИЙ ТОЙ ПО СЛУЧАЮ БРАКОСОЧЕТАНИЯ (разновидности, структура, внутренне содержание, традиции, обряды)

Рассмотрим структуру и содержание **казахского тоя** в одной его разновидности — ‘той по случаю бракосочетания’ с элементами сопоставления со структурой и значением понятия **свадьба** в русском языке и в русской культуре.

1. **Свадьба** — **той** в обоих языках в целом отражают торжество по поводу соединения мужчины и женщины с целью создания семьи. В таком значении эти слова являются эквивалентными, поэтому в сознании и русского, и казаха сформированы равнозначные психообразы данного явления (события), которое в русском языке называется **свадьба**, а в казахском языке — **той**.

Формирование казахского психообраза явления **той** в этом значении в сознании русского или русскоязычного индивида не представляется трудным или невозможным для понимания. Именно такой психообраз слова **той** сформирован в сознании почти всего русского и русскоязычного населения в тюркском мире Центральной Азии, так как и по-казахски, и по-узбекски, и по-кыргызски, и по-каракалпакски и т.д. данное торжество называется **той**. Дословно слово **той** означает ‘наешься, насытись’. Но в этом прямом значении в казахском и тюркском мировосприятии в целом это слово практически не употребляется: употребляется оно в высоком социальном, философском значении — ‘торжественное мероприятие, посвященное изменению социального статуса индивида/ индивидов’.

В русском сознании слово **свадьба** порождает такие образы, как: мужчина в строгом черном костюме; женщина в белом свадебном платье с фатой; счастливые лица молодоженов и гостей; обручальные кольца на пальцах молодоженов; богато накрытый стол; веселье; танцы; песни и т.д. В казахском сознании слово **той** порождает такие же образы: нарядные жених и невеста; обручальные кольца на их пальцах; радостные и веселые гости; счастливые родители; богатый дастархан и т.п. Но в этом общем образе для представителей двух языков, двух культур есть различия, содержание которых является показателем русской или казахской свадьбы. Они таковы: 1) казахские жених и невеста могут быть одеты по-европейски, как русские жених и невеста, но могут быть одеты и в традиционные национальные свадебные костюмы для жениха и невесты или же их свадебная одежда будет сочетать в себе европейский и казахский стили; 2) на казахской свадьбе дастархан (‘стол’) накрывается с национальным колоритом, согласно многовековой традиции, в которой ведется строгий учет степени родственного отношения гостей и к жениху, и к невесте, возрастных особенностей гостей (как родственников, так и неродственников), служебного и социального положения гостей (члены коллектива, в котором работают или учатся жених и невеста, их одноклассники или однокурсники, близкие друзья жениха и близкие подруги невесты и т.д.); 3) угощение гостей мясом носит глубоко обрядовый характер. Так, каждая часть целого барана (овцы) предназначается конкретному гостю или конкретным гостям: а) голова барана — для самого почетного гостя (не по чину, не по должности

на службе): если свадьба в доме жениха или свадьба проводится стороной жениха, то голова барана — главному свату, отцу невесты или деду невесты и т.п.; и, наоборот, если свадьба проводится стороной невесты; б) берцовая кость для одного из почетных гостей со стороны невесты или — со стороны жениха (опять же в зависимости от того, кто — хозяева свадьбы, кто — гости); в) грудинка (төс) — для жениха (в случае, если свадьба проводится стороной невесты); и т.д.

Исполнение обрядовых ритуалов на **тое** ('свадьбе') по созданию семьи:

а) обряд **узату** ('протянуть, подать' и т.п.). Этот обряд очень древний, очень глубокомысленный. Суть его заключается в том, что когда невесту увозят из родного дома, брат невесты на руках выносит сестру из дома, обязательно перешагнув через порог дома, и передает жениху, т.е. подает, протягивает на руках. Поэтому в казахском языке существуют выражения, синонимичные слову **свадьба** ('той'), которые обозначают разновидность свадьбы, т.е. это свадьба по выдаче дочери замуж. Это выражения **кыз той** ('девичья свадьба'), **узату той** или **кыз узату той**, букв.: 'свадьба протягивания, свадьба передачи'. Смысл этого обряда глубокий и символический: ты (она) выдана замуж, ты (она) передана тому человеку, с которым будешь жить, тем людям (династийной и родовой общности жениха), в обществе которых будешь строить новую семейную жизнь. Твои родственники, твой род согласны, так как ты согласна, так как жених и родственники жениха, выразили желание брать тебя в свою семью, в свое родовое общество для создания семьи и продолжения рода;

б) Обряд **беташар** ('открытие лица невесты из-под вуали') или поклоны невесты. Невеста кланяется в пояс в знак глубокого уважения к родственникам жениха (дедушке, бабушке, отцу жениха, матери жениха, старшим сестрам и братьям, младшим сестрам и братьям и т.п.). Этот обряд осуществляется при открытии лица невесты из-под вуали. Осуществляется это акыном ('поэтом-импровизатором'), который исполняет традиционные обрядовые песни под игру на домбре. Каждому родственнику жениха посвящается как минимум один поклон невесты — дедушке, бабушке, отцу, матери... Для младших братьев и младших сестер можно всем сразу «посвятить» один поклон. Но это зависит от того, как построит процедуру осуществления этого обряда поэт-импровизатор: так, если младший брат или младшая сестра жениха очень значимые личности, или единственные и под., то им посвящаются отдельные поклоны невесты. Поэт-импровизатор, называя имя и родственное отношение человека к жениху, которому невеста должна сделать поклон, лаконично, красочно, в рифму рассказывает о его заслугах, достоинствах, особенностях характера (как положительных, так и неположительных). Высоко ценятся, т.е. популярными являются те поэты-импровизаторы, которые представляют человека с тонким сочетанием официальности и юмора. Обряд **беташар** обязательно осуществляется у всех казахов независимо от того, где они живут — в Казахстане, в Узбекистане, в Китае, в Турции и т.д. Этот обряд несет в себе высокое социально-философское значение: невеста знакомится с духовным и материальным миром стороны жениха, узнает, с кем как себя вести, с кем как разговаривать.

Именно после завершения обряда **беташар** невеста чувствует себя настоящей **келіншек**, **келін** ('невестой, женой'), **жеңеше** ('уважительное обращение к жене брата, старшего по возрасту'). В казахском обряде **беташар** заложен глубокий социальный смысл: невесту, человека из другого семейного мира, нового человека для семьи жениха, для этой династии, для этого рода, вводят в другой новый мир, знакомят с этим новым миром, открывают ей глаза, чтобы она «правильно» видела, понимала свою будущую жизнь, начинающуюся с этого момента — с момента изменения ее социального статуса. Обряд (**беташар**) никак не связан с ношением чачвана или паранджи. Казахки никогда не носили чачван и тем более паранджу, что было строго обязательно, например, для женщин персидского мира, в тюркском мире — узбечкам, турчанкам и др.;

в) Обряд **шашу** (**шашу шашу**). Этот обряд дословно переводится как 'разбрасывание' ('осыпание'). Как правило, взрослая, уважаемая женщина (женщины) (бабушка, мать...) над и перед невесткой и женихом и гостями подбрасывает и сыплет *курт* (курт 'сушеный творог'), *баурсаки* (баурсаки 'блюдо из теста и жира, похожее на маленькие пончики'), конфеты, изюм, урюк, монеты. Ни одна казахская свадьба, казахское торжество, праздник не обходится без **шашу**. Этот обряд также берет свое начало со времен тенгритианства, когда поклонялись тому, что блестит, горит, светится. Именно поэтому для **шашу** обязательно используют монеты и конфеты в разных блестящих обертках, так как они блестят, светятся как звезды, т.е. на голову жениха и невесты сыплются звезды, что символизирует светлую жизнь, светлые мечты, добрые деяния. Этот обряд осуществляется и на свадьбе в доме невесты, и на свадьбе в доме жениха;

г) Обряд **сыңсу** (**сыңсылау**) — это песня-плач невесты, когда ее увозят из дома родителей, а также когда после завершения свадьбы, в доме жениха (или на стороне жениха), ее родственники — мать, жены ее братьев, сестры уезжают домой. Обряд **сыңсу** имеет древнее начало. Девушка перед выездом из родительского дома плачет и поет о том, как было ей хорошо в родном доме, какой она была любимицей дедушки и бабушки, братьев и других родственников, что покидает отчий дом и родной край, потому что это — судьба, жизнь девушки так устроена и т.д. **Сыңсу** (**сыңсылау**) конкретной девушки (невесты) и в целом абстрагированного образа девушки-невесты, исполняющей песню-плач, нередко становилось образцом поэтически-песенного художественного творчества.

В доме жениха, когда приехавшие с ней, сопровождающая ее свита после свадьбы в доме у жениха после завершения всех ритуалов собирается возвращаться домой, невеста поет и плачет о том, как трудно расставаться, когда же состоится следующая встреча, что она им благодарна, за то, что они ее сами привезли, сопровождали и поддерживали в такие серьезные для нее дни в ее жизни. Она желает им счастья, доброго пути, передает много-много приветов родной стороне, родным и обещает быть примерной, работоспособной и умной невестой, матерью и т.д.;

д) Обряд **неке** (**неке қию**) — это как венчание. Обряд **неке қию**, как правило, осуществляется после свадьбы или после **беташар**, если **беташар** проводится отдельно от свадьбы, что иногда встречается, когда официальную свадьбу в доме жениха откладывают на более позднее время, что связано с разными причинами, но, прежде всего, — с материальными, а также, когда жених осуществляет похищение невесты (обязательно с ее согласия). Похищение невесты женихом осуществляется когда, например, родители девушки не согласны выдать ее замуж за этого молодого человека, который просит ее руки или у жениха есть материальные трудности.

После похищения невесты сторона жениха осуществляет ряд дополнительных обязательных мероприятий, которые не предусмотрены процедурой женитьбы, осуществляемой обрядом сватания с согласия двух сторон. Конечно же, сторона невесты после ее похищения соглашается с таким положением дел. Процедура похищения невесты и обязательные мероприятия после этого события заслуживают отдельного большого описания, поэтому мы в данной работе даем лишь информацию, что такая казахская традиция существует.

Обряд **неке қию** обязательно проводится до первой брачной ночи, то есть до обряда **қыздық** ('определение, доказательство девственности невесты'). Невесту привозят в дом жениха, там проходит свадьба (**беташар той** — **келін түсіру той** — **келіншек той**). Как правило, вечером приглашают домой муллу или имама, который и осуществляет обряд **неке қию**. Или же жених и невеста вместе с тетьми, сестрами, снохами, матерью жениха и невесты идут в мечеть, и там имам осуществляет обряд **неке қию**. Этот обряд осуществляется при свидетелях. Мулла спрашивает отдельно жениха о его согласии жениться на этой девушке и отдельно спрашивает у девушки (невесты) о ее согласии выйти замуж за этого мужчину. После получения положительных ответов с обеих сторон осуществляется обряд **неке қию**. Если хотя бы одна сторона (или жених, или невеста) не согласна, то обряд **неке қию** не осуществляется. При проведении казахского мусульманского **неке қию** ('венчания') обязательно присутствуют двое молодых людей — еще неженатых или незамужних. Мулла или имам с согласия родителей молодых назначает им названного отца и названную мать, которые потом несут такую же ответственность за благополучие новой семьи, как и их кровные родители (прежде всего родители жениха). Только после совершения обряда **неке қию** молодожены имеют право на проведение первой брачной ночи, когда и проводится обряд по определению (доказательству) девственности невесты (обряд **қыздық**).

Обряд **неке**, или **неке қию**, имеет тысячелетнюю историю и носит не только религиозный характер, но и огромный морально-этический, социальный.

Здесь мы ограничиваемся описанием четырех обрядов касательно одного типа казахского **тоя** ('свадьбы') по акту бракосочетания, который проводится на свадьбе в доме жениха (или стороной жениха), и на свадьбе в доме у невесты. Всего же обрядов, обычаев, сопровождающих **той** ('свадьбу'), более 50-ти. Каждый из них заслуживает отдельного исследования и описания, например, **узату**, **қыздық**, **отқа май қую** и др.

В казахском языке **той** ('свадьба') характеризуется типологической дифференциацией. Внутри каждого типа есть свои разновидности **тоя**. Каждый казахский **той**, независимо от своего предназначения, во внутренней сути, и во внешнем (структурном) оформлении имеет одно общее (главное) свойство — торжество, которое сопровождается исполнением обрядов, соблюдением традиций, обычаев и обязательно накрытым дастарханом (угощением) и «кровопусканием», т.е. убоем скота (лошади или коровы, или овцы и т.д.). Последнее воспринимается в двух основных значениях: 1) преклонение перед духами предков (жертвоприношение): сытыми, удовлетворенными должны быть, прежде всего, те, кто покинул этот светлый мир, т.е. духи предков; 2) угощение этим мясом гостей, пришедших на **той**.

Той ('свадьба по бракосочетанию') имеет два варианта: 1. **Той** (свадьба) в доме невесты. Он имеет несколько наименований, которые обозначают одно и то же: а) **кыз той** (букв.: 'девичья свадьба'); б) **кыз узату той** (узату той) (букв.: 'по протягиванию девушки в невесты', т.е. свадьба по выдаче девушки замуж); в) **турмысқа шығу** (шығару) **той** (букв.: 'свадьба по созданию семьи, свадьба по выходу (по выдаче) замуж'). 2. **Той** (свадьба) в доме жениха. Он также имеет несколько наименований, которые обозначают одно и то же: а) **беташар той** (букв.: 'свадьба по открытию лица невесты'); б) **келіншек той** (букв.: 'свадьба юной невесты'). Слово *келіншек* означает 'юная невеста', т.е. невеста в доме жениха в первые дни, месяцы. *Келіншек* — уменьшительно-ласкательная форма слова *келін* (келін + шек = келіншек); в) *келін той* (букв.: 'свадьба невесты', т.е. свадьба по принятию невесты в дом жениха); г) *келін түсіру той* (букв.: 'свадьба по приему невесты').

Слово *келін* (*келіншек*) происходит от слова *кел* ('приди'). Итак, в самом значении казахского слова *келін* (*келіншек*) 'невеста' заложено понятие 'прийти, войти, быть своей' и т.д. Каждый казахский дом, каждая казахская семья, в которой есть дети мужского пола с момента рождения приглашают в дом *келін* (*келіншек*), то есть невесту, и, наоборот, в семье, в которой есть дети женского пола, готовят их (девочек) к жизни *келін* (*келіншек*), то есть быть невесткой, женой. Это заложено в казахском менталитете, в казахском образе жизни, в казахском миропонимании. Это аспект философии национального жизнеустройства, философии продолжения рода.

Казахский **той** (свадьба) по бракосочетанию планируется и состоится только в том случае, если девушка и джигит (невеста и жених) принадлежат к разным родоплеменным династиям. Их родословная не должна иметь кровосмешений, как минимум, в семи коленах. Это минимальное генетически чужое расстояние. Казахская свадьба по акту бракосочетания планируется и осуществляется, когда девушка и джигит принадлежат к разным родам или под родам. Это казахская философия генетики. Она не соответствует положениям ни исламской, ни христианской, ни иудейской религии.

В настоящее время казахский **той** ('свадьба') по случаю акта бракосочетания претерпел некоторые изменения, связанные с внедрением элементов европейской культуры. Так, определенная часть казахского городского населения стала делать одну свадьбу, т.е. сторона жениха и сторона невесты объединяются и совместно

проводят свадьбу. Но при этом все казахские обычаи, традиции, обряды, касающиеся жениха и невесты, сватов и т.д., полностью присутствуют, т.е. функционируют. Например, изменилась форма исполнения такого обряда, как **сыңсу сыңсылау** ('плач-песня невесты'): в крупных городах этот обряд нередко проводится упрощенно, недолго по продолжительности времени, и может осуществляться обычными словами без песенного исполнения. Суть дела в том, что раньше в каждой казахской семье, в которой есть дети женского пола, взрослые женщины специально обучали девочек исполнению этой обрядовой песни. Сейчас проведение таких домашних уроков для девочек «по технике исполнения **сыңсу (сыңсылау)**» встречается довольно редко. У казахов, проживающих на юге и западе Казахстана, в Иране, Китае, Монголии, отчасти в Узбекистане, Туркменистане обряд **сыңсу** сохранился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соблюдение казахских национальных обычаев, традиций, обрядов по случаю бракосочетания не зависит от того, богатая или бедная это свадьба: во всех случаях свадебные, досвадебные и послесвадебные казахские обычаи, традиции, обряды соблюдаются. Современная казахская свадьба, как правило, наполняется дополнительными штрихами, нюансами, обычаями, привнесенными из моделей свадеб в Европе, России.

Казахский той как свадьба имеет много общего с русской свадьбой: у обоих народов — это торжество, проводимое по случаю изменения социального статуса молодых людей разного пола, в результате которого создается семья — основа человеческого общества, основа продолжения рода человеческого.

Той в казахском языке и культуре как явление и слово — полиаспектное, многозначное понятие. Известно 19 разновидностей тоя, т.е. той — это совокупность (класс) торжеств, празднеств, пиршеств. Из них 16 — специфические, а 3 имеют эквиваленты в русском языке и культуре: *свадьба* (бракосочетание), *серебряная свадьба*, *золотая свадьба*. Одним из эквивалентных понятий является **той** по случаю бракосочетания, создания семьи. Это разновидность казахского **тоя** в целом соответствует понятию русская **свадьба**, хотя имеются серьезные различия, порождающие лингвокультурную интерференцию, которая появляется: 1) в результате сформированности в сознании казахофона двух психообразов понятия свадьбы по случаю бракосочетания джигита и девушки (или мужчины и женщины): а) психообраз 'кыз той, кыз узату той' (свадьба по случаю выдачи замуж дочери); б) психообраз 'келіншек той (келін той)', 'беташар той' (свадьба по случаю женитьбы сына или же свадьба по случаю принятия невесты в дом жениха); 2) в результате сформированности в сознании русофона одного психообраза понятия свадьбы по случаю бракосочетания — общего (целостного) психообраза 'свадьба'.

Итак, психообраз, сформированный в сознании индивида, выросшего в условиях своей родной национальной стихии, является сугубо национальным, хотя в его общем содержании как явления (например, **свадьба** — **той**) обязательно присутствует и общечеловеческий аспект. Национальная культура формирует национальные психообразы, которые являются маркерами национальной культуры.

Национальные психообразы предметов, явлений окружающей нас действительности в сознании человека и константы национальной культуры являются источниками смысловой, а в итоге лингвокультурной интерференции, появляющейся в речи билингва на неродном языке, в его поведении в инокультурных условиях.

Лексикографический аспект этой проблемы, т.е. содержание словарных статей, посвященных разновидностям казахского тоя и русской свадьбе, на наш взгляд, нуждается в серьезных доработках. Это касается как одноязычных толковых словарей, так и двуязычных (переводных) словарей.

© Джусупов М.

Дата поступления: 05.09.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой толковый словарь русского языка [Large defining dictionary of the Russian language] (2002). Санкт-Петербург: изд-во НОРИНТ, Институт лингвистических исследований РАН.
2. Джусупов М. (1991). Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению [Dzhusupov M. Phonetic systems of the Russian and Kazakh languages. Syllable. Interference. Pronunciation teaching]. Ташкент: изд-во Фан.
3. Джусупов М. (2016). Межъязыковое и межкультурное контактирование: понятие, слово, психообраз, интерференция [Dzhusupov M. Interlingual and cross-cultural inter engagement: notion, word, psucoimage, interference] // Филологические науки. Москва, 2016, № 5. С. 22—34.
4. Джусупов М. (2001). Социолингвистический аспект теории психологической фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ [Dzhusupov M. The sociolinguistic aspect of the theory of psychophoneme of I.A. u de Courtenay]. Алматы: Қазақстан жоғары мектебі (Высшая школа Казахстана). С. 62—69.
5. Джусупов Н.М. (2011). Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект): монография [Dzhusupov N.M. The Turkic symbol in the literary text (linguocognitive aspect)]: monografiya]. Астана: Издательство «Сарыарка».
6. Қазақ әдеби тілінің сөздігі (2011) [The Kazakh literary language dictionary]. Т. 14. 689 б.; Т. 15. Алматы.
7. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (1986) [The lexicon-dictionary of the Kazakh language]. В 10 тт. Т. 9. Алматы: Ғылым.
8. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (2008) [The lexicon-dictionary of the Kazakh language]. Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі. Тіл комитеті. Алматы, Дайк-Пресс.
9. Қазақша-орысша сөздік. (2001) [The Kazakh and Russian translation dictionary]. Алматы, МОН РК, Институт языкознания им. А. Бейтұрсынова, ДАЙК-ПРЕСС.
10. Маслова В.А. (2004). Введение в лингвокультурологию [Maslova V.A. Introduction to linguoculturology]. Москва: Академия.
11. Русско-казахский словарь (2007) [The Russian and Kazakh translation dictionary]. В 2-х тт. Алматы, Арыс. 2007. Т. 1. 638 с.; Т. 2.
12. Синячкин В.П. (2010). Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании [Sinyachkin V.P. The psycholinguistic and linguocultural analysis of universal values in the Russian linguistic consciousness]. Москва: изд-во РУДН.
13. Степанов Ю.С. (2004). Константы: Словарь русской культуры [Stepanov Yu.S. Constants: The dictionary of the Russian culture], изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический проект.

УДК: 811.512.122:811.161.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-64-77

VARIETIES OF WEDDING (FESTIVITIES AND CELEBRATIES) IN THE KAZAKH AND RUSSIAN CULTURES

Mahanbet Dzhusupov

Uzbek State University of World Languages
Reshetov str., 5, Tashkent, Uzbekistan, 100133
mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the cultural identity based on the analysis and description of the notions **toi** in the Kazakh language and Russian **wedding**. The content of the dictionary entries of these notions are investigated on the material of explanatory and bilingual dictionaries; differences of their content and structure are revealed. The Kazakh **toi** is totality of festive, banquets, celebrations which are celebrated owing to a change of social status of human. The **toi** owing to marriage is one of the varieties of the Kazakh **toi**, which is equivalent to the notion Russian **wedding**. Other varieties of the Kazakh **toi** (16 from 19) are not found in the Russian language and culture. However, the word **toi** is given as the equivalent of the word **wedding** in the bilingual dictionaries. The inherent content of the Kazakh **toi** in comparison with Russian **wedding** differs with its varieties, customs and rites. The Kazakh **toi** owing to marriage consists of two wedding ceremonies — in bridegroom's house and in bride's house. The cultural identity of the Kazakh **toi** and Russian **wedding** have common features, and at the same time they are substantially different, i.e. there is difference in similarity. These differences are demonstrated in monolingual and bilingual researches and are the causes of linguocultural interferences.

Key words: Kazakh **toi**, varieties, customs, Russian wedding, dictionary entry, similarities, change of social status, cultural identity, interference

УДК: 811.111'373.6

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-78-88

КОММУНИКЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ОЦЕНКИ»: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале английского языка)

В.Ю. Меликян, А.В. Меликян

Южный федеральный университет
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
melikyanv@mail.ru; melikyan.anna@mail.ru

Статья посвящена описанию принципов, механизмов и моделей построения коммуникем со значением «оценки». Исследование выполнено на материале английского языка. Его результаты сопоставляются с теми, которые были ранее получены при изучении единиц данного типа на материале русского языка. При этом выявляются интегральные и дифференциальные характеристики, что делает значимыми результаты исследования не только в аспекте частного (германского), но и общего языкознания.

Коммуникемы представляют собой самостоятельный класс синтаксических фразеологических единиц. Они функционируют во многих языках, в том числе в английском. Коммуникемы чрезвычайно активны в устно-разговорной форме коммуникации в силу своей антропоцентричности, экспрессивности и экономности. Большинство коммуникем производны. Многие их специфические черты детерминированы особенностями производящей основы. Поэтому изучение коммуникем в этимологическом аспекте дает понимание сути их языковой природы и правил речевой реализации. В сфере оценочных коммуникем установлены две основные модели их построения: тема-рематическая (доминирует) и логико-семантическая. В целом в английском языке (как и в русском) коммуникем оценки больше, чем коммуникем утверждения/отрицания. Оценочные коммуникемы в обоих языках проявляют большее (по сравнению с единицами других семантических групп) «безразличие» к характеру грамматического значения своей производящей базы.

Представляется перспективным исследование коммуникем оценки (как и других групп) в когнитивном и психолингвистическом аспектах.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, синтаксическая фразеологическая единица, коммуникема, этимология

ВВЕДЕНИЕ

Синтаксические фразеологические единицы (далее — СФЕ) представляют собой важный ресурс любого языка. Специфика СФЕ заключается в совмещении двух пропозициональных планов (диктумного и модусного), что обуславливает их экспрессивность, функциональный динамизм и высокий уровень антропоцентризма. Они чрезвычайно активны в устно-разговорной форме общения, что делает проблему их изучения всегда актуальной задачей языкознания на любом этапе его развития.

Кроме того, многие характерные черты коммуникемы, создающие ее специфику, обусловлены особенностями той синтаксической конструкции, которая выступает в качестве ее производящей основы. Между коммуникемой и ее производящей основой существуют вполне реальные структурные, семантические, мор-

фологические, синтаксические, функциональные и стилистические связи. Изучение коммуникем в этимологическом аспекте дает понимание их языковой природы и речевой репрезентации.

СФЕ представляют собой явление универсальное [см., например: Melikyan, Melikyan 2015]. Они существуют во многих языках, в том числе английском. Настоящее исследование посвящено описанию одного из классов СФЕ — коммуникем [Меликян 1999: 43] со значением «оценки» в этимологическом аспекте на материале английского языка в сопоставлении с теми результатами, которые были получены нами ранее при изучении единиц данного типа в русском языке.

Коммуникемы — достаточно противоречивый рече-языковой феномен в силу совмещения в себе одновременно нескольких взаимоисключающих тенденций развития и функционирования языка, например, к экономии и избыточности, устойчивости и вариативности, стандартизации и эмоциональности и т.п. [см. работы: Андреевой 2005; Кайгородовой 1999; Киприянова 1968; Колокольцевой 2001; Ляпон 1997; Степаняна 1956; Теньера 1988; Шаронова 1996].

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИКЕМ

Основная часть коммуникем — единицы производные. Они формируются на базе предложений (членимых и нечленимых), репрезентирующих диктумную пропозицию. Коммуникема в сжатой, обобщенной и нерасчлененной форме выражает основную идею производящей синтаксической конструкции.

Процесс «сворачивания» производящего предложения в коммуникему на семантическом уровне основывается на принципе тема-рематиического членения предложения. Коммуникема называет лишь «ключевые» компоненты смысловой структуры производящего предложения, которые относятся к реме высказывания. Коммуникема вербализует исключительно главную, точнее — «новую» информацию, которая формирует ядро коммуникативного смысла высказывания. При этом «известная» информация, соответствующая теме высказывания, подвергается элиминации. В результате происходит обобщение содержания целой пропозиции (диктумной и/или модусной) производящего предложения до общего значения, к примеру, оценки (положительной или негативной). «В результате сокращения устойчивые сочетания слов становятся более выразительными в стилистическом отношении и удобными с точки зрения их использования в динамичном по своему существу разговорном языке» [Шанский 1963: 107].

Как справедливо отмечает А.Н. Васильева, «...тема может вообще опускаться (в разговорном диалоге нередко оперируют сплошными ремами). Вследствие этого ремы, наиболее часто и регулярно употребляемые, приобретают синтаксическую самостоятельность и формируют особую группу эмоционально-экспрессивных фраз...» [Васильева 1976: 223].

Коммуникема отличается от соотносимого с ней производящего предложения (членимого и нечленимого) следующими признаками: 1) логическим — в нечленимом предложении, в отличие от членимого, отсутствует деление на логический субъект и логический предикат, 2) *семантическим* — семантика членимого пред-

ложения относится к содержанию коммуникемы как конкретное к абстрактному; 3) *структурным* — в коммуникеме, как правило, представлены лишь те компоненты структуры предложения, которые раскрывают его рему; 4) *стилистическим* — коммуникема часто отличается от членимого предложения по своей стилистической окрашенности: членимое предложение — единица книжно-литературного языка, коммуникема — разговорного; 5) *выразительностью* — коммуникема благодаря своей нестандартной, аграмматичной, на первый взгляд, свернутой форме, стилистической окрашенности, контактности расположения коммуникантов (что дает возможность непосредственно и моментально выразить свое отношение по поводу предмета речи и собеседника), как правило, более экспрессивна по сравнению с членимым предложением.

Подавляющее большинство английских коммуникем со значением «оценки» являются производными. Они строятся по различным моделям, специфика которых детерминирована особенностями самого языка.

Чаще всего коммуникемы формируются на основе структурной схемы простого полного предложения. Это сближает их с английскими коммуникемами утверждения/отрицания. Однако продуктивность оценочных коммуникем в данном аспекте намного выше, чем вторых.

Доминирование данной модели построения английских коммуникем оценки объясняется, по всей вероятности, аналитичностью самого языка, а также общим «требованием» использовать полноструктурные формы с твердым прямым порядком расположения их компонентов, что, в свою очередь, детерминировано ограниченным количеством средств выражения морфологического значения. Отдельные словоформы английского языка из-за отсутствия разветвленной системы грамматических форм и средств их выражения, а также в результате этого из-за омонимичности ряда морфологических (шире — грамматических) форм не способны формировать самостоятельные коммуникативные единицы и выражать то или иное сигнификативное и коннотативное значение. Грамматическое значение отдельной языковой формы в английском языке зачастую выражается при помощи целого комплекса единиц и средств, в частности порядка слов.

Коммуникемы данной группы могут формироваться с опорой на различные структурно-семантические виды простых предложений. В связи с тем, что рема, как правило, соответствует логическому предикату суждения, чаще всего коммуникемы строятся на основе предиката производящего пропозитивного предложения.

Полисемичные коммуникемы чаще используют с этой целью повествовательные предложения с предикатом в форме изъявительного наклонения:

— *I'll be damned if he isn't stealing most of my thunder, — thought Mason to himself at this point. — He's forestalling most of the things I intended to riddle him with. / — **Будь я проклят**, если он не ворует мои идеи! — подумал при этом Мейсон. — Он перехватил большую часть вопросов, которыми я рассчитывал запутать Гриффитса (Th. Dreiser. An American Tragedy).*

При этом отмечается большее однообразие в плане грамматического значения предиката производящей основы, чем в сфере коммуникем утверждения/отрицания. Здесь преобладает форма настоящего неопределенного времени: *That's*

how it is! / Вот дела-то!, You're not serious! / Ты шутишь?!, You show them! / Ну, ты даешь!, That's a new one on me! / Просто удивительно! и др.

Это обусловлено спецификой данной грамматической формы. Во-первых, она проста и экономична, что полностью соответствует принципам построения коммуникем. Во-вторых, значение оценки, как модусное значение, безразлично к характеру грамматического значения той формы, в которую оно обличено, т.к. находится в нечленимом высказывании в определенной степени вне временных и пространственных характеристик в отличие от диктумного значения в членимом построении. В-третьих, в отличие от русского языка, где значением ирреальности характеризуются формы сослагательного и побудительного наклонения и будущего времени изъявительного наклонения, в английском языке значением ирреальности в некоторой степени обладает также и неопределенная группа времени (в особенности форма настоящего времени). Это связано с простотой выражаемого коммуникативного смысла такими построениями, который сводится лишь к простому называнию, констатации действия или признака, хотя и в увязке с определенным моментом времени. Все же остальные группы времен, кроме вышеназванной функции, выполняют еще и дополнительные коммуникативные задачи, связанные с указанием на длительный характер действия (формы длительной группы времени) или его завершенность к определенному моменту времени (формы завершенной группы времени). Признак неопределенности или ирреальности категориального значения группы времени *Indefinite* (неопределенное) или *Simple* (простое), способствующий более легкому переосмыслению содержания высказывания, подчеркнут уже в самом ее названии.

В сфере неопределенного времени отмечены редкие случаи использования форм прошедшего и будущего времени: *I'll be a Chinaman! / Чёрт меня поберу!, I'll declare to God! / Чёрт меня поберу!, Home was never like this! / Вот это здорово!, I never did! / Ну и ну!* и др.; а также настоящего длительного времени: *Now you are talking! / Вот это дело!, That's showing them! / Вот даем!, You must be joking! / Ты шутишь!*

Чуть менее продуктивны коммуникемы, образованные на базе императивных предложений: *Blow me down! / Провались я пропадом!, Devil take it! / Черт поберу!, God save the mark! / Господи помилуй!, Strike a light! / Разрази меня гром!* и др., например:

— *So, — said he, — here's Jim Hawkins, shiver my timbers!* / — Ага, — сказал он, — никак Джим Гаукинс пожаловал к нам в гости, **черт поберу!** (R. Stevenson. Treasure Island).

Еще менее активны в этом аспекте вопросительные конструкции: *What do you know! / Вот тебе на!, Would you credit it! / Ну и ну!, Are you joking! / Ты шутишь!, Can you beat it! / Можете себе представить!* и др., сравните:

— *Why, Polly! — cried Jemima. — You! what a turn you have given me! Who'd have thought it? Come along in, Polly!* / — Ах, Полли! — воскликнула Джемайма. — Это вы! Ну, и перепугали же вы меня! **Кто бы мог подумать!** *Входите, Полли!* (Ch. Dickens. Dombey and Son).

Среди моносемичных коммуникем с негативной оценкой это соотношение несколько иное. Здесь все три типа предложений (повествовательное, побудительное

и вопросительное) примерно одинаково продуктивны при формировании коммуникемы: *I couldn't care less!* / *Нанлевать!*, *Go to hell!* / *Пошёл к чёрту!*, *What the hell!* / *Что за чёрт!* и под.

Высокая активность побудительных и вопросительных конструкций обусловлена спецификой значения «негативной» оценки коммуникем данной группы. Это связано с тем, что коммуникемы с негативной семантикой («негативной» оценкой или «отрицанием») должны обладать большей воздействующей силой в связи с тем, что они вводят в текст точку зрения говорящего, противоречащую мнению собеседника. Отсюда изменение направления развития темы разговора требует использования более прагматически «сильных» языковых ресурсов. Как известно, побудительные и вопросительные синтаксические конструкции являются прагматически маркированными языковыми единицами.

Среди вопросительных конструкций преобладает специальный вопрос. При этом чаще всего используется вопросительное слово *what* (в отличие от коммуникем утверждения/отрицания, где доминирует слово *why*). Соотношение различных типов вопроса у коммуникем различных семантических групп в английском и русском языках в данном случае почти полностью совпадает.

Коммуникемы с негативной семантикой, строящиеся на основе повествовательных предложений с предикатом в форме изъявительного наклонения, строятся, как правило, на основе предиката в форме неопределенной группы времени, причем в подавляющем большинстве — настоящего времени: *I like that!* / *Вот это мне нравится!*, *I disagree!* / *Ну, знаешь!*, *Orchids to you!* / *Да пошел ты!* и др., сравните:

— *Go to the sick man's chamber...; and woe betide you if you again quit it without my permission.* / — *Отправляйтесь в комнату больного; и, черт вас побери, если вы снова уйдете оттуда без моего разрешения* (W. Scott. Ivanhoe).

Коммуникемы с положительной оценкой отличаются своей малочисленностью по сравнению с другими семантическими группами коммуникем. Это объясняется их высокими потенциями в плане переосмысления и приобретения второго, противоположного, негативного значения, что, в свою очередь, обусловлено стилистической и оценочной нейтральностью лексем, входящих в них, энантиосемией отдельных их лексических компонентов, простотой и экономичностью грамматических форм предиката и т.п.: *There you go!* / *Ну, ты!*, *That's something like!* / *Вот это да!*, *Keep it up!* / *Так держать!*, *God be thanked!* / *Слава богу!*

В сфере оценочных коммуникем, как и среди коммуникем утверждения/отрицания, имеются примеры их образования на основе неполных предложений. Это выступает в качестве своего рода компенсации по отношению к факту преобладания среди коммуникем английского языка единиц, построенных на основе целого предложения (последнее представляется не совсем экономичным и отчасти противоречит принципам построения коммуникем). Например, *Wish you at the bottom of the sea!* / *Чтоб тебе нусто было!*, *Pickles to you!* / *Да пошёл ты!*, *Well, I never!* / *Вот так так!*, *Скажите пожалуйста!*, *I God!* / *Ну и ну!*:

(Mrs. Warren, swooping on the Reverend Samuel): *Why, it's Sam Gardner gone into the Church! Well, I never! Don't you know us, Sam? This is George Crofts, as large as life and twice as natural.* / (Миссис Уоррен, налетая на почтенного Сэмюэля): *Да ведь это Сэм Гарднер! Скажите пожалуйста, пастором стал! Не узнаете нас,*

Сэм? А это Джордж Крофтс собственной персоной, только вдвое толще прежнего (B. Shaw. Mrs. Warren's Profession).

Подобные конструкции, которые воспринимаются в английском языке на фоне остальных в качестве неполных, в большей степени совпадают со спецификой *тема-рематической* модели построения коммуникем, сутью которой является вычленение лишь рематических компонентов членимого высказывания и построение на их основе коммуникемы, а также с функционированием данной модели в русском языке. В последнем примере сказуемое производящей основы коммуникемы не является обязательным компонентом его смысловой структуры для понимания негативной семантики данного высказывания, т.к. представляется неважным, «*слышал ли, видел ли, знал ли*» и т.п. собеседник о подобном факте или нет. В данном случае достаточно наречия *never*, «отрицательная» категориальная семантика которого эксплицирует значение «негативной оценки». В связи с традиционной синтаксической полноструктурностью английского предложения в этой коммуникеме иногда может появляться глагольная лексема, которая в ее производящей основе выполняет роль сказуемого: *Well, I never did!*

Среди оценочных коммуникем данной группы также продуктивны единицы, построенные на основе безличных предложений и включающие в свой состав безличные подлежащие *That* и *It*, а также личные местоимения *I* и *You*: *That's how it is! / Вот дела-то!, That's showing them! / Вот даем!, That's a new one on me! / Просто удивительно!, That's your sort! / Вот это здорово!, That's the talk! / Вот это дело!, It's a fine mess! / Вот так дела!; I declare! / Чёрт меня подери!, I'll swear! / Чёрт меня подери!, You don't say! / Что вы говорите!* и др.

Реже коммуникемы используются для выражения воли третьих лиц и эмоционального отношения к ним (*He, She, They*).

СИНКРЕТИЧНОСТЬ ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИКЕМ

В английском языке, как и в русском, особую трудность представляет собой определение модели построения таких оценочных коммуникем, как *Deuce! / Чёрт!, Nuts! / Ёлку-налки!, Curse! / Проклятье!, Devil! / Дьявол!, Hell's bells! / Ёлку-налки!, Hoptoads! / Вот так так!, Jumping grasshoppers! / Ну и ну!, Lands! / Ёлку-налки!, Bloody hell! / Чёрт!, God's blood! / Кровь Христова!* и др. Подобные выражения образованы либо на основе предиката простого членимого предложения, например: *It's a curse! / Это проклятье!*, либо односоставного назывного предложения, например: *Devil! / Дьявол!*. В некоторых случаях более предпочтительным оказывается первый вариант, например: *Thunder and lightning! / Гром и молния!*; Ср.: *That's thunder and lightning! / Это просто гром и молния!* В других случаях — второй: *Hail Columbia! / Чёрт побери!*; ср.: *Hail Columbia! / Чертova Колумбия!* Слово *hail* (междометие *привет*) употребляется как эвфемизм слова *hell* (*ад*). Словосочетание *Hail Columbia!* (*Привет, Колумбия!*) представляет собой название американской песни. В любом случае оба варианта образования подобных коммуникем соответствуют принципам функционирования *тема-рематической* модели.

Гораздо менее продуктивны в английском языке оценочные коммуникемы, построенные на основе предиката производящего членимого предложения: *Good*

business! /Здорово!, Bully for you! / Здорово!, The cat's pajamas! / Класс!, Horror of horrors! / Тухлый ужас!, The devil's dam! / Чёртова бабушка!, A pretty go! / Вселенская история! и др.: ср.:

— *And what's the lady's name? — says the lawyer. My father was struck all of a heap. — Blessed if I know, — says he.. / — А как зовут леди? — спросил юрист. Отец был огорошен. — Чёрт побери, откуда же я знаю! — воскликнул он...* (Ch. Dickens. Pickwick Papers);

ср. далее:

— *I am blessed if I know.*

Это совпадает с низким уровнем продуктивности данной модели в сфере английских коммуникем утверждения/отрицания, но отличается от русского языка, где эта модель является максимально продуктивной как у коммуникем со значением утверждения/отрицания, так и у коммуникем с семантикой оценки. Данные различия связаны с тем, что порядок взаиморасположения компонентов предложения в английском языке является одним из немногих средств выражения грамматических отношений между ними. Поэтому даже нечленимые предложения стремятся к формальной полноструктурности.

Заметны в системе английского языка также коммуникемы, построенные на основе дополнения простого членимого предложения, например: *Land sakes! / Скажите на милость!, By cock's body! / Боже мой!, In the name of goodness! / Ради бога!* и др.; а также на базе обращения: *Brother! / Ну и ну!, Christ! / Господи!, Great Caesar! / Великий Цезарь!, Mercy! / Боже милостивый!, Heart alive! / Вот так так!, Man! / Вот те на!* и др., что вполне коррелирует с данными русского языка, например:

— *I am not going to take him at once; he is to finish his educational cramming before then, — said Mr. Bounderby. — By the Lord Harry, he'll have enough of it, first and last. / — Я не собираюсь брать его сейчас же; он должен сперва закончить свою школьную зубрежку, — сказал Баундерби. — Чёрт возьми, а ее у него будет достаточно!* (Ch. Dickens. Hard Times);

(Mr. March): *Great Scott! You two haven't the faintest idea of how to conduct a parley.* / (Мистер Марч): *Боже мой! Никто из вас не имеет ни малейшего представления о том, как вести переговоры* (J. Galsworthy. Windows).

Особый этимологический статус имеет коммуникема *By Christ [God, Jesus, Lord, George, Gad, Gosh, Gar, ginger, the devil damn, gum, grab(s), gracious, Jove, Jupiter, the Lord Harry, gravity, heavens, hell...]! / Вот так штука!; Вот те на!; Чёрт возьми!; Нечего сказать!; Силы небесные!*, которая сформирована на основе дополнения простого членимого предложения и является производной от коммуникемы со значением «утверждения, подтверждения»:

— *It's a shame, by Heavens, — said George, — ... to play at fast and loose with a young girl's affections... / — Это позор, честное слово, — говорил Джордж, — играть чувствами молодой девушки...* (W. Thackeray. Vanity Fair);

ср.:

— *I swear by Heavens! / — Я клянусь Небесами!*

Во-первых, необычна модель построения данной коммуникемы: в русском языке она строится на основе предиката и дополнения производящей конструкции,

в английском — предикат опускается и остается одно лишь дополнение. Судя по всему, данная коммуникема прошла несколько этапов своего формирования. На первом этапе она строилась с опорой на глагол-сказуемое и дополнение производящего членимого предложения: *Swear by Christ!*

Таким образом, соответствующая английская коммуникема обладает дополнительным средством для отграничения от производящей конструкции (членимого простого предложения), а именно структурно-семантической неполнотой, лишаящей ее диктумной пропозитивности. Английский эквивалент данной коммуникемы короче, а потому в большей степени соответствует принципам построения подобных речений. Во-вторых, данная коммуникема имеет большое количество вариантов (около пятидесяти), что свидетельствует о высокой продуктивности данной модели. Однако все эти единицы, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве вариантов одной коммуникемы, т.к. все они строятся на основе одного и того же производящего предложения, различающегося лишь формой и содержанием второстепенного члена — дополнения. В английском же языке, судя по всему, данные варианты квалифицируются как самостоятельные языковые единицы, на что указывает характер и порядок их подачи в различных словарях. Формально, возможно, это и верно, т.к. все они в английском языке внешне практически несопоставимы, за исключением предлога *by*, который у них един. Но с этимологических позиций это не так. Тем более формальный критерий не может являться основополагающим, т.к. известны случаи значительной трансформации производящей основы коммуникемы при ее переходе в нечленимое предложение. Например, русская коммуникема *На!* в результате структурных, морфологических и фонетических трансформаций может приобретать следующие варианты: *На-ка!*, *На-ка!*, *На-ко!*, *Нако!*, *Натко!*, *На-тко!*, *Накося!*, *На-кося!*, *Накоси!*, *На-коси!*

В целом же группа коммуникем, построенных по данной модели, в английском языке немногочисленна из-за отсутствия достаточных средств морфологического характера (т.е. из-за его аналитичности) для разграничения подлежащего и дополнения, совпадающих в предложении по форме. В русском языке таких средств больше в силу его синтетичности.

Различие в сфере построения оценочных коммуникем в двух языках заключается в том, что в русском языке имеется некоторое количество коммуникем, построенных на основе обстоятельства производящего членимого предложения, а в английском — на основе дополнения. Последнее объясняется рядом причин, и в частности, несовпадением моделей продуцирования эквивалентных коммуникем. Например, коммуникема *By cock's body!* в русском варианте имела бы вид *Swear by cock's body!* (*Клянись богом!*) и относилась бы к нечленимому высказыванию, построенному по модели неполного предложения.

Кроме того, группа коммуникем, сформированных на основе обращения, в английском языке более многочисленна. Это объясняется наличием табу на слово *бог* в быту у англоязычного коммуникативного сообщества, что подтолкнуло говорящих к языковому «творчеству».

Наряду с *тема-рематической* моделью построения коммуникем в английском языке действует и *логико-семантическая* модель. Ее суть заключается в противопоставлении («столкновении») информации, содержащейся в высказывании, и той, которая содержится а priori в экзистенциальной presupпозиции.

Логико-семантическая модель в английском языке используется достаточно редко для построения коммуникем, например: *Bite the ice!* («укуси лед!») / *Выкуси!* Явная невозможность осуществления предлагаемого действия (прямое значение) в актуальной коммуникативной ситуации указывает на переносное значение данного выражения, а именно на его негативную оценочность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И в английском, и в русском языке коммуникем оценки существенно больше, чем коммуникем утверждения/отрицания, несмотря на то, что именно русский язык признается большинством ученых-лингвистов более эмоциональным (в отличие, к примеру, от английского). Продуктивность английских коммуникем со значением оценки, вероятно, объясняется причинами психологического порядка, которые являются универсальными (интернациональными): человек любит оценивать все, что его окружает, тем самым определяя свое место и свою значимость в объективном мире.

Оценочные построения в обоих языках проявляют большее (по сравнению с единицами других семантических групп) «безразличие» к характеру грамматического значения своей производящей базы, т.к. значение эмотивной оценки, с одной стороны, находится в какой-то степени вне временных рамок, оно не связано с индивидуализацией ситуации, которая, в свою очередь, имеет четко определенное место в пространстве (временном, географическом и т.п.), с другой — всегда имеет четкую привязку к моменту речи и конкретной ситуации общения. Последнее является категориальным свойством оценочных коммуникем любого языка, а потому не требует специальных средств экспликации. Это подтверждается полным отсутствием сложных грамматических форм, используемых при построении оценочных коммуникем. В этой связи представляется перспективным исследование коммуникем оценки (как и других групп) в когнитивном и психолингвистическом аспектах.

© Меликян В.Ю., Меликян А.В.

Дата поступления: 14.07.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева С.В. (2005) Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи [Andreeva S.V. The constructive-syntactic units of the Russian oral speech]. Саратов.
2. Васильева А.Н. (1976) Курс лекций по стилистике русского языка [Vasilyeva A.N. The course of lectures on the Russian language stylistics]. Москва.

3. *Кайгородова И.Н.* (1999) Проблемы синтаксической идиоматики [*Kaygorodova I.N. The problems of syntactic study of idioms*]. Волгоград.
4. *Киприянов В.Ф.* (1968) Нечленимые предложения в современном русском языке [*Kipriyanov V.F. Indivisible sentences in the contemporary Russian language*]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
5. *Колокольцева Т.Н.* (2001) Специфические коммуникативные единицы диалогической речи [*Kolokoltseva T.N. The specific communicative units if the dialogical speech*]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.
6. *Ляпон М.В.* (1997) Слова-предложения [*Lyapon M.V. Words-sentences*] // Русский язык. Энциклопедия. Москва.
7. *Меликян В.Ю.* (1999) К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем [*Melikyan V.Yu. To the problem of grammatical and word-formative paradigm of komunikemes*] // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 43—53.
8. *Melikyan V.Y., Melikyan A.V.* (2015) Fixed phrase schemes with the compulsory component wh-word in the English, Russian and Spanish Languages // Известия ЮФУ. Филологические науки. № 4. С. 132—139. DOI 10.18522/1995-0640-2015-4-132-139.
9. *Степанян И.О.* (1956) Структурно-неоформленные (синтаксически нерасчлененные) предложения в современном русском языке, образованные из междометий, частиц и модальных слов [*Stepanyan I.O. Structurally-unformed (syntactically undivided) sentences in the contemporary Russian language, produced from conjunctions, particles and modal words*]: Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
10. *Теньер Л.* (1988) Основы структурного синтаксиса [*Tenyer L. The basics of structural syntax*]. Москва.
11. *Шанский Н.М.* (1963) Фразеология современного русского языка [*Shansky N.M. Phraseology of the contemporary Russian language*]. Москва.
12. *Шаронов В.Н.* (1996) Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания [*Sharonov V.N. The communicatives as the functional class and the object of lexico-graphical description*] // Русистика сегодня. № 2. Москва.

УДК: 811.111'373.6

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-78-88

COMMUNIKEMES WITH «EVALUATIVE» MEANING: ETYMOLOGICAL ASPECT (based on the english language material)

V.Y. Melikyan, A.V. Melikyan

Southern Federal University
B. Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don, 344006
melikyanv@mail.ru; melikyan.anna@mail.ru

Abstract. The paper is dedicated to the description of principles, mechanisms and models of komunikemes construction with «evaluative» meaning. The research is fulfilled on the basis of the English language. The results correlate with those that were obtained while studying this type of units on the basis of the Russian language. At that, the integral and differential characteristics are identified, which makes the research results significant not only in the aspect of special (Germanic) linguistics but the general linguistics as well.

Communicemes are the separate class of syntactic phraseological units. They function in many languages including English. Communicemes are extremely active in the oral-colloquial communication form due to their anthropocentricity, expressivity and economy. The majority of communicemes are derivative. Many of their specific features are determined by the peculiarities of the productive base. That is why the communicemes research in the etymological aspect provides insight into the essence of their linguistic nature and the rules of speech realization. In the sphere of evaluative communicemes two basic models of their construction are established: the first one is based on the actual division of the sentence (it prevails), and the second one is logical-semantic one. In whole, the amount of evaluative communicemes in the English language is more than the communicemes with the positive/negative meaning. The evaluative communicemes in both languages are more «indifferent» to the character of the grammatical meaning of their productive base (in comparison with other semantic groups units).

The evaluative communicemes study in the cognitive and psycholinguistic aspects (as well as other groups) is rather perspective.

Key words: syntactic phraseology, syntactic phraseological unit, communiceme, etymology

УДК: 811.161.1'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ «СЛОВАРЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА» КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОЦЕНКИ В МИНИАТЮРЕ

Т.В. Маркелова, М.А. Тихонова

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова
ул. Прянишникова, 2А, Москва, Россия, 127550
tvmarkelova@mail.ru

В статье рассматривается словарная статья разрабатываемого «Словаря оценочной лексики русского языка», которая представляет собой комплекс лексикографических параметров, отражающих специфику оценочной семантики различных типов лексических средств выражения оценки. Структура словарной статьи и ее лингвистическое содержание коррелируют с функционально-семантическим полем оценки и подтверждают деление оценочной лексики на три типа оценочных знаков.

Ключевые слова: оценочная лексика, словарь, функционально-семантическое поле оценки, словарная статья, знак-функция, знак-коннотация, знак-прагмема

ВВЕДЕНИЕ

Оценочная деятельность сознания в культуре и дискурсе оказывает большое влияние и воздействие на современное общество, поскольку человек воспринимает себя и все окружающее с точки зрения ценностной значимости. Глобальные изменения ценностей происходят в русской и других лингвокультурах и, несомненно, нуждаются в номинации ради успешной коммуникации, экологичности общения, достойной рефлексии на изменяющийся окружающий мир. В связи с этим лексикографическое описание оценочно маркированной лексики становится особенно актуальным.

Современная классификация лингвистических словарей должна быть дополнена словарем оценочной лексики, что позволяет выделить **аксиографию** (оценочную лексикографию) как отдельную область общей лексикографии.

В основу концепции разработанной модели «Словаря оценочной лексики русского языка» (далее — СОЛ) положен функционально-семантический подход к теории оценки, а также принципы антропоцентризма, когнитивности и функциональности, важнейшие для современного языкознания: «Методология лингвистики обратилась к понятию культуры и цивилизации, к специфике человеческого бытия и его проявлений, что позволило органично вписать знания о языке, да и сам язык в антропологическую философию. Онтогенез и филогенез человека и языка не просто взаимодействуют, но сосуществуют в неразрывном единстве» [Красина, Перфильева 2016: 67].

СПЕЦИФИКА И ЗАДАЧА «СЛОВАРЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Являясь языковым толковым словарем, СОЛ представляет лексикографическую интерпретацию оценочной лексики современного русского языка, демонстрируя ее аксиологическую динамику, функционирование в процессе реализации оценки в речи, отражение и преобразование оценки в процессе коммуникации, что позволяет характеризовать СОЛ как **активный** словарь. Активность и динамический аспект функционально-семантического поля оценки проявляются в неразрывной связи трех важнейших составляющих: когнитивной, эмоциональной и коммуникативной динамики, что репрезентируется в словаре посредством возможно более полной информации о слове и каждом его значении. Аксиологическая природа слова, реализуемая его оценочной функцией, несет в себе огромные коммуникативные потенции, возможности семантического преобразования, продемонстрировать которые в словаре необходимо для использования в различных видах дискурса, в том числе медийного.

Эмоция (восприятие) лежит в основе коммуникации, коммуникация, в свою очередь, нацелена на воздействие, слово вербально побуждает к действию, и это воплощается в символе. Например, динамика лексемы *герой*: эмоция — ‘восхищение’; коммуникативное намерение — ‘одобрение’; символ — ‘очень хорошо’:

*Вадим не помнит своего отца, но он знает, что его папа **герой**, любит его и гордится им* (АиФ, 10.01.2016).

Однако в зависимости от речевой ситуации и условий коммуникативного акта (при ироническом употреблении) данная лексема может выражать отрицательное оценочное значение: эмоция — ‘порицание’; коммуникативное намерение — ‘неодобрение’; символ — ‘плохо’, ср.:

*На прошедшей же неделе на стадионе «Локомотив» нашелся очередной **герой**, который умудрился выбежать на поле, поцеловать одного из футболистов (...) и безнаказанно вернуться на трибуну* (АиФ, 26.10.2015).

Поэтому наблюдение за речевой энантиосемией (антифразисом), возникающей в речевом пространстве, обусловленной контекстом и используемой, как правило, для выражения иронии и сарказма, необходимо ради сохранения понимания. Изменение оценочного значения слова, а также возможность такого изменения должны находить свое отражение в словаре ради успешности коммуникации. Например:

Какая прелесть! Обманул всех, а теперь обижается.

В данном контексте слово *прелесть* изменило свою положительную оценку на отрицательную.

Задачей СОЛ является систематизация оценочной лексики как одного из важнейших средств репрезентации категориальной семантики оценки, отражающей динамическое взаимодействие когнитивного «хорошо — нормально — плохо», эмоционального «удовольствие — удовлетворение — неудовольствие» и коммуникативного «одобрение — безразличие — неодобрение» параметров субъективно-объективного содержания в его семантико-прагматической функции.

В словарь СОЛ включены слова знаменательных частей речи (имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия, слова категории состояния, слова категории оценки), которые составляют ядро оценочной лексики и являются основным средством для выражения коммуникативного намерения ‘одобрения/неодобрения’ (приблизительно 10 тыс. единиц). Они относятся к общеупотребительной лексике современного русского литературного языка, в том числе разговорной, а также к общему жаргону и, в отдельных случаях, к просторечной лексике (за исключением грубопросторечной). Например, знаковое в русской лингвокультуре оценочное слово

БАЛДА́, -ы, м. и ж. *II. Прост. Бран.* Человек, отличающийся бестолковостью. *А вот миссис Смит в исполнении Анджелины Джоли была заподозрена мужем в том, что с помощью восхитительного жаркого из ягненка собирает ... отравить супруга. Вот балда этот мистер Смит!* (АиФ, 29 июня 2012). ≈ ‘Дурак, глупец, болван, дурень, дуралей, дурачина, обалдуй, оболтус, олух, остолоп, недоумок, осёл, идиот, кретин’ ≠ ‘Умник, умница, мудрец’.

СОЛ характеризуется четкой макро- и микроструктурой, лингвистически обоснованным набором лексикографических параметров, обеспечивающих эффективную лексикографическую интерпретацию сложной и многокомпонентной оценочной семантики (субъект, объект, основание оценки и оценочный предикат).

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ «СЛОВАРЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Микроструктура СОЛ имеет комплексный характер. Это дает возможность детально раскрыть семантику оценочных единиц и показать их место в лексической системе с учетом преобразований оценочной семантики, что не представляется возможным при репрезентации оценочной лексики в традиционных толковых словарях. В микроструктуре СОЛ выделяются следующие зоны: Заголовочное слово; Грамматическая информация; Оценочная и стилистическая характеристики слова; Толкование; Иллюстративный материал; Синонимы и антонимы; Гнездовая часть.

Приведем образец словарной статьи СОЛ:

БО́ДРЫЙ, -ая, -ое; бодр, бодрá, бо́дро, бодрý и бо́дры. *II. Одобрит.* Полный сил, деятельности, энергии. *На нашу встречу бодрый, улыбчивый пожилой мужчина принес из своей комнатки самое дорогое и ценное, что у него есть, — медали, ордена и книгу «Солдатские фронтовые будни»* (АиФ, 4 мая 2016). ≈ Жизнерадостный, неунывающий. ≠ Усталый. Δ ↓ *сущ. бо́дрость, ж.*; ↓ *сущ. бодря́к, м. (разг.)* → *сущ. бодрячо́к, м. (разг.)* → *сущ. бодрячо́чек, м. (разг.)*; ↓ *нареч. бо́дро*; ↓ *несов. бодрить* → *несов. бодриться*; → *бодренький (ласк.)*; → *бодрёхонький (ласк.)*; → *бодрёшенький (ласк.)*.

Итак, в словарной статье, так же как и в функционально-семантическом поле оценки, представлено взаимодействие лексического, словообразовательного и синтаксического уровней языка в процессе выражения семантики оценки.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОЦЕНКИ

Категорию оценки можно рассматривать как функционально-семантическое поле (ФСП), реализуемое системой разноуровневых языковых средств (лексических, фразеологических, словообразовательных, синтаксических, интонационных) в их взаимодействии, которые выполняют оценочную функцию и имеют ядро: *Я одобряю фильм; Считаю, что фильм хороший.* и периферию: *Какой фильм! Ну и фильм!* [Маркелова 1995].

Функционально-семантическое поле оценки включает в себя «когнитивное содержание («хорошо/нормально/плохо»)», «коммуникативное содержание («одобрение/безразличие/неодобрение»)», «эмоциональное содержание («приятно/удовлетворительно/неприятно»)» [Маркелова 2013: 48]. Например: *Фильм вызвал интерес — Фильм интересный — Фильм интересует зрителей — Смотреть фильм интересно* (когнитивное содержание — «хорошо», коммуникативное содержание — «одобрение», эмоциональное содержание — «приятно»); *Он трус — Он трусит — Он трусливый — Он проявил трусость — Он ведет себя трусливо* (когнитивное содержание — «плохо», коммуникативное содержание — «неодобрение», эмоциональное содержание — «неприятно») и т.д. Такое понимание ФСП оценки принято в исследованиях Т.В. Маркеловой вслед за функциональной грамматикой А.В. Бондарко: от значения — к функции — к форме [Бондарко 1983], что определяет развитие активной грамматики языка.

Именно в рамках активной грамматики слово испытывает семантические преобразования под влиянием оценочной функции. Слово в условиях современной речевой действительности, в поле медийных текстов с их особой воздействующей силой, возникающей под влиянием адресанта — субъекта оценки, учитывающего различные ее основания, становится динамично коммуникативным и способным не только создавать новые события, но и изменять языковую картину мира адресата. Описанная ситуация отражается в словаре оценочной лексики с помощью системного устройства словарной статьи, аналогичной устройству функционально-семантического поля оценки в русском языке.

В качестве примера приведем словарные статьи СОЛ, содержащие контекстуальные преобразования знаков-коннотаций, реализующих неодобрительную или амбивалентную оценочную семантику внешне «безоценочных» номинаций:

ДЖУ́НГЛИ, -ей. *К. Перен. Неодобр.* О жестоком, опасном и непредсказуемом мире, таком, как густые, труднопроходимые лесные заросли. *Мало создать что-то нужное, надо еще уметь его продать. Рынок — это джунгли* (Огонек, 2002, № 37); (...) *главным героем был Ю.В. Андропов, задумавший (...) провести народ через капиталистические джунгли* (...) (ЛГ, 28 октября 2015).

ФОНТА́Н, -а, м. *К. Перен. Разг. Неодобр. / Одобр.* Неиссякаемый, обильный поток чего-л., подобный струям воды, бьющим под напором. *Мне пришлось «заткнуть фонтан словоизвержения», хотя до сих пор время от времени я жалею об этом* (АиФ, 23 сентября 2015); ... *в самых жутких английских городах, где еще были послевоенные перебои с едой, где еле шевелилась разбомбленная промышленность ... начал бить фонтан музыкальных талантов* (Известия, 23 декабря 2014). ≈ Шквал. Δ ↓ *несов. фонтани́ровать;* → *ср. фонтани́рование.*

Подчеркнем, что в зону преобразований под «оценочным лучом» попадают специальные слова и термины, например:

ДЕВАЛЬВИРОВАТЬ, -рую, -руешь; -анный; *сов. и несов. К. Перен. Неодобр.* Утратить высокое качество, достоинство, значимость. *Подобная гонка за абитуриентами, а значит, и за финансированием, надо, прямо сказать, подчас девальвирует высшее учебное заведение, размывает ценность, престиж, авторитет самого вуза* (Газета.ру, 30 октября 2014). ≈ Обесценивать. Δ ↓ *сущ. девальвация, ж.*; → *сов. и несов. девальвироваться.*

В такой же ситуации находятся знаки-оценки рубля: *турбулентный, волатильный* и др.

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ТРЕХ ТИПОВ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАКОВ В «СЛОВАРЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

В СОЛ оценочная лексика дифференцирована в соответствии с функциональной типологией оценочного значения: знаки-функции (**Ф.**): *хороший, плохой*; знаки-коннотации (**К.**): *сказка, осёл*; знаки-прагмемы (**П.**): *балалут, гений* [Маркелова 2013: 49].

Три типа оценочных знаков как лексикографический параметр обуславливают специфику словарных толкований оценочных значений. У знаков-функций базовые оценочные семы '*хороший/плохой*' являются основными в понятийном объеме лексического значения, поэтому они, наряду с интенсификаторами '*очень, сильно, крайне, необычайно*' и др., должны быть представлены в толковании. Например: *замечательный* — '*необычайно хороший, обладающий исключительными положительными качествами*'.

Знаки-коннотации выражают оценку посредством метафорических переносных значений, которые основываются на сигнификативном аспекте значения слова, являющемся словарной базой семантических ассоциаций; такие ассоциативные семы по возможности должны быть включены в словарные толкования. Например: *холодный* — *перен.* '*равнодушный, бесстрастный, как бы имеющий низкую температуру*'.

У знаков-прагмем в лексических значениях содержится свернутое оценочное суждение «субъект — объект — оценочный предикат — основание оценки», компоненты которого следует отражать в толкованиях. Например: *балда* — '*человек, отличающийся бестолковостью*' [см. также Тихонова 2015а].

ОТРАЖЕНИЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ТРЕХ ТИПОВ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАКОВ В «СЛОВАРЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Впервые в лексикографической практике СОЛ наглядно демонстрирует соотнесенность парадигматического аспекта лексического значения с каждым типом лексических средств выражения оценки. Знаки-функции, знаки-коннотации и знаки-прагмемы отличаются парадигматическими особенностями на лексическом уровне. У знаков-функций, чаще всего, большая парадигматическая зона (сино-

нимы, антонимы), например, *хороший Ф.* (к 1 знач.) ≈ ‘неплохой, недурной, славный, стоящий, важный, важнецкий’ ≠ ‘дурной, нехороший, плохой, худой’; у знаков-коннотаций она, как правило, минимальна, например, *акула К.* ≈ ‘хищник, воротила’, или она вообще отсутствует, например, *ангажировать, джунгли* и др. Знаки-прагмемы характеризуются сложностью парадигматической зоны, выражая наиболее тесную взаимосвязь всех уровней языка в структуре ФСП оценки и являясь важнейшим звеном вертикальной парадигматической системы, например, *скупой П.* ≈ ‘жадный, прижимистый, скарредный, сквалыжный, зажимистый’ ≠ ‘щедрый’.

ОТРАЖЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТРЕХ ТИПОВ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАКОВ В «СЛОВАРЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

СОЛ впервые демонстрирует словообразовательные особенности каждого из трех типов знаков лексических средств выражения оценки. Словарная статья СОЛ имеет словообразовательную зону — частичное гнездо, в которое включаются производные заголовочного слова, относящиеся к словообразовательной транспозиции (обозначена вертикальной стрелкой) и словообразовательной модификации (обозначена горизонтальной стрелкой) в функционально-семантическом поле оценки.

Под словообразовательной транспозицией понимается процесс, при котором производное слово не приобретает новое лексическое значение, а только изменяет свою частеречную принадлежность, ср.: *безалаберный* → *безалаберно* → *безалаберность*, организуя, таким образом, синтаксическую парадигму оценочных высказываний в ФСП оценки: *Он безалаберный* — *Опаздывать* — *безалаберно* — *Подросткам свойственна безалаберность*.

Словообразовательная модификация наблюдается при словообразовании внутри одной части речи с изменением значения производного слова: *дурак* → *дурачок* [Кубрякова 1980]. Словообразовательная транспозиция непосредственно связана с грамматикой, так как дает возможность выбора части речи при построении высказывания, например: *Он лжёт, Он лгун, Он лживый*. Словообразовательная модификация позволяет менять интенсивность семантики высказывания, ср.: *Он лгун, Он лгунишка, Он лгунице*.

В зависимости от типа оценочного знака количество таких функциональных производных варьируется. Наибольшее количество дериватов, представляющих собой как словообразовательную транспозицию, так и словообразовательную модификацию, зафиксировано у знаков-прагмем, например: *дурак* ↓ *дурацкий* ↓ *дураковатый* ↓ *дурашливый* ↓ *дурачить* ↓ *дурачиться* — словообразовательная транспозиция; *дурак* → *дурачок* → *дурачина* → *дурачище* → *дурачье* → *дурашка* — словообразовательная модификация.

Знаки-коннотации имеют менее развитое частичное словообразовательное гнездо, при этом у них в равной мере представлены словообразовательная транспозиция и словообразовательная модификация, например: *холодный* ↓ *холодно* ↓

холодность ↓ *охладеть* ↓ *охладить* ↓ *расхолодить* — словообразовательная транспозиция; *холодный* → *холодоватый* → *прехолодный* — словообразовательная модификация.

Знаки-функции характеризуются меньшим количеством дериватов того и другого типов, сравните: *приятный* ↓ *приятно* ↓ *приятность* — словообразовательная транспозиция; *приятный* → *приятенький* — словообразовательная модификация.

Частичное словообразовательное гнездо демонстрирует формально-семантические связи между производящими и производными оценочными единицами, характеризует оценочный потенциал заголовочного слова, подтверждая тезис, что словообразование является одним из важнейших ядерных средств лингвоаксиологии, реализующих парадигматическое (транспозиция) и синтагматическое (модификация) устройство ФСП оценки [см. также Тихонова 2015б]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Словарная статья СОЛ включает в себя представление аспектов парадигматики (место оценочного значения в синонимической и антонимической парадигмах), деривации (оценочный потенциал заголовочного слова в словообразовательной транспозиции и модификации), синтагматики (сочетаемость оценочного слова и его употребление в характерных контекстах) и прагматики (воздействие адресанта на адресата). При этом она способна демонстрировать оценочное преобразование слов, отражая богатейший прагматический потенциал лексического запаса языка. Словарное представление оценочного потенциала слова снижает внешнюю агрессию речи, лингвистический цинизм, неэкологичную экспрессию, но внутренний «оценочный посыл» слова в речи при этом остается интенсивным. Впервые фиксация этих особенностей в СОЛ репрезентирует систему оценочной лексики русского языка и подтверждает актуальность ее деления на три типа знаков лексических средств выражения оценки.

Лингвистический материал, отраженный в словарных статьях СОЛ, демонстрирует различия словарных толкований знаков-функций, знаков-коннотаций и знаков-прагмем, их парадигматические особенности на лексическом уровне и специфику развития ими оценочных значений на словообразовательном и грамматическом уровнях языка.

Таким образом, структура словарной статьи «Словаря оценочной лексики русского языка» многоаспектна как сама категория оценки, и представляет собой функционально-семантическое поле оценки в миниатюре.

© Маркелова Т.В., Тихонова М.А.
Дата поступления: 25.05.2016
Дата принятия к печати: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бондарко А.В.* (1983). Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [*Bondarko A.V. Principles of functional grammar and aspectology issues*]. Л.: Наука.

2. Красина Е.А., Перфильева Н.В. (2016). Основы филологии: лингвистические парадигмы [Krasina E.A., Perfilieva N.V. [Philology background: Linguistic paradigms]. М.: Флинта: Наука. 2-е изд. стереот.
3. Кубрякова Е.С. (1980). Семантика производного слова [Kubryakova E.S. Semantics of word derivation] // Аспекты семантических исследований. М.: Наука.
4. Маркелова Т.В. (1995). Семантика и прагматика средств выражения оценки [Markelova T.V. Semantics and pragmatics of language means to express evaluation] // Филологические науки. № 3.
5. Маркелова Т.В. (2013). Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Markelova T.V. Pragmatics and semantics of language means to express evaluation in Russian language]. М.: МГУП им. И. Федорова.
6. Тихонова М.А. (2015а). «Словарь оценочной лексики русского языка» как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики [Tikhonova M.A. «Russian Language Evaluation Vocabulary Dictionary» as a means to interpret axiological lexicographic semantics] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 3.
7. Тихонова М.А. (2015б). Деривационный компонент в «Словаре оценочной лексики русского языка» [Tikhonova M.A. Derivational component in the «Russian Language Evaluation Vocabulary Dictionary»] // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. № 6.

УДК: 811.161.1'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96

DICTIONARY ENTRY OF THE «RUSSIAN LANGUAGE EVALUATION DICTIONARY» AS A FUNCTIONAL-SEMANTIC EVALUATION FIELD IN MINIATURE

T.V. Markelova, M.A. Tikhonova

Moscow State University of Printing Art n.a. I. Fedorov
Pryanishnikova str., 2A, Moscow, Russia, 127550
tvmarkelova@mail.ru

Abstract. The article considers the dictionary entry of «The Russian Language Evaluation Vocabulary Dictionary» (under design), which presents a complex of lexicographical parameters, representing the specifics of evaluation semantics of different types of lexical means of expressing evaluation. The structure of dictionary entry and it's linguistic content correlated with a functional-semantic evaluation field and confirm division of evaluation vocabulary by three types of evaluation signs.

Key words: evaluation vocabulary, dictionary, functional-semantic evaluation field, dictionary entry, sign-function, sign-connotation, sign-pragmeme

УДК: 81'276.6:81'37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-97-105

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОХВАЛЫ И ОДОБРЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

З.К. Темиргазина, М.С. Бачурка

Павлодарский государственный педагогический институт
ул. Мира, 60, Павлодар, Казахстан, 140000
zifakakbaevna@mail.ru

В статье исследуются наиболее распространенные в русскоязычном педагогическом дискурсе положительно-оценочные речевые акты — похвала и одобрение. Рассмотрены сходство и различие похвалы и одобрения с прагматической, пропозициональной точек зрения; одобрение имеет в своей пропозициональной структуре такой компонент, как аргумент оценки, отсутствующий в структуре высказывания похвалы. Эти два речевых акта различаются по параметрам интенсивности/неинтенсивности, эмоциональности/неэмоциональности, объективности/субъективности. Выявлены гомогенные и гетерогенные в интенциональном отношении высказывания похвалы и одобрения, гетерогенные речевые акты похвалы осложняются дополнительными интенциями рекомендации, совета, наказания, критики. В работе определены основные языковые особенности репрезентации анализируемых речевых актов. Прямые речевые акты похвалы и одобрения выражаются общеоценочными и частнооценочными предикатами интеллектуального, этического характера. Похвала и одобрение могут иметь перформативное выражение с помощью глаголов «хвалить», «одобрить». Высказывания похвалы, одобрения также имеют краткую и развернутую форму. Они анализируются в статье и с точки зрения маркированности невербальными средствами: похвала относится к невербально маркированным речевым актам, одобрение — к вербально маркированным.

Ключевые слова: речевой акт, позитивно-оценочный речевой акт, педагогический дискурс, похвала, одобрение, интенция, общая оценка, частная оценка

ВВЕДЕНИЕ

К наиболее частотным положительно-оценочным речевым актам (далее — РА) в педагогическом дискурсе относятся похвала и одобрение. Речевой акт похвалы является и наиболее изученным из положительно-оценочных РА в отечественной лингвистике, его исследовали как отдельный объект [Дьячкова 1999; Ключко 2003] и в сопоставлении с другими оценочными речевыми актами [Леонтьев 1999; Петелина 1985; Волынкина 2009]. В то же время РА одобрения практически не изучались с прагматической точки зрения. Н.А. Бигунова пишет: «Насколько нам известно, до настоящего времени не проводилось комплексного прагмалингвистического описания одобрения как речевого акта» [Бигунова URL: <http://slavutajournal.com.ua/archiv-nomeriv/slavuta-vipusk-7-2013/azykovye-osobennosti-recheyx-aktov-odobreniya-i-roxvaly-v-angloyazychnom-xudozhestvennom-diskurse>]. Можно назвать только работы Е.В. Ярошевич, в которой рассматривались синтактико-стилистические характеристики конструкций одобрения в сравнении с конструкциями поощрения [Ярошевич 2002; Ярошевич 2003]. Подобное невнимание исследователей к ком-

муникативному феномену одобрения обусловлено, на наш взгляд, его значительным формально-структурным сходством с похвалой, что вело к их неразличению и описанию как единого явления. Так, А.А. Романов [Романов, Ходырев 2002: 179], Е.С. Петелина [Петелина 1985] отождествляли речевые акты похвалы и одобрения.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ОДОБРЕНИЯ

В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения Н.Н. Горяиновой, которая определяет их как различающиеся в прагматическом плане высказывания [Горяинова 2010: 8]. Похвала — «вербальный положительный отзыв о ком-либо или чем-либо, основанный на оценке определенных качеств (физических, функциональных, профессиональных и т.д.) объекта похвалы, который может быть как адекватным, так и преувеличенным, а также быть направленным на самого себя». Одобрение — «это выраженное в вербальной форме признание хорошим, правильным, допустимым какого-либо действия объекта одобрения согласно нормам, установленным в данном обществе или собственным убеждениям говорящего» [Горяинова 2010: 8].

Опираясь на анализ речевого материала, мы считаем необходимым уточнить точку зрения Н.Н. Горяиновой следующим образом: различие между этими двумя коммуникативными явлениями относительно предмета оценки не столь принципиально; предметом похвалы могут быть качества и действия, а предметом одобрения — только действия. Можно похвалить (но не одобрить) девушку за красоту, данную ей от природы: *Какая вы красавица! У вас такие красивые глаза! У тебя такая стройная фигурка!* Одобрить можно только те усилия, которые девушка приложила, чтобы стать красивой или еще красивее: *Такая стройняшка! Молодец! Столько времени в тренажерном проводишь — и вот результат* (разг.). С нашими выводами согласуется и мнение И.В. Бессоновой, которая полагает, что одобренными могут быть качества, «которые зависят от сознания, воли, желаний личности» [Бессонова 2003: 9], а природные данные собеседника (рост, вес и т.д.) не подлежат одобрению. Н.А. Бигунова пишет следующее о специфике адресата и объекта оценки в высказывании одобрения: «Речевой акт одобрения формулируется преимущественно в рамках реагирующего коммуникативного хода. Его адресатом всегда является собеседник, который, однако, никогда не выступает объектом оценки. Объектами одобрения являются неодушевленные предметы, идеи и явления» [Бигунова URL: <http://vestnik.rsu.edu.ru/2013>].

Прагмалингвистический анализ собранного нами материала показал, что различия между этими двумя речевыми актами лежат в другой плоскости — в таких параметрах положительной оценки, как рациональность/эмоциональность, объективность/субъективность, интенсивность/неинтенсивность. Похвала в повседневной коммуникации отличается большей эмоциональностью, субъективностью и интенсивностью по сравнению с одобрением, которое характеризуется рациональностью, стремлением к объективности и не подвергается интенсификации. Следовательно, в РА одобрения, во-первых, практически всегда присутствуют логически осмысленные говорящим аргументы в пользу положительной оценки, во-вторых,

четко обозначается объект оценки, в-третьих, одобрение не характеризуется по степени интенсивности: нельзя *сильно/очень/слегка одобрить*, зато *хвалят и сильно, и слегка, и очень, и слишком* или *чересчур* и т.д. См. также существование в русском языке глагола *расхвалить/расхваливать* со значением интенсивности действия.

Субъективный характер похвалы определяется особым типом субъекта оценки — это единичный, индивидуальный субъект, отдельная личность, способная проявлять эмоции, не аргументируя оценку, выражать ее с большей или меньшей степенью интенсивности. Субъектом оценки в РА одобрения может быть, помимо единичного, групповой обобщенный и даже обезличенный субъект (класс, коллектив, руководство, общество; банк, школа, министерство).

Именно в силу своей рациональности (неэмоциональности), объективности, логичности, аргументированности одобрение как речевой акт активно функционирует в официально-деловой сфере, так, например, какой-либо проект, бизнес-план должен получить одобрение экспертов, а не похвалу; кредит в банке также должен быть одобрен, а не расхвален; руководитель налагает на документах резолюцию «одобрить», а не «похвалить».

Таким образом, с пропозициональной точки зрения похвала включает в свою структуру следующие компоненты: «субъект оценки — предмет оценивания — оценочный предикат — адресат оценки»; одобрение обязательно включает еще и аргумент: «субъект оценки — предмет оценивания — аргумент — оценочный предикат — адресат оценки». То есть в пропозициональной структуре похвалы как оценки эмоционального типа отсутствует элемент «аргумент», в свою очередь являющийся обязательным для РА одобрения как оценки рационального типа.

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОХВАЛЫ И ОДОБРЕНИЯ ГОМОГЕННОГО И ГЕТЕРОГЕННОГО ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО ТИПА

В нашей работе объектом исследования выступает речевая деятельность учителя, осуществляемая в определенных коммуникативных условиях, которые диктуются основным форматом профессиональной педагогической деятельности — уроком. Мы изучаем речь учителя непосредственно на уроке, либо перед самым уроком, либо сразу после него. Конечно же, выбор таких параметров коммуникативной ситуации влияет и на прагматическое своеобразие функционирования оценочных речевых актов, как мы и убедимся дальше.

Использование РА похвалы в педагогическом дискурсе имеет свою специфику, продиктованную задачами и особенностями этого типа дискурса. Эта специфика чаще всего касается интенциональной стороны, которая в силу педагогической направленности дискурса осложняется дополнительными коммуникативными задачами. Иначе говоря, если иллокутивную функцию похвалы можно сформулировать как «положительная оценка качеств объекта похвалы», то в педагогическом общении эта функция осложняется стимулирующей, воспитывающей целью, например, похвалить и «поставить в пример другим»; похвалить, чтобы ученик старался и дальше; похвалить за одно, чтобы смягчить критику за другое («компенсирующий» тип похвалы) и т.п.

Таким образом, речевой акт похвалы может иметь однородный, или гомогенный в интенциональном отношении характер, и неоднородный, гетерогенный, когда в нем основная функция похвалы осложняется дополнительными иллокутивными значениями. Гомогенный, или «чистый» речевой акт похвалы, в педагогическом дискурсе встречается достаточно часто — 57% от отобранного нами количества РА похвалы; гетерогенный РА похвалы составляет 43%. Н.А. Бигунова также отмечает характерную для РА похвалы тенденцию к сочетаемости с другими: «Наибольшей активностью в плане комбинаторности с другими речевыми актами характеризуется речевой акт похвалы, поскольку похвала является тактикой, реализующей большой спектр стратегических задач говорящего» [Бигунова URL: <http://vestnik.rsu.edu.ru/2013>].

Рассмотрим гетерогенные в интенциональном плане положительно-оценочные РА:

(1) *Серезжа сегодня как картинка, аккуратный, подтянутый, беленькая рубашка. Всем бы мальчикам вот так ходить!* (разг.). В этом примере похвала сопровождается дополнительной интенцией назидания-рекомендации другим ученикам. Несомненно, что любая похвала в педагогическом дискурсе носит воспитательно-назидательный характер, но мы говорим о тех случаях, когда дополнительная интенция выражена вербально (*Всем бы мальчикам вот так ходить!*).

(2) *У Алины очень неплохо получилась лабораторная, осталось только немножко подучить формулы окисления* (разг.); здесь интенция похвалы осложняется дополнительным значением рекомендации подучить материал.

(3) *У тебя такая грамотная правильная речь, Ангелина. Наверное, много читаешь. Тебе надо выступить на дебатах* (разг.) — похвала сопровождается советом.

В приведенных выше примерах 2, 3 оценка носит интеллектуальный характер, выраженный в общеоценочных (*неплохо*) и частнооценочных словах и идиомах (*грамотная правильная речь*). Но в речевом акте 1 похвала содержит эстетическую оценку внешнего вида ученика, репрезентантами ее выступают оценочно-эстетические предикаты *как картинка, аккуратный, подтянутый*. Отметим, что в силу специфической воспитательной ориентации педагогического дискурса как институционального типа даже эстетическая оценка в нем осложняется нравственными интенциями. Таким образом, оценка приобретает этически-эстетический характер.

Своеобразным подтипом интенционально осложненного РА похвалы выступает «компенсирующая» похвала, в которой учитель обычно старается похвалой подбодрить ученика, потерпевшего в чем-то неудачу, указывая на его сильные стороны. В таких высказываниях нередко употребляется союз *зато* с возмездительным значением.

Например (учитель расстроенной ученице, получившей неудовлетворительную оценку): *Ну и что, что грамматическое задание двойка, зато у тебя ни одной орфографической ошибки в диктанте. А он очень сложный был* (разг.); *Настя, ты топик сдала на тройку. Ничего страшного, пересдашь. Зато у тебя произношение великолепное — чисто британское* (разг.).

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РА ПОХВАЛЫ И ОДОБРЕНИЯ

Речевой акт похвалы с аксиологической точки зрения может содержать как общеоценочные, так и частнооценочные предикаты. Специфика интеллектуальной деятельности, которой занимаются учащиеся и которую должен оценивать педагог, обуславливает частотность интеллектуальной разновидности частной оценки в речевой деятельности учителя. Следующей по частотности в педагогическом дискурсе является этическая оценка, содержащая квалификацию поведения, поступков, действий ученика с точки зрения соответствия общепринятым нормам морали и этики. Более того, общеоценочные предикаты также сужают свое значение до частнооценочного — интеллектуального или — реже — этического.

Так, в речи учителя в ходе урока часто используются краткие неразвернутые речевые акты похвалы:

1) содержащие общеоценочные предикаты, семантически суженные в консти-туации до частнооценочных интеллектуальных, например: *Молодец! Молодчина! Хорошо! Блестяще! Замечательно! Отлично! Верно! Неплохо! Правильно!* и т.п.;

2) содержащие предикаты интеллектуальной оценки деятельности учащегося: *Умница! Умничка! Толково! Глубоко! Выразительно! Оригинально! Своеобразно!*

Учителя часто выбирают краткую форму похвалы в силу необходимости эконо-мить время на уроке, тем более что коммуникативные обстоятельства урока и совместной деятельности позволяют всем участникам коммуникации однозначно интерпретировать причину, мотивы похвалы, определить адресата оценки и ее предмет.

О.Б. Сиротинина считает, что частотность кратких форм оценочных высказы-ваний объясняется тем, что учитель выступает в школе официальным лицом, ограниченным в проявлении эмоций, а также лексической бедностью речи педа-гога, особенно в выражении похвалы. Самой распространенной похвалой является «Молодец!», затем «Умница!» и «Хорошо!» [Сиротинина 1996].

РА похвалы может иметь более развернутую, многословную форму, в которой детализируется оценочный предикат или уточняется предмет оценки: *Какая моло-дец, Таня! Так хорошо выступила* (разг.); *У тебя такая грамотная правильная речь, Ангелина. Наверное, много читаешь* (разг.); *Какой глубокий, содержатель-ный реферат сделала Аня. Прямо на вузовском уровне* (разг.).

В речевом акте похвалы могут функционировать интенсификаторы, выражен-ные лексическими средствами (наречиями, прилагательными — *очень, совершен-но, чрезвычайно, большой*) или синтаксическими конструкциями: ***Очень толково! Совершенно верно! Большая умница! Как глубоко! Какой молодец!***

К самым распространенным синтаксическим средствам выражения одобре-ния и похвалы в русском языке относятся восклицательные предложения, постро-енные по моделям [какой + оценочное Adj + Substantiv], [какой + оценочное Substantiv], [как + Adv].

Как мы убедились, высказывания похвалы и одобрения имеют прямой способ выражения с помощью различных лексико-фразеологических, морфологических и синтаксических средств.

К РА похвалы примыкает и такая разновидность косвенных речевых актов, как ироническая похвала, формально напоминающая похвалу по использованным в ней оценочным предикатам, но имплицатуры, выводимые из нее, имеют негативный неодобрительный аксиологический знак: (учитель, глядя на разрисованную женскими фигурами тетрадь ученика) *Похвальное усердие!* (разг.); *Молодец! Садись — два* (разг.); (учительница ученице с татуировкой на руке) *Ничего не скажешь, креативно!* (разг.).

Оценочное высказывание может содержать не только общую оценку, как во всех приведенных выше примерах, но и сравнительную оценку. Она выражается формами простой и сложной сравнительной степени оценочных предикатов — прилагательных, наречий или слов категории состояния в русском языке: *Ну вот видишь, Иваницкий, сегодня у тебя с домашним заданием гораздо лучше* (разг.); *Этот способ решения задачи, Арман, конечно, поинтереснее того, что ты показывал в прошлый раз* (разг.).

В качестве объектов сравнительной оценки выступают результаты деятельности учащегося, действия, поведение в разные отрезки времени, обычно в прошлом и сейчас, на уроке. Педагогическая этика не позволяет сравнивать результаты учебной деятельности, поведение и действия разных учеников, поэтому этически недопустимыми выглядят высказывания, зафиксированные в собранном нами материале, хоть и в небольшом количестве: *В твоём сочинении, Лаура, меньше стилистических ошибок, чем у Сабины* (разг.).

Е.В. Ярошевич определила семантическое содержание понятия одобрения как «такое отношение к предмету речи, которое показывает, что говорящий признает одобряемый поступок хорошим, правильным» [Ярошевич 2003: 31]. Выше мы уже упоминали о том, что в силу своей рациональности и тяготения к объективности одобрение обязательно включает в свою пропозициональную структуру такой компонент, как аргумент, в котором говорящим обосновывается положительная оценка.

Таким образом, если речевой акт содержит, кроме собственно оценочного выражения, аргументы, обосновывающие положительную оценку, то в нем реализуется иллюкутивная функция одобрения. См., например: *Семенова подробно рассказала о восстании Спартака, да еще и интересный дополнительный материал привлекла. Ну что скажешь, умница девочка!* (разг.); *Посмотрите, какую диаграмму выстроил Дима. Все наглядно и предстало перед нами. Очень оригинально, Дима!* (разг.); *Самый глубокий анализ образа Печорина у Кристины. Видно, что потрудились дома на славу* (разг.); *Нариман занял на городской олимпиаде первое место, защитил честь школы. У тебя талант к химии, может, из тебя Менделеев получится* (разг.).

Оба рассматриваемых нами позитивно-оценочных РА могут иметь перформативное выражение с помощью глаголов *хвалить* и *одобрить*: *Хвалю за такое усердие! Одобряю этот вариант решения: просто и точно* (разг.).

Речевой акт одобрения в русской коммуникативной культуре, в отличие от РА похвалы, относится к невербально маркированным, т.е. может осуществляться не-

вербальными средствами — кивком, мимикой, жестами: учитель может *одобрительно кивнуть/покачать головой, одобрительно улыбнуться, с одобрением взглянуть*. См. невозможность невербального проявления похвалы: **учитель с похвалой улыбнулся / *похвально качнул головой. С похвалой можно только отозваться о ком-либо, сказать/говорить что-либо о ком-либо*, т.е. осуществить вербальное действие.

Как правило, ученики принимают точку зрения учителя как должное, редко в ней сомневаются. Именно поэтому педагог, используя оценочные речевые акты, всегда должен предвидеть их перлокутивное воздействие на антиципационном уровне, «предвосхищать ход событий, собственных действий и поступков окружающих, строить деятельность на основании адекватного вероятностного прогноза» [Психологический словарь 1990]. Использование учителем позитивно-оценочных РА похвалы, одобрения в речевой ситуации урока обычно не вызывает у учащихся вербально оформленной ответной реакции (благодарности, согласия/несогласия с положительной оценкой, возражения и т.п.), т.е. перлокутивный эффект локализуется в его внутреннем эмоциональном мире — радость от похвалы, гордость, смущение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итоги исследования функционирования позитивно-оценочных речевых актов похвалы и одобрения в коммуникативной ситуации урока, мы можем отметить следующее:

- наиболее распространенным в педагогическом дискурсе позитивно-оценочным РА является похвала учителя, причем ее краткая, неразвернутая форма;
- речевые акты похвалы и одобрения практически всегда носят прямой характер выражения, за исключением иронической похвалы и одобрения;
- похвала и одобрение в педагогическом дискурсе могут иметь в интенциональном отношении гомогенный и гетерогенный характер, когда они осложняются дополнительными интенциями совета, рекомендации, критики, продиктованными воспитательной направленностью дискурса;
- использование учителем РА похвалы, одобрения в речевой ситуации урока не предполагает вербально оформленной ответной реакции ученика, т.е. перлокутивный эффект носит невербальный ментальный характер.

© Темиргазина З.К., Бачурка М.С.
Дата поступления: 05.10.2016.
Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бессонова И.В. (2003). Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. [Bessonova I.V. Speech acts of praise and punishment of the interlocutor in the dialogue discourse of modern German language]. Тамбов.

2. *Бигунова Н.А.* (2013). Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) [*Bigunova N.A. Integration of positive evaluative speech acts in the structure of dialogical discourse (on the material of modern English language)*] // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. № 4 (41). // URL: <http://vestnik.rsu.edu.ru/2013> (21.07.2016).
3. *Бигунова Н.А.* Языковые особенности речевых актов одобрения и похвалы в англоязычном художественном дискурсе [*Bigunova N.A. Language features of speech acts of approval and praise in the English-speaking art discourse*] // URL: <http://slavutajournal.com.ua/archiv-nomeriv/slavuta-vipusk-7-2013/yazykovye-osobennosti-rechevyyh-aktov-odobreniya-i-poxvaly-v-angloyazychnom-xudozhestvennom-diskurse> (21.07.2016).
4. *Волынкина С.В.* (2009). Речевые жанры похвалы и комплимента в бытовой сфере общения и коммуникативной среде телевизионного ТОК-ШОУ: Дис. ... канд. филол. наук [*Volynkina S.V. Speech genres of praise and compliments in everyday communication and media communication of talk shows*]. Красноярск.
5. *Горяинова Н.Н.* (2010). Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук [*Gorjainova N.N. Strategy and tactics of speech behavior applying statements of praise and approval*]. Ставрополь.
6. *Дьячкова И.Г.* (1998). Похвала и порицание как речевые жанры [*D'jachkova I.G. Praise and punishment as speech acts*] // Вестник Омского университета. Вып. 3. 1998. С. 55—58.
7. *Дьячкова И.Г.* (1999). Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах похвалы и порицания [*D'jachkova I.G. Ways of expressing intentional meaning of the utterance in speech genres of praise and punishment*]. Омск.
8. *Ключко Л.И.* (2003). Высказывания похвалы в коммуникативно-деятельностной парадигме общения (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [*Klochko L.I. Statements of the praise in the paradigm of communicative activity of the communication (on a material of English language)*]. Сумы.
9. *Леонтьев В.В.* «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 26 с.
10. *Петелина Е.С.* (1985). Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести [*Petelina E.S. Some peculiarities of speech acts of praise and flattery*] // Синтагматический аспект коммуникативной семантики: сб. науч. тр. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского ун-та. С. 150—154.
11. Психологический словарь (1990) [*Psychological dictionary*] / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Политиздат.
12. *Романов А.А., Ходырев А.А.* (2002). Управленческая риторика и культура речи: Правильно, красиво, убедительно [*Romanov A.A., Hodyrev A.A. Managerial Rhetoric and culture of speech: Right, pretty convincingly*]. Тверь: ТГСХА.
13. *Сиротинина О.Б.* (1996). Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. Пособие для учителя [*Cirotinina O.B. What and why the teacher needs to know about Russian colloquial speech*]. Москва: Просвещение.
14. *Ярошевич Е.В.* (2002). Функциональные особенности оценочных высказываний в английском языке [*Jaroshevich E.V. Functional peculiarities of evaluative statements in English Language*] // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития. Ч. 1. Москва. С. 449—451.
15. *Ярошевич Е.В.* (2003). Конструкции одобрения и поощрения в стилистико-синтаксическом аспекте: (на материале современного английского языка). Дисс. ... канд. филол. наук [*Jaroshevich E.V. Functional peculiarities of evaluative statements in English Language*]. Москва: МПГУ.

УДК: 81'276.6:81'37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-97-105

SPEECH ACTS OF PRAISE AND APPROVAL IN THE PEDAGOGICAL DISCOURSE

Z.K. Temirgazina, M.S. Bachurka

Pavlodar State Pedagogical Institute
Mira str., 60, Pavlodar, Kazakhstan, 140000
zifakakbaevna@mail.ru

Abstract. Positively evaluative speech acts: praise and approval, the most common in the Russian-speaking pedagogical discourse, are investigated in this article. Similarities and differences of praise and approval are viewed here from a pragmatic, propositional points of view; approval contains in its propositional structure such a component as an argument of evaluation that does not exist in the structure of statements of praise. These two speech acts differ according to the parameters of intensity/non-intensity, emotionality/lack of emotionality, objectivity/subjectivity. Statements of praise and approval, homogeneous and heterogeneous, in sense of intention, are revealed, heterogeneous speech acts of praise are complicated by additional intentions of recommendations, advice, edification, criticism. The main features of the language representation of the analyzed speech acts are identified in this work. Direct speech acts of praise and approval are expressed by predicate of general and specific evaluation of intellectual and ethical character. Praise and approval may have a performative expression using verbs praise and approve. The statements of praise, approval may also have a short and full form.

Key words: speech act, positively-evaluated speech act, the pedagogical discourse, praise, approval, intention, general evaluation, specific evaluation

УДК: 811.111'276.16

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-106-114

КОМПЛИМЕНТ КАК ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПРИЕМ

Ф.И. Карташкова, А.А. Князева

Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39, Иваново, Россия, 153025
rector@ivanovo.ac.ru

Н.Б. Мальцева

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034
spbu@spbu.ru

В статье рассматривается структура коммуникативной ситуации комплиментарных высказываний с позиций теории речевых актов; обсуждаются когнитивные аспекты подобных высказываний. Устанавливаются аналогии Интенциональных состояний и речевых актов. Указаны предварительные когнитивные условия реализации комплимента. Показано, как данное Интенциональное состояние проявляется в реальной коммуникации, и какое манипулятивное воздействие на адресата оказывает комплимент в ситуациях флирта.

Ключевые слова: Интенциональное состояние, комплимент, иллюкутивная цель, манипулятивный прием, эмоциональное состояние

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия характеризуются возросшим интересом к процессам межличностной коммуникации, чем и объясняется обращение к опыту комплиментарной речи, поскольку комплимент как «вдохновляющий» (термин Э.В. Мурашкиной) речевой акт выполняет не только контактоустанавливающую функцию, но также оказывает эффективное воздействие на адресата.

Анализ степени разработанности данного феномена в отечественной лингвистике позволяет заключить следующее. В конце прошлого века речевой акт комплимента оказался в фокусе внимания таких выдающихся отечественных исследователей, как Н.Д. Арутюнова (1992), В.И. Карасик (1997), В.В. Леонтьев (1999), М.Ю. Федосюк (1997), Н.И. Формановская (1989), Т.В. Шмелева (1997). Однако в данных исследованиях комплимент рассматривался как звено в цепи так называемых речевых актов; была проведена дифференциация и выявлены отличительные признаки комплимента.

В исследованиях начала XXI в. (Серебрякова 2002, Мурашкина 2004, Мосейко 2005, Мудрова 2007, Вострикова 2009, Нгуен Тху Хьонг 2014) предпринята попытка комплексного описания комплимента и его регулятивных характеристик. Выявлена национально-культурная специфика комплимента, установлены этикет-

ные модели комплимента, а также способы выражения реакций коммуникантов на комплимент в различных языках.

В настоящей статье предпринимается попытка обосновать комплимент как интенциональное состояние в духе Дж. Серля, с одной стороны, а с другой стороны, — показать, как это состояние проявляется в реальной коммуникации, и какое манипулятивное воздействие на адресата оказывает комплимент в ситуациях флирта.

РЕЧЕВОЙ АКТ КОМПЛИМЕНТА, КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ

Коммуникативную ситуацию речевого акта комплимента в самых общих чертах представляется возможным представить следующим образом.

Иллокуция

Говорящий произносит комплиментарное высказывание;

- а) с целью проинформировать адресата о своей высокой оценке адресата;
- б) с целью доставить удовольствие адресату своей высокой оценкой;
- в) с целью использовать психологическое состояние удовольствия, которое получит адресат от этой высокой оценки в своих целях.

Восприятие иллокуции

- 1) адресат осознает содержание комплиментарного высказывания;
- 2) адресат распознает иллокутивную цель высказывания как комплимента, т.е. намерения доставить ему удовольствие.

Перлокуция

В большинстве случаев имеет место перлокутивный эффект: адресат испытывает удовольствие от комплимента.

Итак, комплимент обусловлен двумя иллокутивными силами: 1) основной, но скрытой — *доставить удовольствие собеседнику*; и 2) поверхностной буквальной — *информировать его о высокой оценке адресата*. Основная иллокутивная цель комплимента определяет и психологическое состояние человека, озвучивающего этот речевой акт. Он должен быть не столько убежден в истинности произносимой им пропозиции, сколько искренен в своем желании порадовать собеседника.

Перейдем к когнитивным аспектам комплиментарного высказывания. Как известно, понятие интенционального состояния было введено Дж. Серлем. Под интенциональностью Дж. Серль понимал направленность или отнесенность морального состояния человека к объекту или положению дел во внешнем мире. По своей природе интенциональное состояние представляет собой определенное пропозициональное содержание в том или ином психологическом модусе. В этом плане интенциональное состояние сопоставимо с речевым актом, который представляет собой пропозициональное содержание, отмеченное той или иной иллокутивной силой. Интенциональные состояния схематически можно представить как: *Восхищаюсь* (X хороший) или *Верю* (X хороший), вынося психологический модус за скобки и указывая содержание интенционального состояния в скобках.

Осуществление любого речевого акта с пропозициональным содержанием является выражением определенного интенционального состояния с данным пропозициональным содержанием. Более того, наличие данного интенционального состояния у говорящего является условием искренности этого речевого акта. Соответственно, речевой акт является вербальной актуализацией соответствующего интенционального состояния, которое представляет собой условие его искренности.

Второй аналогией интенциональных состояний с речевыми актами является такая характеристика ментальных и психических состояний, как направление соответствия между ними и внешним миром. Как наши утверждения и суждения, описывая независимо существующий от них мир, тем самым сопоставляются с этим миром, и в зависимости от того, насколько точно они соответствуют ему, являются истинными и ложными, так и наши убеждения и вера также могут отражать или не отражать, соответствовать или не соответствовать положению дел в реальном мире, могут быть истинными или ошибочными, ложными. Такая природа верований и убеждений, отражающих наше восприятие внешнего мира, дает возможность характеризовать их как имеющие направление соответствия от «мысли к миру». С другой стороны, наши интенциональные состояния желания и намерения могут реализоваться, меняя тем самым окружающий нас мир, приспособлявая его к себе. Таким образом, эти интенциональные состояния можно охарактеризовать как имеющие направление «от мира к мысли».

Еще одной аналогией речевого акта и интенционального состояния является наличие такой характеристики, как их «условия успешности» или «условия выполнимости». В случае речевого акта мы можем говорить о соответствии между вербальным актом и реальностью в конкретном направлении соответствия, которое задается иллокутивной силой этого акта. Так, мое утверждение выполнено, если и только если оно истинно, а мое обещание выполнено, если и только если я сдержал его. Аналогично это понятие выполнимости применимо и к интенциональным состояниям.

Как утвердительное суждение, наша оценка стремится отразить определенную картину мира и зафиксировать шкалу оценок в ней. Поэтому мы можем охарактеризовать направление соответствия оценочного суждения «от слов к миру». В случае комплимента оценка должна отражать не картину мира говорящего, а картину мира и ценностей его собеседника: над говорящим довлеет интенция доставить удовольствие адресату своей положительной оценкой его качеств. В данном случае говорящий старается посмотреть на мир глазами адресата, понять его шкалу ценностей и систему оценок. Эта ментальная операция, безусловно, сказывается на таких характеристиках оценочного суждения, как истинно/ложно. Ведь то, что ложно в картине мира говорящего, может быть истинно в картине мира адресата. Тогда, озвучивая комплимент, говорящий должен быть уверен, что его оценочное суждение истинно в картине мира адресата. Именно истинность суждения в картине мира слушающего является основным условием успешности комплимента.

Можно сказать, что пропозициональное содержание детерминирует условия выполнимости Интенционального состояния, а психологический модус обеспечи-

вает то, что эти условия выполнимости представлены с определенным направлением соответствия. В этой связи «решающее значение имеет то обстоятельство, что для каждого речевого акта, обладающего направлением соответствия, речевой акт выполнен, если и только если выполнено выражаемое им ментальное состояние и условия выполнимости речевого акта и выражаемого им психического состояния тождественны» [Серль 1987: 106].

Рассмотрение аналогий между характерными особенностями речевых актов и интенциональных состояний позволило Дж. Серлю прийти к выводу о том, что эти особенности речевых актов представляют собой их Интенциональность. Поэтому понятие Интенциональности может быть в равной степени применимо не только к ментальным состояниям, но и таким лингвистическим сущностям, как речевые акты и предложения. Произнося комплимент, говорящий испытывает желание порадовать похвалой адресата. Таким образом, объектом интенционального состояния является адресат, что можно записать в виде формулы: Желая доставить удовольствие слушающему словами (X хороший), где «желаю...» является психологическим модусом, а в скобках дано пропозициональное содержание интенционального состояния. Что касается объекта самого оценочного суждения, он относится далеко не к любому объекту внешнего мира, а лишь к тому, который входит в сферу интересов адресата или же к самому адресату.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КОМПЛИМЕНТА

Произнося комплимент, мы желаем изменить психологическое состояние своего собеседника, т.е. желаем добиться каких-то изменений в окружающем нас мире, поэтому мы можем сказать, что это интенциональное состояние комплимента обладает направлением приспособления от «мира к мысли». Условием успешности интенционального состояния комплимента будет исполнение нашего желания.

В общих чертах предварительные когнитивные условия реализации комплимента можно представить следующим образом:

- 1) потенциальным говорящий видит потенциального адресата (объект его интенционального состояния);
- 2) потенциальный говорящий испытывает интенциональное состояние «Желая доставить удовольствие потенциальному адресату словами (X хороший)»;
- 3) потенциальный говорящий ищет, что похвалить и концентрирует свое внимание на X, который входит в сферу интересов интересов адресата;
- 4) потенциальный говорящий решает похвалить X и тем самым сделать комплимент потенциальному адресату. Реализация этого решения открывает собой коммуникативную ситуацию комплимента.

Человек, произносящий комплимент, испытывает интенциональное состояние, которое характеризуется направлением «от мира к мысли», так как, изменяя психологическое состояние адресата, говорящий вносит изменения в окружающий мир. Озвучивая комплимент, говорящий реализует направление приспособления «от слова к миру», приспособляя свои слова не к своей картине мира, а к картине мира адресата.

Как уже было сказано, «автор» комплимента нацелен на изменение психологического состояния адресата, прежде всего на то, чтобы доставить удовольствие адресату и вызвать у него эмоциональное состояние положительного вектора. В этой связи становится понятно, что одной из наиболее типичных форм социального взаимодействия, эксплуатирующих комплимент, является коммуникативный жанр флирта, который понимается как жанр непрямого коммуникации, косвенный жанр [Дементьев 1997].

Комплимент является одним из самых распространенных манипулятивных приемов в ситуациях флирта. Комплиментарное высказывание определяется не только целью доставить удовольствие собеседнику, но благодаря этому добиться как можно быстрее желаемого результата:

You're fantastic, he whispered roughly, lifting his hand to stroke her cheek. The fine line of dark hair than ran from his fingers to his wrist tickled her skin. "You're making me blush" she stammered, turning her face slightly and away from him. Christ, she thought, I'm behaving like some sort of Jane Austen character [Perry 2011: 230].

В данной ситуации мужчина выражает свое восхищение женщиной: *You're fantastic!* Комплимент произносится шепотом, который в ситуациях флирта имеет значение интимизации: ... *he whispered roughly*. Цель коммуниканта-мужчины — установить близкие отношения, однако, встретив преграду со стороны коммуниканта-женщины, использует манипулятивный прием: он сопровождает комплимент прикосновениями, которые в тексте представлены описанием тактильного невербального действия (языковой номинацией служит поликомпонентное глагольное словосочетание *lifting his hand to stroke her cheek*). Невербальные действия коммуниканта-мужчины провоцируют эмоциональное состояние женщины, что в тексте описано с помощью речевого акта упрека: *You're making me blush*, и это эксплицирует эмоциональное состояние коммуниканта-женщины. Манифестация собственных эмоций женщины позволяет мужчине открыто изложить свои намерения.

Рассмотрим аналогичный пример:

"I think you're the most beautiful girl I've ever seen," said Luke as he started the Rolls. Compliments were quite out of Meggie's ken; she gave him a startled sidelong glance and said nothing [McCullough 2004: 200].

Коммуникант-мужчина делает комплимент, восхищаясь девушкой, к которой испытывает симпатию. Комплимент позволяет мужчине эксплицировать свои намерения. Использование прилагательного *beautiful* в тексте в превосходной степени *the most beautiful girl* свидетельствует о его намерении подчеркнуть исключительность объекта симпатии. Вербальное действие приобретает манипулятивный характер, поскольку оно позволяет мужчине перевести тему разговора и продемонстрировать напористость. Перлокутивный эффект налицо: мужчине удалось успокоить девушку, которая до этого была раздражена (*exasperated*). Следствием комплимента является переход эмоциональной реакции раздражения к эмоциональной реакции удивления: *she gave him a startled sidelong glance and said nothing*, что ведет к продолжению данного эпизода коммуникации.

В другом примере

“I couldn’t resist seeing for myself that you don’t have a pot of gold powder on your dressing table. Do you know you’re the only girl I’ve ever met with real gold on her eyelashes?” “Oh!” She touched them herself, looked at her finger, laughed. “So I have! It doesn’t come off at all.” The champagne was tickling her nose and fizzing in her stomach; she felt wonderful. “And real gold eyebrows that have the same shape as a church roof, and the most beautiful real gold hair... I always expect it to be hard like metal, yet it’s soft and fine like a baby’s... And skin you must use gold powder on, it shines so... And the most beautiful mouth, just made for kissing...” [McCullough 2004: 540]

основанием для комплимента является восхищение внешностью женщины: коммуникант-мужчина любит ее красотой. В его речи присутствуют описательные конструкции — произнося вслух слова о красоте женщины, мужчина подчеркивает ее внешние данные. Комплимент переплетается с шуткой: мужчина использует непрямую коммуникацию: *I couldn’t resist seeing for myself that you don’t have a pot of gold powder on your dressing table*. Он задает риторический вопрос, подчеркивая исключительные внешние данные женщины (золотой цвет ее ресниц): *Do you know you’re the only girl I’ve ever met with real gold on her eyelashes?* Основу данного комплимента составляют сравнительные конструкции и прилагательные в превосходной степени:

- 1) *And real gold eyebrows that have the same shape as a church roof*
- 2) *the most beautiful real gold hair*
- 3) *...I always expect it to be hard like metal, yet it’s soft and fine like a baby’s...*
- 4) *And the most beautiful mouth, just made for kissing...*

В результате комплимента коммуникант-женщина испытывает удовольствие: в тексте имеет место описание ее эмоционального состояния: *she felt wonderful*.

КОМПЛИМЕНТ И МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КОММУНИКАНТОВ

Комплимент как манипулятивный прием способствует установлению более близкого контакта между коммуникантами: *“I like your name,” he said, simply. “Antoinette.” And then, pulling her to him, he slipped his arm about her waist.* [Dreiser 2004: 198]. Желая расположить к себе девушку, к которой он испытывает любовь, коммуникант-мужчина сообщает ей о том, что ему нравится ее имя. Употребляя глагол *like* и повторяя имя девушки, говорящий пытается привлечь внимание адресата, воздействовать на объект своей симпатии и добиться перлокутивного эффекта, а именно чтобы девушка отреагировала на его слова. Привлекая к себе внимание и желая признаться в своих чувствах, мужчина совершает проксемное действие, языковая номинация которого *pulling her to him*. За ним следует другое невербальное действие тактильного характера — объятие, представленное глагольным словосочетанием с соматизмами: *slipped his arm about her waist*. В данном эпизоде общения женщина испытывает разные эмоции — от смущения до счастья. Невербальные действия коммуниканта-мужчины вызывают перлокутивный эффект, на что указывает динамика эмоционального состояния женщины — от испуга (*she was frightened*) через эмоцию смущения к эмоции радости, которая проявляется

в психофизиологической реакции слезоотделения: ... *tears rushed to her eyes. She turned and put her hand on the desk and hung her head and sobbed.* Этот фрагмент текста фиксирует описание сильного волнения коммуниканта-мужчины, которое является результатом воздействия поведения коммуниканта-женщины. Очевидно, что его вербальные и невербальные действия носят манипулятивный характер, что приводит в итоге к откровению женщины. В данной коммуникативно-прагматической ситуации плач, слезы есть проявление положительных эмоций («слезы счастья»), которые испытывает женщина: *She was deliriously, deliciously numb and happy.* Эмоциональное состояние женщины в тексте маркируют языковые номинации, отражающие ее смущение, волнение и радость.

Комплимент коммуниканта-женщины в ситуации флирта имеет свою специфику. Для феминной речи типично выражение преувеличенных чувств по отношению к коммуниканту-мужчине, с одной стороны, и преуменьшение собственных качеств, с другой стороны. Вектор феминного комплимента направлен на подбадривание мужчины, что в конечном итоге способствует достижению поставленных целей.

Особый тип комплимента составляют высказывания, в которых женщина выражает свое исключительное отношение к мужчине. Иллокутивная цель подобных высказываний — выразить обеспокоенность, акцентировать свою заботу:

Of course, I came out right away. Aunt Pitty told me about you last night and I — I just couldn't sleep all night for thinking how awful it was. Rhett, I'm so distressed! [Mitchell 2004: 320].

Коммуникант-женщина, имеющая цель вызвать симпатию мужчины, акцентирует свою обеспокоенность его положением (*I'm so distressed!*), где наречие *so* выполняет интенсифицирующую функцию. К манипулятивным приемам следует отнести и гиперболизацию ее эмоционального состояния (*I just couldn't sleep all night for thinking how awful it was*). Комплиментарные высказывания коммуниканта-женщины приводят к изменению психологического состояния коммуниканта-мужчины. Его эмоциональное состояние получает положительный вектор; он начинает испытывать эмоцию нежности, симпатии:

His voice was soft but there was a vibrant note in it, and looking up into his dark face she saw in it none of the skepticism, the jeering humor she knew so well.

Комплиментарные высказывания коммуниканта-женщины в ситуациях флирта нацелены также на то, чтобы доставить удовольствие адресату-мужчине относительно его внешности:

"You are very handsome," she said. She searched for a comparison that would give him pleasure. 'You are like an American film star.' She was startled by his reaction. 'For God's sake! That's the worst insult you can pay a man!' She hurried to make good her mistake. How curious that the compliment didn't please him. Didn't everyone in the West want to look like a film star? 'I was lying,' she said. 'I wanted to give you pleasure. In fact you are like my favourite hero. He's in a book by a Russian called Lermontov. I will tell you about him one day'" [Fleming 2003: 89].

Иллокутивная цель данного высказывания абсолютно транспарентна — доставить удовольствие адресату и вызвать у него чувство удовлетворения собой. В данном эпизоде флирта коммуникант-женщина, желая доставить удовольствие мужчине, сравнивает его с героем американского фильма: ... *you're very handsome, you're like an American film star*. Однако данное комплиментарное высказывание оказывается неудачным, на что указывает сам адресат: *For God's sake! That's the worst insult you can pay a man!*. Реагирующее поведение коммуниканта-женщины свидетельствует о ее незамедлительной готовности исправить свою ошибку: она предлагает сравнение с одним из ее любимых персонажей Лермонтова, чтобы в конечном итоге добиться позитивного сдвига в эмоциональном состоянии адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ манипулятивного воздействия в ситуации флирта показал, что основной целью говорящего является изменение психологического состояния адресата за счет адаптации речевого акта комплимента к картине мира адресата. Манипулятивные действия говорящего направлены на обеспечение истинности речевого акта комплимента. Оценочные конструкции, используемые говорящим в ситуациях комплимента, либо непосредственно относятся к адресату, либо оказываются включенными в диапазон интересов адресата. Вектор интенционального состояния говорящего в ситуации комплимента направлен от «мира к мысли».

Комплиментарные высказывания, направленные на гармонизацию человеческих отношений, относятся к эмотивным средствам воздействия, направленного на изменение в эмоционально-волевой сфере сознания адресата. Трактовка комплимента как интенционального состояния позволяет рассматривать его как определенную универсалию в системе ценностей различных культур. Изучение различных способов достижения изменений в психологическом состоянии адресата в условиях интеракции будет способствовать решению задач эффективного межличностного общения.

© Карташкова Ф.И., Мальцева Н.Б., Князева А.А.

Дата поступления: 12.09.2016.

Дата принятия к публикации: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н.Д. (1992). Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи [*Arutunova N.D. Speech behavioral acts in the mirror of someone other speech*] // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис, Москва.
2. Вострикова Е.С. (2009). Комплимент как одна из форм фатического общения [*Vostrikova E.S. Compliment as one of the forms of fatic communication*]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
3. Карасик В.И. (1997). Языковая личность и категория языка [*Karasik V.I. Language personality and the category of language*] // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тезисы докладов научной конференции. Волгоград. С. 52—53.
4. Леонтьев В.В. (2000). Комплимент как жанр личностного типа дискурса [*Leontyev V.V. Compliment as a genre of personal type of discourse*] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград. С. 200—207.

5. Мосейко А.А. (2005). Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах [Moseyko A.A. Etiquette behaviour models in British and Russian cultures]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград.
6. Мудрова Е.В. (2007). Compliment как первичный речевой жанр [Mudrova E.V. Compliment as an elementary speech genre]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог.
7. Мурашкина Э.В. (2004). Compliment как регулятивный речевой акт (на материале английского языка) [Murashkin E.V. Compliment as a regulative speech act (in the English language)]. Тверь.
8. Нгуен Тху Хыонг. (2014). Compliment and methods of its understanding in modern Russian and Vietnamese cultures [Nguen Tkhu Hyong. Compliment and methods of its understanding in modern Russian and Vietnamese cultures]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
9. Семенова Е.А. (2010). Место и роль комплимента в русском языке [Semenova E.A. Place and role of compliments in Russian]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
10. Серль Дж. (1987). Природа интенциональных состояний [Searle J. The nature of intentional states] // Философия, логика, язык. Москва: Прогресс. С. 96—126.
11. Федосюк М.Ю. (1997). Нерешенные вопросы теории речевых жанров [Fedosyuk M.Yu. Unsolved issues of speech genres theory] // Вопросы языкознания, 1997. № 5. С. 102—120.
12. Формановская Н.И. (1989). Речевой этикет и культура общения [Formanovskaya N.I. Speech etiquette and communicative culture]. Москва: Высшая школа.
13. Шмелева Т.В. (1997). Модель речевого жанра [Shmelyova T.V. The model of a speech genre] // Жанры речи. Саратов.

Источники

1. Dreiser Theodor. Financier. A Penguin Random House Company, 2004.
2. Fleming Ian. From Russian with love. SPb, 2003.
3. Mitchell Margaret Gone With The Wind. Penguin Popular Classics, 2004.
4. McCullough Colleen. The Thorn Birds. Penguin Popular Classics, 2004.
5. Perry Tasmina. Daddy's girls. Touchstone, 2011.

УДК: 811.111'276.16

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-106-114

COMPLIMENT AS INTENTIONAL STATE AND A MANIPULATIVE DEVICE

F.I. Kartashkova, A.A. Knyazeva

Ivanovo State University
Ermak str., 39, Ivanovo, Russia, 153025
rector@ivanovo.ac.ru

N.B. Maltseva

Saint-Petersburg State University
7/9, University embankment, Saint-Petersburg, 199034
spbu@spbu.ru

Abstract. The article discusses the communicative situation of complimentary utterances from the angle of the speech acts theory. Cognitive aspects of such utterances are being discussed. The analogy between intentional states and speech acts is shown. Special attention is given to the cognitive grounds of the phenomenon under discussion and to its display in communicative acts. It is also shown how communicators can manipulate with the help of compliments.

Key words: Intentional state, compliment, illocution, manipulation, emotional state

УДК: 82-1:124.5

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123

АКСИОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОПОЭТИКИ

М.Л. Новикова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, Москва, Россия, 117198
novikovamarinalvovna@yandex.ru

Статья представляет собой развитие идей изучения образно-языковой структуры художественного текста. Особые функции поэтического языка, его определенная однозначная «отделенность» от всех типов обычной коммуникативной речи делала и продолжает делать его привлекательным объектом исследования и вызывает непреходящий интерес. Взаимопроникновение различных гуманитарных дисциплин, активное взаимодействие поэтики со смежными областями лингвистического и гуманитарного знания: семиотикой, логическим анализом языка, когнитивистикой, аксиологией, философией языка детерминирует и расширение сферы его изучения. Особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования, отражая характерную черту современных научных исследований — полипарадигмальность, характеризующую анализ объекта по разным направлениям, в разных парадигмах знаний. Формирование геопоэтических образов связано и с регионами географического пространства, и с концептуализацией этих образов в аксиологическом осмыслении как способе освоения и переживания опыта, его материализации в художественном произведении путем представления ценностно значимых смыслов.

Ключевые слова: поэтика, словесный образ, геопоэтика, художественное пространство, когнитивистика, аксиология

ВВЕДЕНИЕ

Современная наука о языке исследует язык, мышление и внеязыковую действительность как взаимопроникаемые системы. Особая динамичность и гибкость, обусловленная асимметрией формы и содержания, представленная в системе поэтического языка, привлекает различные смежные области гуманитарного знания: аксиологию, логический анализ языка, когнитивистику, семантику возможных миров, что свидетельствует о широком диапазоне эстетических исканий.

Развитие функциональной парадигмы языкознания изменило представление о соотношении основных функций языка и речи. Эстетическая функция была осознана не как противоположность коммуникативной, а как особого рода коммуникативность, детерминированная спецификой функционирования языка в области эстетического общения. Поэтический язык рассматривается как особым образом организованный язык, в качестве базовой реализуется идея проекции необычного употребления на узуальное. В русле этого направления представлено большинство работ по лингвистической поэтике (В.П. Григорьев, Н.А. Кожевникова, Л.А. Новиков, Н.А. Фатеева и др.). Важное направление лингвистического изучения по-

этического языка связано с проблематикой когнитивной лингвистики, где он рассматривается как «творческая лаборатория» обыденного языка. С этой точки зрения поэтический язык выступает в качестве «динамического резерва», позволяющего языку изменяться, оставаясь самим собой. Этот подход позволяет исследовать не только эстетическую, но и гносеологическую функцию поэтического языка, способного «выразить невыразимое» (Ю.М. Лотман, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.).

ЛИГВОПОЭТИКА И ГЕОПОЭТИКА

Лингвопоэтика современной художественной литературы находится в диалогических отношениях с новым и динамично развивающимся направлением геопоэтикой — специфическим разделом поэтики, «**полем** потенциальной конвергенции науки, философии и поэзии» [Kenneth White 1987; Conférences de Kenneth White 2010] в русле исследования процессов символизации географического пространства, связи творчества писателя с географическим местом, изучения территории как объекта эстетического и аксиологического осмысления. «Мир для меня — не просто мир вещей, но (...) и мир ценностей, мир благ, практический мир» [Гуссерль 1999: 52—53], обладающий «как свойствами вещей, так и ценностными характеристиками — они прекрасны и безобразны, приятны и неприятны, милы и отвратительны» [там же: 67]. Культура создает геопоэтические реальности, которые, отражая географические, с ними не совпадают [Абашев 2006: 18—19]. Предметом геопоэтического исследования является изучение пространства в его разнообразных манифестациях природных и географических объектов [Замятин 2003], их символизация и концептуализация: «Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с материальной средой» [Вайль 2006: 9].

Каждый человек причастен к бытию и имеет свое место в мире, где пространство индивидуализируется. В связи с этим определение человека в пространстве и времени влечет за собой осознание и осмысление окружающего мира. Пространство всегда воспринимается как феномен, существующий вокруг человека, который наблюдает за происходящим, именно поэтому пространство в художественном произведении антропоцентрично: в его центре находится человек. Геопоэтические образы, способные воплощать средствами словесного искусства выраженные в форме чувственного восприятия и переживания реальные географические объекты, а также факты и события, связанные с ними, вносят целый ряд нюансов эстетического отношения к действительности, связывая воедино художественные пространственные и временные характеристики [Новикова 2003]. Формирование в национальной русской культуре различных геопоэтических образов является концептуализацией этих образов в аксиологическом осмыслении как способе освоения и переживания опыта и его материализации в художественном произведении путем формулирования ценностно значимых смыслов [Лингвистика и аксиология 2011].

В русской культурной традиции в исследовании духовного мира человека «ярко проявляется принцип, сформулированный Протагором: *Homo mensura*: человек мера всех вещей. Пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга, происходя от понятий: человек — дом — страна — мир» [Гак 2000: 128], что становится основой восприятия эмпирической действительности. Геопоэтические образы субъективно детерминированы и представляют собой особое видение реальности, отражающее изменения в развитии общества и в языковом сознании человека. О власти пространства над русской душой, философски осмысливая их влияние на формирование русского видения мира, русского национального характера, писал Н.А. Бердяев [Бердяев 2005], подчеркивая, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства, внешний, материальный и внутренний, духовный фактор жизни.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В литературных произведениях геопоэтические образы репрезентируют взаимодействие мира и человека, пространство в аспекте авторской точки зрения, взаимодействие сюжета и текстового пространства, индивидуальную (авторскую) модель мира, существующую в связи с присущим данной культуре семиотическим пространством, которое входит в обширное семиотическое пространство данной культуры — семиосферу [Лотман 2010]. Художественный текст является моделью семиосферы, которая является семиотической моделью мира, закреплённой в данной культуре. Поэтому пространство текста — это модель мира. Оно организовано как система с подчинением низших уровней высшим. Сам текст — это единство, разбивающееся на все более дробные составные части, а иерархия семантических компонентов — одна из форм его организации и упорядоченности.

Художественное пространство, как и всякая моделирующая система, структурировано. Оно уникально в силу объективно-субъективного видения автора и представлено с позиций определенного эстетического идеала, что отражается в его символической многоплановости: «Оценке принадлежит творческая роль в изменении значений (...) в сущности, это всегда переоценка: перемещение данного слова из одного ценностного контекста в другой. Слово или возводится в высший ранг, или бывает разжаловано в низший» [Бахтин 1993: 117]. В ценностно-смысловой сфере художественного пространства выделяются значимые объекты, явления, отношения. В формировании пространства текста участвует художественное произведение во всем многообразии слов, предложений, сложных синтаксических целых (т.е. виртуальное пространство) и актуальное семантическое пространство. Художественное пространство текста понимается как обобщенное отражение реального описываемого в тексте пространства, сравните: «Внутреннее пространство художественного текста, „сильнее“ любого внешнего пространства. В этом смысле такой текст выступает как некое экспериментальное устройство, на котором конструируются, опробуются, проверяются нигде более не мыслимые возможности» [Топоров 1983: 283].

В художественном тексте как вторично моделирующей системе индивидуальная картина мира воплощается при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом автора языковых средств. Обычно ими являются глаголы местопребывания в пространстве, бытия, существования, движения, различные предложно-падежные формы, формы имен с пространственным значением и др. Пространство трансформируется с помощью словесных образов, составляющих лексические функционально-семантические парадигмы с пространственным значением. Подобные изобразительные средства представляют собой целостную функционирующую систему как преломление общего и особенного на высшем этапе реализации поэтического языка, воздействующую красотой и уместностью художественной формы, а также концептуальностью содержания, «поэтический образ возникает как гармонический контраст рассудка и воображения» [Новиков 2001: 27].

Обратимся к примеру актуализации географического пространства путем его образного переосмысления: «По вечерам и по ночам — домов в *Петербурге* больше нет: есть шестиэтажные каменные корабли; огнями бесчисленных кают сверкает корабль в разбунтовавшемся каменном океане улиц. И, конечно, в каютах не жильцы — там пассажиры. По корабельному просто все незнакомы друг с другом — граждане осажденной ночным океаном шестиэтажной республики. Пассажиры *каменного корабля № 40* по вечерам неслись в той части *петербургского* океана, что обозначена на карте под именем *Лахтинской улицы*. (...) И в странном незнакомом городе — *Петрограде* — растерянно бродили пассажиры. Так чем-то похоже — и так непохоже — на *Петербург*, откуда отплыли уже почти год и куда едва ли когда-нибудь вернуться» [Е. Замятин].

Переход от реального пространства — *город Петербург, улицы, шестиэтажные дома* — к его образному наименованию ‘*океан, каменные волны, каменный корабль № 40, осажденная каменным океаном шестиэтажная республика*’ и опять к реальной топографии: *Лахтинская улица, город Петроград*, моделирует особое пространство, обладающее потенциалом культурно-исторических знаний. На фоне географической конкретизации словесные образы приобретают символическое значение, воспроизводят пространственно-временную картину мира в ее символично-идеологическом аспекте, ср.: отплыли *из Петербурга* и приплыли *в Петроград*. Несмотря на то, что в отличие от пространственных координат временные прямо не конкретизированы, прерывны и условны, ясно, что описывается время начала века, когда город Петербург был переименован в Петроград. И время, и пространство становятся здесь художественно зримыми. Свертывание большого «куска» реального пространства и его изменение во времени служит и рассказом о происшедшем, и образной иллюстрацией к нему, активизируя потенциальные семантические свойства геопозитических словесных образов для выражения ценностных представлений. Литературно-поэтический образ, формально развертываясь во времени, своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символично-идеологическом аспекте, где тесно переплетается рациональное и эмоциональное с актуализацией оценочного значения,

«только художественная литература в наибольшей степени способна придавать разного рода местам особый смысл» [Щукин 2007: 163].

Произведение словесного искусства — это акт духовно-эмоционального общения людей и в то же время новый предмет, новое явление, сотворенное писателем, которое следует рассматривать сквозь призму языка как результат синтеза различных факторов — стиля, среды, личности и его функционирования в культурно-историческом пространстве, представленном «как иерархизованная структура соподчиненных целому смыслов» [Топоров 1983: 271]. Переплетение словесных образов, целенаправленный отбор языковых средств, художественных деталей и их сложных конструкций становится важным образно-композиционным фактором. Ввод, чередование, нарастание образности и ее ослабление, спад создают осязаемый образный каркас, остов художественного произведения: «Богатая Сибирь, наклоншись над столами, // Рассыпала по ним и злато и серебро, // Чернокудрявый лес и беловласы степи. // Украина, Холмогор несли тельцов и дичь, // Венчанна класами хлеб Волга подавала, // С плодами сладкими принес кошницу Тавр» (Г. Державин). Художественный мир отражает реальный в субъективном восприятии писателя. Многие «становятся добычей времени, овеществляются и навсегда остаются в своей эпохе, в породившем его локусе и ближайших его локально-временных окрестностях» [Топоров 1983: 272].

Словесный образ не только символически осмысливает конкретное пространство, но и расширяет его, гиперболизирует: «Россия — большой луг, зеленый. На лугу раскинулись города, селенья, фабрики». Пространство реальное наполняется иным содержанием, из топонима *на лугу* оно превращается в широкое понятие *вся Россия*, а будущие изменения образно названы *цветами*. «Верю в Россию. Она будет. (...). Будут новые времена и новые пространства. Россия — большой луг, зацветающий цветами» [А. Белый]. Формы будущего времени глаголов тесно сплетают составляющие словесного образа. Это также и способ материализации идей, философских и социальных обобщений. Пространству *России* свойственны признаки не только территориально-географического, но и этического, религиозного, аксиологического характера.

ЦЕННОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ ПОЭТИКИ

Отличительной чертой ценностных представлений является их бинарный характер, наличие противоположных ценностных модальностей, предполагающих личный выбор и иерархичность позитивных и негативных предпочтений. В романе А. Белого, являющемся книгой трилогии «Восток или Запад», решается вопрос о национально-исторических судьбах России, в облике которой тесно переплетены два начала: восточное и западное, объединяющиеся и географическим положением, и ценностным осмыслением. Так, восток — ‘сторона света, в направлении которой вращается Земля’; и запад — ‘сторона света, противоположная востоку’ наделяются *чертами аксиологических представлений*, обусловленных авторским объективно-субъективным видением, представленным с позиций определенного эстетического идеала.

Остановимся на некоторых иллюстрациях. Обращение к прозаическим и поэтическим произведениям продиктовано убеждением, что проза и поэзия, являясь различными проявлениями поэтической (художественной) речи, имеют общие черты, которые обусловлены общностью эстетической функции языка в этих формах словесного искусства: «О, *Запад* есть *Запад*, *Восток* есть *Восток* и с *мест* они не сойдут, // Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд [Р. Киплинг / пер. Е. Полонской]; «Когда разноречья араба и чеха / Срастутся в единый язык Человека только к *пейзажу* / Великий итог сведет проблему *Запад — Восток* [И. Сельвинский]; «Слово „западло“ состоит из слова «*Запад*» и формообразующего суффикса «ло», который образует существительные вроде «бухло» и «фуфло». Не рано ли призывать склонный к такому словообразованию народ под знамена демократии и прогресса»? [Виктор Пелевин]; «Мы с Фандориным-сан сравнивали достоинства японской и английской гимнастик. Я мог позволить себе быть снисходительным, так как превосходство *Востока* над *Западом* в этой сфере очевидно. Все дело в том, что у *них* физические упражнения — это sport, игра, а у нас — Путь к духовному самоусовершенствованию» [Б. Акунин].

Сложные образные структуры являются специфическим приемом компактно-упорядочивания информации, управляемым глубинными и ассоциативными связями в ее оценочном аспекте, в которых словесные образы *Запад* и *Восток* выполняют интегрирующую и систематизирующую функцию. Отличительные черты шкалы оценки, существенные оценочные смыслы, ценностные доминанты, существующие как в индивидуальном, так и в коллективном сознании, отражаются в художественной картине мира русской литературы, организуют смысловое пространство на основе сформировавшейся в национальной культуре системы ценностей. Словесный образ воспроизводит пространственную картину мира, притом в ее символическо-идеологическом ценностном аспекте: изменяются существенные характеристики пространства, оно может максимально детализироваться укрупняться, что создает его многомерность, объемность и иерархичность. «Деформация» пространства подготавливает творческую перспективу текста, осмысление пространства (его увеличение или уменьшение, расширение или сжатие; замкнутость или открытость, протяженность или ограниченность и т.д.), его особое видение и создает своеобразные полюсы геопоэтических образов, неотделимых друг от друга, но и несводимые друг к другу. Словесные образы *Север—Юг* есть в творчестве многих русских поэтов. *Север* представляется мрачным краем, а *Юг* — блаженным уголком, ср.: «Но мне милей роскошной жизни Юга седой зимы полуночная вьюга» (И. Никитин); «*Юг* на *Севере*» (И. Северянин). Отметим их особенности, например, в культурно-исторической традиции США: «*Север* и *Юг*» Э. Гаскелл; война *Севера* и *Юга* — это Гражданская война между аграрным рабовладельческим Югом и промышленно развитым Севером, а также современную трактовку оппозиции *Север — Юг* в социокультурном пространстве: *бедные развивающиеся страны — богатые ведущие мировые державы*. Путем сложного взаимопереплетения, столкновения объективного и субъективного создается субъективно детерминированное, особое видение реальности. В художественных произведениях представлены многообразные жанровые формы, они выступают как

точный индикатор ценностей культуры. Существуют устойчивые, обладающие наибольшей яркостью и повторяемостью, геопоэтические словесные образы, проходящие в своем историческом развитии различные стадии, что и находит отражение в творчестве различных авторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многомерность отображаемой художественной действительности и линейный характер языка обуславливают возможность реализации речевыми единицами разнообразных семантических функций. Их использование вызвано как отражением динамических процессов изображаемого, так и передачей субъективных авторских установок, тесно связанных с прагматически-идеологической оценочной сферой, имеющих особый статус в отношении эмпирической действительности. Формирование геопоэтических образов связано и с регионами географического пространства, и с концептуализацией этих образов.

Геопоэтика рассматривает символический образ географической территории как единое целое, смысловое содержание ценностных представлений является весьма различным и определяется в зависимости от культурно-исторического контекста. Символизация и маркировка географической среды обитания, выработка нормативных вариантов интерпретации собственных и чуждых культурных форм детерминирована множеством изменчивых идеологических смыслов, которые обуславливают и закрепляют различные социокультурные представления и систему ценностно-смыслового отношения к действительности. Это не только география реального мира, но и впечатление от окружающего мира, определяющее его видение. В художественном произведении автор описывает события в соответствии со своей концепцией мира, изменяя существенные характеристики реального географического пространства. Смысловой информации разнородных художественных текстов имманентно присуще свойство конденсироваться, превращаться в некоторый обобщенный художественный смысл, который соотносится с системой ценностей, присущих национальной культуре и национальной ментальности. Словесный образ (шире — текст) как носитель не только семантической, но и эстетической, переживаемой, а не просто понимаемой информации, объект не только рационального, но и художественно-интуитивного познания, результат и продукт двуединой проекции.

© Новикова М.Л.

Дата поступления: 20.09.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абашев В.В.* (2006). Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: История и современность [*Abashev V.V. Geopoetic look at the Urals literature history // Literature of the Urals: History and modern times*]. Екатеринбург: изд-во АМБ. С. 17—30.
2. *Бахтин М.М.* (1993). Марксизм и философия языка [*Bakhtin M.M. Marxism and philosophy of language*]. Москва: изд-во Лабиринт.

3. Бердяев Н. (2004). О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. Судьба России [Berdyayev N. On the power of space over the Russian soul / The destiny of Russia]. Москва: изд-во АСТ.
4. Вайль П. (2006). Гений места [Vayl P. Genius of the place]. Москва: КоЛибри.
5. Гак В.Г. (2000) Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств [Gak V.G. Space out of space // Logical analysis of the language. Languages of the space]. Москва: Языки русской культуры.
6. Гуссерль Э. (1999). Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Gusserl E. Pure phenomenology and phenomenological philosophy ideas]. Москва: Дом интеллектуальной книги.
7. Замятин Д.Я. (2003). Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов [Zamyatin D.Ya. Humanitarian geography: Space and geographic image language]. С-Петербург: Алетейя.
8. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. (2011). [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of valuable meanings: collective works]. Москва: изд-во Тезаурус.
9. Лотман Ю.М. (2010). Семиосфера [Lotman Yu.M. Semiosphere]. С-Петербург: Искусство.
10. Новиков Л.А. (2001). Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea [Novikov L.A. Selected works. Vol. II. Aesthetic aspects of the language]. Москва: изд-во РУДН.
11. Новикова М.Л. (2003). Хронотоп как остраненное единство художественного времени и пространства в языке литературного произведения [Novikova M.L. Chronotopos as an ostrannennoe unity of aesthetic time and space in literature language] // Филологические науки. 2003. № 2. С. 60—69.
12. Топоров В.Н. (1983). Пространство и текст // Текст: семантика и структура [Toporov V.N. Space and text // Text: semantics and structure]. Москва: изд-во Наука. С. 227—284.
13. Щукин В.Г. (2007). Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей [Shchukin V.G. Russian enlightenment Genius: Research in Mythical Poetics and history of ideas]. Москва: изд-во РОССПЭН.
14. Kenneth White (1987). Elements de geo poetique // L'Esprit nomadt, Paris, 1987.
15. Conférences de Kenneth White: A; Géopoétique et sciences humaines, no 6, 2010. institut-geo poetique.org/fr/dictionnaire-de-geo poetique: <http://institut-geo poetique.org/fr/dictionnaire-de-geo poetique> (дата обращения 18.10.2016).

УДК: 82-1:124.5

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123

LITERARY SPACE AXIOLOGY: GEOPOETIC ASPECT

M.L. Novikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
novikovamarinalvovna@yandex.ru

Abstract. This article is the result of literary text structure research development. The special functions of the poetic language, its “separation” from all the usual communication types made it a very important object of analysis, attracting constant attention.

The cross-discipline intersection of humanities, active interaction of poetics with close linguistic and humanitarian domains such as semiotics, linguistic logic analysis, cognitive science, axiology, linguistic philosophy, etc., determine the expansion of its study. The interdisciplinary research becomes especially important since it features one of the modern research characteristics — multiple paradigms that allow to analyze the object from different perspectives, in different fields of knowledge. Forming geopoetic images in a national culture is the result of different geographic regions exploration and conceptualization of these images in terms of axiology, exploring and having different experiences, materializing them in fiction through a representation of valuable meanings.

Key words: poetics, verbal image, geopoetics, literary space, cognitive linguistics, axiology

УДК: 811.161.1'271.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-124-129

РАСШИРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

М.В. Иванова

ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького»
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104
dekanat@litinstitut.ru

В статье рассматривается возможность обновления и расширения литературной нормы, соотношения ее с живым речевым употреблением в отношении электронных СМИ как принципиально новых медиа со своими специфическими функциями и задачами. В качестве оснований приводятся исторические примеры, когда новая литературная и речевая реальности вносили изменения в литературный язык.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, история русского литературного языка, язык электронных СМИ, стилевая норма

ВВЕДЕНИЕ

Утрата высокого статуса, авторитета образования, низкий его уровень, небрежное отношение к речи, к нормам литературного употребления, англо-американская экспансия одновременно с жаргонизацией и вульгаризацией общего разговорного языка — все это в целом создает весьма печальную картину разрушения великого достояния и сокровища русского народа — его языка.

Мне бы хотелось поделиться своей позицией и своими мыслями по поводу той проблемы, которая касается всех нас, граждан великой страны — проблемы состояния русского языка.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

В поиске решения этой проблемы, ее изменений к улучшению появляются абсурдные (забавно-абсурдные) предложения. Например, представители Общественной палаты считают, что необходимо на базе МВД создать «лингвистическую полицию» [См., например: Трифонова NG: http://www.ng.ru/politics/2016-09-14/3_police.html; <http://izvestia.ru/news/631433>]. Но существующий закон о русском языке лишь утверждает его государственный статус и строго не фиксирует его литературные нормы, не направлен на установление его стилистических вариаций, на ужесточение требований к правилам употребления и т.д. В законе нет никакого регламента или инструкций по отношению к тем, кто нарушает общепринятое языковое поведение, а особая полиция должна быть (тогда еще нужно будет вводить и осуществляющую надзор за лингвистической полицией «лингвистическую прокуратуру»). А если в законе будет прописано регулирование языкового употребления с позиций литературной нормы, тогда специальной полиции не нужно.

В этой связи Ассоциация учителей русского языка предлагает контролировать и ограничить употребления иностранных слов и латинских букв. Почему только латинских, а арабским алфавитом или китайскими иероглифами можно исказить русское письмо? А какие слова следует считать иностранными? *Тетрадь, философ, вождь, глава, сарафан, конверт, газета, нота* — это русские слова? Можно отказаться от *хипстеров и лобстеров*, но тогда что делать с *пизжонами и шампанским*? И вообще, может ли язык развиваться и обогащаться без заимствований? Эти позиции не так просты.

Главное, что эти предложения касаются лишь внешних проявлений негативных явлений. Глубинные же проблемы такому контролю не поддаются.

Общественников можно понять, нужно срочно предпринимать какие-то действия, потому что наш язык находится под угрозой.

О РАЗНЫХ СТЕПЕНЯХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОРМЫ

В той языковой ситуации, которая уже сложилась, действовать нужно предельно аккуратно, продумывая каждую позицию, учитывая новую языковую реальность. Понятно, что решение проблем нынешнего русского языкового употребления является чрезвычайно сложным и долгим. Кроме того, это решение многокомпонентное и многоаспектное.

Жизнь меняется — меняется язык. Это аксиома; мы это знаем, повторяем в своих лекциях, но никак не можем смириться в действительности. И все время под новую живую речевую реальность подкладываем свои старые и традиционные, лучше даже сказать, архаичные, подходы к ее интерпретации. Это неправильно и, главное, бесперспективно.

Если на эту проблему взглянуть с позиций здравого смысла, то окажется, что лучше в разных сферах употребления языка предусмотреть некоторое различие подходов к норме, разную степень ее регламентации, некоторую вариативность нормы.

Напомню, что вариативность является универсальным свойством языковой системы [Солнцев 1984: 31—43] и что именно вариативность рассматривается как источник самоорганизации и развития языка.

Представляется, что в современной сложной ситуации с речевой практикой вариативный и расширительный подход к норме может оказаться наиболее продуктивным.

ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Обсуждая сегодня проблему русской речи в электронных СМИ, нужно сказать, что современные медиа абсолютно инновационны. Они решают много проблем, среди которых вечная метафизическая проблема человека и времени. Только благодаря электронным СМИ мы получаем гарантированно быстрый, даже сверхбыстрый доступ к информации.

Причем в эпоху (как угодно) «конца истории» [Фукуяма 2005] или «информационного общества» [Тоффлер 2005] ускорение передачи данных будет только

убыстряться. А в условиях ускорения передачи информации кропотливая и внимательная редакторская работа с текстом является тормозом. Ради быстроты нужно чем-то жертвовать. Фактами, цифрами, достоверностью — проблематично. А вот редакторской обработанностью текста можно.

Мы же пожертвовали живостью и меткостью русской речи, ее красотой и образностью ради официально-делового стиля. Сегодня это основной стиль литературного языка, хотя на протяжении столетий официальные документы и деловая письменность не входили в систему русского литературного языка. Ситуация стала меняться после «Стоглава» — сборника решений Стоглавого собора (1551 г.) и «Домостроя» (XVI в.) — свода правил домашнего уклада. Эти две книги стали в большей степени литературным явлением, оставаясь фактами деловой письменности. Но официально-деловой стиль современного русского литературного языка сохраняет свои «нелитературные» черты невежливого императива, номинативности, стандарта и клишированности (до такой степени, что мы уже только формы/бланки заполняем: все у всех одинаково); в официально-деловом стиле позволено даже нарушать русскую грамматику (например, для точности не склоняют имена собственные). При этом мы твердо знаем, что этот стиль выполняет важнейшую общественную функцию — регулирует правовые отношения, упрощая их именно за счет своей строгой клишированности.

У научного стиля тоже есть свои существенные недостатки, только их принято уважительно называть оригинальными чертами, особенностями. Если обратиться к собственно исследовательскому (не к учебному и не к популярному) стилю/подстилю, вот уж где обнаружится огромное количество заимствований, латинских написаний, нечитаемых формул и непонятных терминов, не принятой в русском языке сочетаемости и т.д. Текст серьезной современной научной статьи будет понятен только узкому специалисту в этой области.

Так и электронным СМИ можно простить некоторые недостатки, не вполне идеальную подготовку текста за скорость получения информации.

Современные медиа являются абсолютно новой сущностью и необходимым атрибутом времени, эпохи глобализации, благодаря им происходит процесс удовлетворения информационных потребностей личности, индивидуального его запроса. Они размывают границы информационного пространства, огромного, не ограниченного бумажным листом.

Еще раз, это не перенос бумажной версии в технически новый вид. Это другие СМИ со своими специфическими функциями и задачами. И вот тогда наиболее острый вопрос о языковом медиапространстве (естественно, электронном) нельзя оценивать и регламентировать со старых позиций литературной нормы [Иванова 2016: 86—93].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБНОВЛЕНИЯ НОРМЫ

По давнему, но точному определению Л.В. Щербы «норма — идеал прошлого» [Щерба 1958]. Конечно, отказаться от нормы совсем, разрушить ее нельзя, прервется традиция. Но мы от нее и не отказываемся: мы по-прежнему пишем *жи*

и *иш* через *и*, хотя шипящие отвердели к XIV в., во 2-м лице ед. ч. наст. в. глаголов пишем *-шь* (т.е. *ш* с мягким знаком, с ерем), но этот *ш* — твердый с XIV в., а редуцированные пали в XII в. Но орфография — это одно, а нормы живого употребления языка в новых речевых ситуациях, новых типах речи, жанрах и т.д. — это другое.

Русский литературный язык складывался очень долго, и каждый раз новые литературные тексты, новые художественные системы, новые творческие методы предполагали определенный пересмотр прежних, устаревших норм употребления и формирование новых языковых возможностей и стилей. И всегда это наталкивалось на непонимание, на критику, все проходило с сопротивлением.

Я приведу лишь несколько примеров.

Василий Кириллович Тредиаковский, человек высокой книжной культуры, в 1730 г. берется за перевод французского романа «Езда в остров любви» Поля Тальмана и понимает, что нужно отказаться от церковнославянской традиции и воспользоваться разговорными формами живой речи. Михаил Васильевич Ломоносов создает стилистическую теорию («Предисловие о пользе книг церковных...», 1758 г.), по которой определенные слова в одних жанрах употреблять нельзя, а в других — можно; и даже низкий стиль оказывается низким лишь в отношении высокого, но и тот и другой — в пределах литературного языка [Здесь и далее см., например, Виноградов 1978; Войлова, Леденева 2009; Горшков 1984].

В творчестве Б.И. Куракина, М.Д. Чулкова, А.П. Сумарокова, Н.И. Новикова, И.А. Крылова, Д.И. Фонвизина и многих других «преобразителей» русского литературного языка XVIII в. наблюдается вполне закономерное и оправданное новым временем и новыми жанрами обращение к разговорным формам, обновление состава лексики, упрощение грамматики, разрушение старых системных связей языковых единиц в тексте. В целом это принято называть «демократизацией» литературных норм и правил.

А.С. Пушкин — ключевая фигура в истории русского литературного языка, поскольку в его творчестве были выработаны, признаны современниками, а позже закреплены как эталонные нормы русского литературного языка. Он считается его основоположником, и отсчет *современного* литературного языка (в академических словарях, грамматиках) ведется от Пушкина. До него пытались утвердить норму, но «запретительными» мерами: одни были против «старого», другие против «нового». А у Пушкина разрешительная, расширенная, вариативная норма, по которой допускалось все: и старая церковнославянская традиция, и новые разговорные народные элементы, и «странное просторечие», и западноевропейские заимствования. Только при соразмерности всех этих элементов в тексте и сообразности их авторскому замыслу.

В XX веке — веке больших изменений в жизни — прошли значительные преобразования в языке, коммуникация стала массовой. Было много приобретений, но была невосполнимая потеря. Именно в связи с тем, что нормированная литературная форма языка была жестко, даже грубо поставлена над всеми остальными разновидностями языкового употребления, в подчиненно-униженное положение

попали русские народные говоры, что не способствовало их сохранению. А ведь русские диалекты на огромной исконной русской территории Восточной Европы и на территориях вторичного заселения очень национальны, этнически самобытны, стилистически и исторически важны, являются одной из форм выражения национальной культуры. Они почти исчезли, а мы лишились такого важного, истинно национального источника обогащения и развития литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня в связи с новой языковой реальностью, с русской речевой действительностью следует несколько пересмотреть норму литературного языка именно для его сохранения. Действительно пришло время на государственном уровне регламентировать русское языковое употребление.

Важно обновить литературную норму в отношении электронных СМИ по линии ее расширения, соотнесения с живым разговорным языком, с речевой практикой, а определить границы расширения, выработать принципы и правила регулирования должны не юристы, а лингвистическое сообщество, базовые кафедры.

Кроме того, рассматривая состояние речи в электронных СМИ, нужно создать новую научную область с новым наименованием, новыми подходами, своей терминологией. Назвать ее можно просто, например, *цифровая коммуникация* или *теория электронного информирования*.

© Иванова М.В.

Дата поступления: 12.09.2016

Дата принятия к печати: 22.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.В.* (1978). Избранные труды. История русского литературного языка [Vinogradov V.V. Selected works. The history of Russian literary language]. Москва: Наука.
2. *Войлова К.А., Леденева В.В.* (2009). История русского литературного языка [Vojlova K.A., Ledeneva V.V. The history of Russian literary language]. Москва: Дрофа.
3. *Горшков А.И.* (1984). Теория и история русского литературного языка [Gorshkov A.I. Theory and history of Russian literary language]. Москва: Высшая школа.
4. *Иванова М.В.* (2016). Речь журналистов электронных СМИ // «Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ» [Ivanova M.V. Journalist language in e-media // “Studying Russian. Problems of the modern language in e-media”]. Москва: Некоммерческое партнерство факультетов журналистики.
5. «Известия» (2016) [Izvestija]: <http://izvestia.ru/news/631433>.
6. *Солнцев В.М.* (1984). Вариативность как общее свойство языковой системы [Solncev V.M. Variability as a general quality of the language system] // «Вопросы языкознания». № 2.
7. *Тэффлер Э.* (2005). Война и антивоина [Toffler Alvin and Heidi. War and anti-war. Survival at the Dawn of the XXIst Century]. Москва: АСТ: Транзиткнига.
8. *Трифонова Е.* (2016) [Trifonova E. Nezavisimaya Gazeta] NG: http://www.ng.ru/politics/2016-09-14/3_police.html.
9. *Фукуяма Ф.* (2005). Конец истории и последний человек [Fukuyama F. The end of History and the last Man]. Москва: АСТ: Ермак.
10. *Щерба Л.В.* (1958). Избранные работы по языкознанию и фонетике [Shherba L.V. Selected works on linguistics and phonetics]. Т. 1. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.

УДК: 811.161.1'271.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-124-129

THE EXPANSION OF LITERARY NORMS AND ITS HISTORICAL FOUNDATION

M.V. Ivanova

FSBEI of Higher Education
Maxim Gorky Literature Institute
Tverskoy blvd., 25, Moscow, Russia, 123104
dekanat@litinstitut.ru

Abstract. The article investigates the possibility of renewal and expansion of literary norms, its relevance to real speech in respect to e-media as a fundamentally new media with its specific functions and objectives. As a reason for this process the article offers some historical examples when new literary and speech reality leads to changes in the literary language.

Key words: the present-day Russian literary language, the history of the Russian literary language, the language of e-media, stylistic norms

УДК: 801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-130-137

ПИСАТЕЛЬСКИЙ МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММЕНТАРИЙ И ЕГО РОЛЬ В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА (на примере произведений русской литературы XIX в.)

О.В. Ломакина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Иловайская, д. 9, стр. 2, Москва, Россия, 109651
rusoturisto07@mail.ru

В статье рассматриваются виды метаязыкового комментария, данного писателями, в произведениях русской литературы XIX в. Писательский метаязыковой комментарий облегчает понимание текста. Цель данной статьи — анализ метаязыковых способов введения в контекст произведения иноязычных вкраплений, идеологем, важных для раскрытия писательского мировидения, диалектизмов. В ходе исследования были выявлены виды метаязыкового комментария в зависимости от следующих факторов: от языка используемой, необходимой для перевода или объяснения языковой единицы; от сферы употребления, при авторской семантизации и при определении типа единицы и своего отношения к ней. Очерчивается перспектива исследования, связанная со сравнением текстов разной стилистической отнесенности, рассмотрением метаязыкового комментария при использовании социолектов, анализом характера иноязычных вкраплений в языке писателей-билингвов.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, художественный текст, понимание текста, русская литература XIX в., иноязычные вкрапления, идеологема, лексика узкой сферы употребления

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время филология накопила достаточный теоретический концептуарий, который необходимо использовать на практике — при анализе текстов. С учетом междисциплинарного подхода, обусловленного господствующей научной парадигмой, текст вне зависимости от стилистической и жанровой принадлежности рассматривается не только в единстве формы и содержания, но и как междисциплинарная единица, охватывающая «любые знаковые последовательности» (Н.С. Валгина) и находящаяся на стыке психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики и других гуманитарных наук.

Как известно, способность понять текст, постичь его сущность зависит от ряда факторов, траектория которых простирается от формальных до концептуальных. Г.И. Богин предложил типологию понимания текста, соотносимую со структурой языковой личности: 1) семантизирующее; 2) когнитивное; 3) распредмечивающее понимание [Богин 1984].

Нередко сложности возникают при семантизирующем понимании, если читатель сталкивается со словом узкой сферы употребления, находящемся на периферии языковой системы, или незнакомой паремией, иноязычным вкраплением и др. Тогда одним из шагов к постижению текста является метаязыковой коммен-

тарий, данный писателем. По мнению Л.Ю. Петровой, художественные дефиниции позволяют «определить роль творческой рефлексии языковой личности» [Петрова 2011: 43].

Цель данной статьи — определить особенности введения в текст художественного произведения различных типов метаязыкового комментария, выявив при этом индивидуально-авторские предпочтения.

МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММЕНТАРИЙ И ЕГО ВИДЫ

К метаязыковому комментарию мы относим случаи интерпретации значения различных лексико-фразеологических единиц: перевод с иностранного языка на родной, семантизацию слов узкой сферы употребления, авторскую самодефиницию (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко) при объяснении смысловых нюансов, «обертонов смысла» (Б.А. Ларин), а также различные способы коммуникативного выражения: от формального — определения типа языковой единицы (пословицы, афоризма и под.) — к промежуточному (оценка по шкале хорошо — плохо) — до концептуального [см. также: Ломакина 2014].

Трудности в восприятии текста могут возникать при использовании иноязычных вкраплений (ИВ), которые с XIX в. стали одной из стилистических черт русской художественной литературы. Этот факт Ю.Т. Листрова-Правда объясняет появлением двуязычия и называет фактором демократизации русского языка, начатой А.С. Пушкиным [Листрова-Правда 2001]. Дискурсивное изучение ИВ предполагает анализ соотношения контактирующих языков и может опираться на классификацию Ю.Т. Листровой-Правды, которая выделяет полное, частичное, контаминированное (русско-иноязычное вкрапление), нулевое ИВ [Листрова-Правда 2001: 119—120]. Наиболее сложной является верификация последнего вида, поскольку нулевое ИВ нередко представляет собой лишь аллюзию на общеизвестное ИВ.

Частотное использование ИВ можно также объяснить высоким уровнем владения иностранным языком, ориентацией на просвещенного читателя, светскостью литературного языка, благородным происхождением литературных персонажей, как правило, можно объяснить включение ИВ в текст художественного произведения без перевода или необходимого комментария. В качестве иллюстрации приведем реплики героев пьесы А.П. Чехова «Три сестры»:

Вершинин. *А вы читаете по-английски?*

Андрей. *Да. Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще по-итальянски. Но чего это стоило! (А.П. Чехов «Три сестры»).*

Анализ иллюстративного материала «Словаря иноязычных выражений и слов» и нашей картотеки показал, что в языке русских писателей (Н.С. Лесков, А.С. Пушкин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и др.) доминируют ИВ-галлицизмы и ИВ-галлицизмы по отношению к ИВ из других языков, что объяс-

няется культурной традицией в целом: фактом освоения русским языком ИВ-латинизмов, распространением в XIX в. французского языка, интересом к французской литературе, ее влиянием на русский литературный язык [Макарова 2016: 61]. Поэтому вполне логично отсутствие в тексте перевода ИВ. Однако существуют единичные контексты, когда писатели в художественном произведении приводят одновременно ИВ и его перевод на русский язык. Подобные примеры можно объяснить тем фактом, что читателю известен иноязычный вариант для обозначения данного понятия, в отличие от его русского аналога, поэтому используется один из видов графических маркеров — скобки, где писатель приводит общеизвестное ИВ. Например:

*Завидую нашей тишине, иностранцы не без ядовитости указывают, что мы сами как бы тяготимся ею. Что у нас, среди глубокого мира, от времени до времени, трубят рога и происходят так называемые усмирения (*répressions de la tranquillité*)* (М.Е. Салтыков-Щедрин «Помпадуры и помпадурши»).

Ср.: *répression de la tranquillité* (франц.) — ‘Подавление с успокоительной целью; усмирение’ [Бабкин 1994: 1118].

*К тому же в письме, очевидно, было более слов, чем дела. Тут говорилось о небе, о звездах, о *государствах неба (puissance du ciel)*, о цветах души, о каком-то идеале... о совершенной бессмыслице* (В.А. Соллогуб «Старушка»).

Ср.: *puissance du ciel* (франц.) — ‘Небесная держава, небесная сила’ [Бабкин 1994: 1074].

Кроме того, встречаются примеры, в которых писатель приводит не общеизвестный, а близкий, адаптированный к коммуникативной ситуации, т.е. контекстуально обусловленный, перевод ИВ:

*— Не влюбчивы ли вы? — Райский слегка покраснел. — Что, кажется, попал? — Почему вы знаете? — Да потому, что это тоже входит в натуру художника: она не чуждается ничего человеческого: *nihil humanum...* и так далее!* (И.А. Гончаров «Обрыв»).

Ср.: *Ni<hi>I humani a me alienum puto* — «Я считаю, что ничто человеческое мне не чуждо» [Бабичев 1997: 496].

Одним из «вечных» вопросов при переводе устойчивых единиц различной природы и структурной организации является подбор наиболее точного эквивалента из родного языка. Этим фактом можно объяснить наличие буквального перевода и подбор аналога в словарных статьях дву-/многоязычных словарей.

Следующий минимальный контекст показывает, что писатели, стараясь вплести ИВ и его перевод в ткань художественного произведения, приводят именно сосуществующий в языке, наиболее точный эквивалент, обладающий, как и большинство фразеологических единиц, экспрессивным переводом:

*Ведь он уж не в первый раз поддевает на эту штуку. На то, сударь, пошел: *aut Caesar, aut nihil* — или пан или пропал. До сих пор ему удавалось, а как раз промахнется, так и поминай как звали!* (М.Н. Загоскин «Рославлев, или Русские в 1812 году»)

Ср.: *Aut Caesar, aut nihil* — «Или Цезарь, или ничто (ср. рус. Или пан, или пропал)» [Бабичев 1997: 90].

Интересны контексты, содержащие не нормативный, а авторский, подчас ситуативно обусловленный перевод. В приведенном ниже примере замена компонента контекстуально обусловлена, а в качестве фразеологических актуализаторов выступают лексемы *упиваясь, не зная, на что смотреть*, в результате чего появляется индивидуально-авторский перевод ИВ, представляющий собой пример преобразований концептуального характера:

Cogito ergo sum — «путешествую, следовательно, наслаждаюсь» перевел я на этот раз знаменитое изречение, поднимаясь в носилках по горе и упиваясь необыкновенным воздухом, не зная, на что смотреть: на виноградники ли, на виллы, или на синее небо, или океан (И.А. Гончаров «Фрегат Паллада»).

Ср.: *Cogito, ergo sum* — «Я мыслю, следовательно, я существую» [Бабичев 1997: 129].

Отечественная художественная литература содержит примеры одновременно-го употребления ИВ на разных языках. В представленном примере русская этикетная формула *извините* предвзвешивает аналогичные на французском, немецком, итальянском, английском языках. В представленном ниже предложении благодаря нанизыванию ИВ создается ироничный оттенок по отношению к сложившейся языковой ситуации в изображаемый период:

Пропуская тысячи причин этих затруднений, я упомяну о тысяче первой.

Эта причина, — извините! — pardon! — verzeihen Sie! — scusate! — forgive me! — эта причина: наши дамы не говорят по-русски!! (В.Ф. Одоевский «Княжна Мими»)

«Авторская самодефиниция» помогает при формулировке лексического и фразеологического значений, прежде всего идеологем. Так, широко известный латинизм *nihil* благодаря роману И.С. Тургенева «Отцы и дети» входит в литературный язык, а лексема *нигилист* из потенциального слова становится общеупотребительным:

— Он *нигилист*, — повторил Аркадий. — *Нигилист*, — проговорил Николай Петрович. — Это от латинского *nihil*, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает? — Скажи: который ничего не уважает, — подхватил Павел Петрович и снова принялся за масло. — Который ко всему относится с критической точки зрения, — заметил Аркадий. — А это не все равно? (И.С. Тургенев «Отцы и дети»)

Таким образом, авторская семантизация помогает не только при описании характера Базарова, главного героя романа, но и при определении смыслового оттенка лексемы, что важно для лексикографической практики, в том числе при составлении словаря языка И.С. Тургенева.

ИВ-галлицизм *comme il faut* в XIX в. являлся общеупотребительным многозначным фразеологизмом, а для языка Л.Н. Толстого стал тезаурусообразующей единицей. Писатель употребляет этот галлицизм не только в нетранслитерированном виде, но и прибегает к агглютинации ФЕ: *comme il faut* → *комильфотный* → *комильфотность*. Кроме того, зафиксирован случай графического смешения *comme il faut*'ность [Ломакина 2016: 241].

При определении значения этого ИВ важно обращение к текстам писателя:

*Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей **comme il faut** и на **comme il ne faut pas**. Второй род подразделялся еще на людей собственно не **comme il faut** и простой народ. Людей **comme il faut** я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но в сущности ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Мое **comme il faut** состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти (Л.Н. Толстой «Юность»).*

*Судебным следователем Иван Ильич был таким же **comme il faut**'ным, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающим общее уважение, каким он был чиновником особых поручений (Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»).*

*Иван Ильич сам взялся за устройство, выбирал обои, подкупал мебель, особенно из старья, которому он придавал особенный **комильфотный** стиль, обивку, и все росло, росло и приходило к тому идеалу, который он составил себе. Когда он до половины устроился, его устройство превзошло его ожиданье. Он понял тот **комильфотный**, изящный и не пошлый характер, который примет все, когда будет готово (Л.Н. Толстой «Смерть Ивана Ильича»).*

Как показывают представленные примеры, галлицизм *comme il faut* — идеал для писателя во всем: его герои с уважением и почитанием относятся к таким людям, создают подобную обстановку, что позволяет говорить о расширении сочетаемости прилагательного *комильфотный* в значении «приличный», поскольку в последнем контексте таким образом характеризуется не человек, а стиль, обстановка помещения. Однако «после духовного перелома, когда изменилась система ценностей и ушли в прошлое юношеские идеалы, Толстой противопоставляет себя *comme il faut*'ным людям, нередко осуждая их. Здесь следует обратиться к мемуарному наследию Л.Н. Толстого, поскольку характеристика тезаурусообразующих единиц должна проводиться в текстах разных стилей и жанров» [Ломакина 2016: 146].

Одним из лексико-фразеологических средств, требующим разъяснения в целях адекватного понимания текста, является трактовка значений единиц социального или территориального диалекта. Б.А. Ларин в статье «Диалектизмы в языке советских писателей» (1935), говоря об использовании писателями слов узкой сферы употребления, склоняется к введению в текст семантических идиом диалектов как «наиболее эффективных языковых средств при создании образа» [Ларин 1974: 233]. Ученый крайне негативно отзывался о тех писателях, которые включают обозначенные единицы как декорацию: будучи нагромождением, они не способствуют читательскому пониманию текста.

Следует сказать о существующей в русской литературе XIX в. традиции введения в контекст локальной (диалектной) лексики и фразеологии. И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой одними из первых стали употреблять диалектизмы в текстах произведений. Так, И.С. Тургенев в цикле рассказов «Записки охотника» по-разному

объясняет незнакомые читателю реалии. Например, в рассказе «Бежин луг» писатель приводит следующую информацию: «*Дворцом* называется у нас место, по которому вода бежит на колесо; казюли — *По-орловскому*: змеи, в «Хоре и Калиныче» — *Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живальй»* (как у нас в Орле говорится), *наслушался вдоволь*, в «Певцах» — *Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом*. Как видно из примеров, писатель использует как вставные конструкции, так и сноски, где сообщает информацию о том, где и кто так говорит; кроме того, применяет графические маркеры — кавычки. Однако нами не обнаружены примеры, содержащие информацию о типе языковой единицы, а также писатель не выражает своего отношения к приводимым лексемам, фразеологизмам, лишь фиксируя их значение. Той же традиции объяснения диалектизмов придерживается и Д.Н. Мамин-Сибиряк:

Но зауральский мужик совсем не того типа, к какому привык глаз в великорусских губерниях. Здесь живет народ «естевой», то есть зажиточный (вероятно, от слова: есть), «народ-богатеи», если сравнить с «Расеей». Матушка Сибирь вспола, вскормила его и на ноги поставила. На привольных местах окреп тот же самый народ, раздобрел. Недаром славятся сибиряки своей смышленостью и промышленным характером. Под боком киргизская степь, Обь с своими притоками; позади стеной подымается Урал — было где поучиться зауральскому мужику уму-разуму (Д.Н. Мамин-Сибиряк «В худых душах»).

Кроме пояснительной конструкции, как в предыдущем примере, писатель использует сноски, где приводит семантизацию слова: *Доспиеет — поспеет*.

В произведениях Л.Н. Толстого диалектный материал дается без пояснений, что, несомненно, затрудняет восприятие текста:

*Матрена. ...Все семьдесят семь уверток знаю. Вижу, ягодка, зачиврел, зачиврел твой-то старик. С чем тут жить? Его вилами ткни, кровь не пойдет. Глядишь, на весну похоронишь. **Принять во двор** кого-нибудь да надо. А сынок чем не мужик? Не хуже людей («Власть тьмы», д. 1, явл. 10).*

Ср.: *принять во двор* — «юж., обвенчаться, жениться» [Даль 1978: 588].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранный и проанализированный нами материал позволил выявить виды метаязыкового комментария в зависимости от следующих факторов:

- 1) от языка используемой, необходимой для перевода или объяснения языковой единицы: русский/иностраные языки;
- 2) от сферы употребления: территориально ограниченная лексика и фразеология — диалектное (областное) слово или фразеологическая единица;
- 3) при авторской семантизации (авторской «самодефиниции» — термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко): если разъясняется значение знакомого слова/фразеологизма, которое важно для понимания авторского мировоззрения, восприятия текста, характеристики языковой личности писателя в целом;
- 4) при определении типа единицы и своего отношения к ней.

Кроме того, писатели используют графические маркеры. Проанализированные контексты содержат примеры корреляции обозначенных выше факторов.

«Декодирование» единиц текста происходит более органично, если читатель располагает информацией «из первых рук»: именно писательский комментарий, не всегда профессиональный, позволяет точнее и органичнее авторские интенции и станет ключом к пониманию текста художественной литературы.

Данная тема имеет ряд перспектив. Обозначим векторы изучения: сравнительное исследование текстов разной стилистической отнесенности, отдельное рассмотрение текстов писателей — профессионалов в другой сфере деятельности (например, при употреблении медицинской терминологии врачами М.А. Булгаковым, В.В. Вересаевым, А.П. Чеховым; морских профессионализмов моряками В.В. Конечким, В.С. Пикулем), анализ метаязыкового комментария писателями-билингвами. Следует сказать и о художественных текстах «текучей» современности, т.е. литературе сегодняшнего дня: здесь интересно рассмотреть диссонанс при употреблении сниженной лексики элитарной языковой личностью и явлении люмпенизации языка [см.: Осипов 2015: 33].

© Ломакина О.В.

Дата поступления: 28.08.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* (1997). Словарь латинских крылатых слов [*Babichev N.T., Borovskij Ja.M. Dictionary of Latin winged words*] Москва: ТЕРРА.
2. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* (1994). Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода [*Babkin A.M., Shendecov V.V. Dictionary of foreign-language expressions and words used in Russian language without translation*]. Санкт-Петербург: «КВОТАМ».
3. *Богин Г.И.* (1984). Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов [*Bogin G.I. Model of linguistic persona in its relation to varieties of texts*]: Автореф. дис. ... доктора филол. наук: Ленинградский гос. университет, Ленинград.
4. *Даль В.* (1978). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 [*Dal' V. Explanatory Dictionary of the Russian language*]. Москва: Русский язык.
5. *Ларин Б.А.* (1974). Диалектизмы в языке советских писателей [*Larin B.A. Dialects in the language of Soviet writers*] // Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград: «Художественная литература». Ленинградское отделение.
6. *Листрова-Правда Ю.Т.* (2001). Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX—XX вв. [*Listrova-Pravda Ju.T. Foreign-language biblical inclusion in Russian literary language in XIX—XX centuries*] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. № 1.
7. *Ломакина О.В.* (2014). Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) [*Lomakina O.V. Proverbs in context: explication of communicative intent (based on textual material by Leo Tolstoy)*] // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. № 77.
8. *Ломакина О.В.* (2016). Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание [*Lomakina O.V. Phraseology in Leo Tolstoy's Language: linguistic commentary and lexicographical description*]: Дис. ... доктора филол. наук: Санкт-Петербургский гос. университет, Санкт-Петербург.
9. *Макарова А.С.* (2016). Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике [*Makarova A.S. The Features of Phraseologisms-Gallicisms Functioning in Modern French and Russian Publicism*]: Дис. ... канд. филол. наук: Российский университет дружбы народов, Москва.

10. *Осипов Г.В., Островская Т.А., Хачмафова З.Р., Ляушева С.А., Карабулатова И.С.* (2015). Специфика дискурса российской элиты в эпоху «текучей» современности как актуальная проблема этносоциокультурной безопасности [*Osipov G.V., Ostrovskaya T.A., Hachmafova Z.R., Lyausheva S.A., Karabulatova I.S.* Specific features of the Russian elite discourse in the era of «fluidal» modernity as actual problem of ethno-sociological and cultural safety] // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону: Издательство Уфимского государственного университета экономики и сервиса.
11. *Петрова Л.А.* (2011). Авторский метаязык в стилистике художественного текста [*Petrova L.A.* Author's metalanguage in the stylistics of a literary text] // Филологические заметки. № 1.

УДК: 801.73

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-130-137

THE WRITER'S METALINGUISTIC COMMENTARY AND ITS ROLE IN TEXT UNDESTANDING (exemplified by russian XIX century literature)

O.V. Lomakina

St. Tikhon's Orthodox University
Ilovajskaya str., 9, Moscow, Russia, 109451
rusoturisto07@mail.ru

Abstract. The article concerns all types of metalinguistic commentary given by the authors of Russian literature of the XIX century. The metalinguistic commentary makes the text understanding easier. The aim of this article is to analyze the metalinguistic methods of entry the foreign language inclusion, ideologemes, which are important for understanding the authors position and view of the world. The research shows all types of metalinguistic commentary which were defined based on different factors, namely according with the language used for translating the lexical unit; the sphere of usage; the authors semantization as well as defining the lexical unit type and his attitude to it. The article demonstrates the perspective of research, which means the comparison of the texts of different style, regarding the metalinguistic commentary in usage of sociolects, the analyses of the type of foreign language in the bilingual writers.

Key words: methalingvustic comment, fiction text, text understanding, Russian literature of the 19th century, foreign-language inclusion, ideologeme, vocabulary use narrow scope

УДК: 821.161.1:165:159.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-138-147

МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЖА (по рассказу А.П. Чехова «Моя жизнь»)

Л.А. Чернова, М.А. Дубова

Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, Коломна, Россия, 140410
mgosgi-fil@mail.ru

Статья посвящена анализу мыслительной деятельности главного героя рассказа А.П. Чехова «Моя жизнь» — Мисаила Полознева как компонента характеристики его личности, отражающего его мировосприятие, формирующего его оценочное отношение к реальности, движущего его поступками. Цель статьи — доказать, что основным средством выражения мыслительной деятельности персонажа является глагольная лексика, которую авторы анализируют с позиций ее семантической структуры, включающей интегральную и дифференциальные семы. В статье проанализировано 83 словоупотребления глаголов мысли, выполняющих в рассказе важную смыслообразующую функцию в аспекте презентации индивидуального сознания личности главного героя. В центре авторского внимания оказываются также объекты мыслей героя, выраженные преимущественно номинативными номинациями и конкретизирующими его мыслительный процесс. Проведенный анализ мыслительного дискурса Мисаила Полознева позволяет сделать обоснованный вывод о том, что через разнообразие реализуемых сем мыслительных глаголов автором раскрывается зрелое восприятие героем действительности, а также убедительность его поведенческой системы.

Ключевые слова: мыслительная деятельность, мыслительный дискурс, глагольная лексика, интегральная сема, дифференциальная сема, смыслообразующая функция, индивидуальное сознание

ВВЕДЕНИЕ

Мыслительная деятельность персонажа представляет собой существенный компонент характеристики его личности, отражающий его мировосприятие, формирующий оценочное отношение к реальности, движущий поступками [Чернова, Дубова 2015]. Основным средством выражения мыслительной деятельности является глагольная лексика с семантической структурой, включающей интегральную и дифференциальные семы.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ СЕМА ГЛАГОЛОВ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В качестве интегральной семы глаголов мыслительной деятельности выступает сема глагола *думать* — ‘направлять мысли на что-нибудь’ [Ожегов, Шведова 2004: 182]. Данная сема свойственна следующим мыслительным глаголам в рассказе «Моя жизнь»:

думать — 10 словоупотреблений: 1) ...*Моя деятельность в сфере учебной и служебной не требовала ни напряжения ума, ни таланта, ни личных способно-*

стей, ни творческого подъема духа: она была машинной, такой умственный труд я ставлю ниже физического, презираю его и **не думаю**, чтобы он хотя одну минуту мог служить оправданием праздной, беззаботной жизни, так как сам он не что иное, как обман, один из видов той же праздности [Чехов 1983: 22]; 2) *И как я хотел проникнуться сознанием свободы, хотя бы на одно это утро, чтобы **не думать** о том, что делалось в городе, **не думать** о своих нуждах, не хотеть есть* [Чехов 1983: 32]; 3) *Шел ли я по улице, работал ли, говорил ли с ребятами, я все время **думал** только о том, как вечером пойду к Марии Викторовне, или вообразил себе ее голос, смех, походку* [Чехов 1983: 61]; 4) *В темноте под дождем я почувствовал себя безнадежно одиноким, брошенным на произвол судьбы, почувствовал, как в сравнении с этим моим одиночеством, в сравнении со страданием, настоящим и с тем, которое мне еще предстояло в жизни, мелки все мои дела, желания и все то, что я до сих пор **думал**, говорил* [Чехов 1983: 62]; 5) *И, не отдавая себе ясно отчета в том, что я делаю, я изо всех сил дернул за звонок у ворот Должикова, порвал его и побежал по улице, как мальчишка, испытывая страх и **думая**, что сейчас непременно выйдут и узнают меня* [Чехов 1983: 62]; 6) *Я все **думал**: как отнесутся ко мне знакомые, узнав о моей любви?* [Чехов 1983: 64]; 7) *Я уже **не думал** о том, как добыть себе пропитание, как жить, а думал — право, не помню о чем* [Чехов 1983: 64]; 8) *По целым часам я просиживал на одном месте, **думая** только о том, какой великолепный человек Маша, какой это чудесный человек* [Чехов 1983: 72]; 9) *Подобные рассуждения сбивали меня, и я не знал, что **думать*** [Чехов 1983: 79]; 10) *У той — Америка и кольцо с надписью, **думал** я, а у этого — докторская степень и ученая карьера, и только я и сестра остались при старом* [Чехов 1983: 94];

подумать — 1 словоупотребление: *И уже никто из встречных, глядя на нее, не мог бы **подумать**, что она только что шла рядом со мною и даже ласкала ребенка* [Чехов 1983: 99];

задумать — 1 словоупотребление: *По-видимому, он что-то **задумал**, и мне кажется, он хочет показать тебе пример великодушия и первый говорит о примирении* [Чехов 1983: 65];

обдумать — 1 словоупотребление: *До Макарихи, куда я вел ее, было ходьбы всего минут двадцать, и, странное дело, за такое короткое время мы успели припомнить всю нашу жизнь, мы обо всем переговорили, **обдумали** наше положение...* [Чехов 1983: 88];

полагать — 1 словоупотребление: *Я узнал, что имение, в котором я теперь находился, еще недавно принадлежало Чепраковым и только прошлой осенью перешло к инженеру Должикову, который **полагал**, что держать деньги в земле выгоднее, чем в бумагах, и уже купил в наших краях три порядочных имения с переводом долга...* [Чехов 1983: 34];

вообразить — **вообразить** — 3 словоупотребления: 1) *Мой отец брал взятки и **вообразал**, что это дают ему из уважения к его душевным качествам...* [Чехов 1983: 30]; 2) *Мне опять попалась модная картинка с платьем, которое ей понравилось, и я **вообразил** себе ее на балу с веером, с голыми плечами, блестящую, роскошную, знающую толк и в музыке, и в живописи, и в литературе,*

и какую маленькою, короткою показалаась мне моя роль [Чехов 1983: 82]; 3) *Я вообразил себе, и тут же мне на память приходили люди, все знакомые люди, которых медленно сживали со света их близкие и родные...* [Чехов 1983: 88];

представиться — 1 словоупотребление: *Мне представилось, что сейчас должна прийти сестра и принести мне ужин, но тотчас же я вспомнил, что она больна и лежит в доме Родьки* [Чехов 1983: 94];

рассудить — 1 словоупотребление: *Возвращаясь потом домой, я вспомнил, что инженер за ужином два раза сказал мне «любезнейший», и я рассудил, что в этом доме ласкают меня, как большого несчастного пса, отбившегося от своего хозяина* [Чехов 1983: 61].

В качестве мыслящего субъекта в рассказе А.П. Чехова «Моя жизнь» выступает главный герой Мисаил Полознев, сын дворянина — архитектора Полознева. На что же направлены мысли Мисаила, от имени которого ведется повествование?

Объектом осмысления героя являются его канцелярские занятия, которые не имеют ничего общего с занятиями умственными, поэтому не могут удовлетворить Мисаила. Он приходит также к мысли, что его отцу дают взятки не из уважения к его душевным качествам. Почти не имея материальных средств на жизнь, герой думает о хлебе с маслом. Познакомившись с Марией Викторовной Должиковой, Мисаил испытывает к ней чувство любви и думает о том, как вечером пойдет к ней. На фоне своих искренних чувств к Марии Викторовне все свои дела, желания, думы, слова он считает мелкими. Свои отношения с девушкой он воспринимает как неравные, случайные и в любой момент ожидает изгнания из ее общества. Мисаила беспокоит реакция знакомых на его любовь. В этот период он не думает о том, как добыть еду, а думает о том, какой чудесный человек Маша. После расставания с Машей Мисаил мысленно представляет в качестве символа разлуки Америку, куда уезжает его возлюбленная с отцом, и символическое кольцо разлуки, а в качестве символа разлуки сестры Клеопатры и ее возлюбленного доктора Благово — докторскую степень и ученую карьеру. Во время редких встреч с Аней Благово, которая искренне любит Мисаила, он думает о том, что Аня никогда не позволит себе прилюдно общаться с ним.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМЫ ГЛАГОЛОВ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В качестве дифференциальных в тексте выступают следующие семы глаголов мысли:

- 1) уяснить смысл, значение чего-нибудь, познать;
- 2) сохранять в памяти что-либо;
- 3) иметь сведения о чем-нибудь.

Первая дифференциальная сема глаголов мыслительной деятельности

Первая дифференциальная сема свойственна следующим глаголам мысли в тексте рассказа «Моя жизнь» (всего 23 словоупотребления):

понимать — 9 словоупотреблений: 1) *Я любил эту зелень, тихие солнечные утра, звон наших колоколов; но люди, с которыми я жил в этом городе, были мне*

скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любил и **не понимал** их [Чехов 1983: 29]; 2) Я **не понимал**, для чего и чем живут все эти шестьдесят пять тысяч людей [Чехов 1983: 30]; 3) Очень богатые люди, которых у нас в городе можно было насчитать десятка три и которые, случалось, проигрывали в карты целые имения, тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили с азартом о займе — и я **не понимал** этого; мне казалось, было бы проще взять и выложить эти 200 тысяч из своего кармана [Чехов 1983: 30]; 4) При моем большом росте и крепком сложении мне приходилось есть вообще мало, и потому главным чувством моим в течение дня был голод, и потому, быть может, отлично **понимал**, почему такое множество людей работает только для куска хлеба и может говорить только о харчах [Чехов 1983: 32]; 5) Штукатуры говорили про десятника и про какого-то Федота Васильева, я **не понимал**, и мною мало-помалу овладела тоска, — тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и все свое большое тело и не знаешь, что делать с ними, куда деваться [Чехов 1983: 32]; 6) Меня будили и усаживали за стол ужинать, меня одолевала дремота, и я, как в забытьи, видел огни, лица, тарелки, слышал голоса и **не понимал** их [Чехов 1983: 73]; 7) С доктором теперь она говорила охотнее, чем со мной, и я **не понимал**, отчего это так [Чехов 1983: 73]; 8) Все двигалось, все шумело вокруг, один я стоял, прислонившись к кулисе, пораженный тем, что произошло, **не понимая**, не зная, что мне делать [Чехов 1983: 87]; 9) И теперь, ставши подрядчиком, я **понимаю**, как это из-за грошового заказа можно дня по три бегать по городу и искать кровельщиков [Чехов 1983: 98];

понять — 6 словоупотреблений: 1) Ведь весь вопрос стоял просто и ясно и только касался способа, как мне добыть кусок хлеба, но простоты не видели, а говорили мне, слащаво округляя фразы, о Бородине, о святом огне, о дяде, забытом поэте, который когда-то писал плохие и фальшивые стихи, грубо обзывали меня безмозглою головой и тупым человеком. А как мне хотелось, чтобы меня **поняли** [Чехов 1983: 21]; 2) Они **поняли**, что мне тут не нравится, и у сестры навернулись слезы, а Анюта Благово стала красной [Чехов 1983: 36]; 3) Одни смотрели на меня как на чудака и шута, другим было жаль меня, третьи не знали, как относиться ко мне, и **понять** их было трудно [Чехов 1983: 41]; 4) Она опьянела от нашего счастья и улыбалась, будто вдыхала в себя сладкий чад, и, глядя на нее во время нашего венчания, я **понял**, что для нее на свете нет ничего выше любви, земной любви, и что она мечтает о ней тайно, робко, но постоянно и страстно [Чехов 1983: 65]; 5) Чего-то мне стало жаль, а чего именно — не знаю; присутствие доктора почему-то было уже неприятно; и я никак не мог **понять**, что может выйти из этой их любви [Чехов 1983: 78]; 6) — И я тоже прошу вспомнить, — сказал я, — на этом самом месте я умолял вас **понять** меня, вдуматься, вместе решить, как и для чего нам жить, а вы в ответ заговорили о предках, о бабушке, который писал стихи [Чехов 1983: 96];

сознавать — 4 словоупотребления: 1) Я жил теперь среди людей для которых труд был обязателен и неизбежен и которые работали, как ломовые лошади, часто **не сознавая** нравственного значения труда и даже никогда не употребляя в разговоре самого слова «труд»... [Чехов 1983: 40]; 2) По целым часам, пока было семь, восемь, девять, пока за окнами наступала осенняя ночь, черная, как сажа,

я осматривал ее старую перчатку, или перо, которым она всегда писала, или ее маленькие ножницы; я ничего не делал и ясно **сознавал**, что если раньше делал что-нибудь, если пахал, косил, рубил, то потому только, что этого хотела она [Чехов 1983: 81]; 3) Я переживал и бойню и объяснение с губернатором и в то же время смутно **сознавал**, что этого нет на самом деле [Чехов 1983: 93]; 4) — **Сознаю**, я виноват во многом, но зачем же эта ваша жизнь, которую вы считаете обязательною и для нас, — зачем она так скучна, так бездарна, зачем ни в одном из этих домов, которые вы строите вот уже 30 лет, нет людей, у которых я мог бы научиться, как жить, чтобы не быть виноватым [Чехов 1983: 96];

сообразить — 2 словоупотребления: 1) Походив по крайней мере с два часа, я заметил, что от станции куда-то вправо от линии или телеграфные столбы и через полторы — две версты оканчивались у белого каменного забора; рабочие сказали, что там контора, и, наконец, я **сообразил**, что мне нужно именно туда [Чехов 1983: 32]; 2) До Макарихи, куда я вел ее, было ходьбы всего минут 20, и, странное дело, за такое короткое время мы успели припомнить всю нашу жизнь, мы обо всем переговорили, обдумали наше положение, **сообразили**... [Чехов 1983: 88];

угадать — 1 словоупотребление: 1) Такие известия волновали меня, я не мог спать и, случалось даже, ходил ночью по Большой Дворянской мимо нашего дома, взглядывая в темные окна и стараясь **угадать**, все ли дома благополучно [Чехов 1983: 42];

заключить ('понять') — 1 словоупотребление: 1) Я заметил, что когда к ней приходили за деньгами, сначала обращались к Моисею, и раз я видел, как какой-то мужик, весь черный, должно быть, угольщик, кланялся ему в ноги; иногда, пошептавшись, он выдавал деньги сам, не докладывая барыне, из чего я **заклучил**, что при случае он оперировал самостоятельно, за свой счет [Чехов 1983: 68].

Что познает и проясняет для себя герой рассказа?

Глаголы мысли первой дифференциальной семы свидетельствуют, что герой выражает непонимание людей, живущих в его городе, которые проигрывают целые имения, но не хотят тратить деньги на городской водопровод. Мисаил сознает, что жизнь, которую навязывал ему отец, скучна и бездарна, и потому нет смысла ей следовать. Выбрав физическую работу в качестве способа заработка, убеждая отца в своей правоте, Мисаил больше всего хочет, чтобы тот его понял.

Герою трудно понять окружающих, которые выражают неуважительное отношение к нему. Вращаясь среди рабочих, Мисаил понимает, что они воспринимают труд как естественное занятие, не заботясь о его духовном назначении. В связи с постоянным чувством голода герой хорошо понимает тех, кто работает за кусок хлеба и мыслить может только о еде.

Оказавшись в Дубечне по распоряжению инженера Должикова, видя беспорядочность осуществляемых здесь работ, Мисаил озабочен неопределенностью положения дел и своих занятий. Его беспокоят отношения сестры Клеопатры с доктором Благово и странная ее отчужденность. В момент обнаружения беременности Клеопатры на сцене драматического кружка Мисаил осознает свою беспомощность и беззащитность. Став подрядчиком, он понимает необходимость поисков работы.

Во время своего венчания с Машей Мисаил понимает восторженное состояние сестры, которая всегда страстно мечтала о любви.

С отъездом Маши из Дубечни Мисаил осознает, что без нее ему здесь делать нечего, так как все, что он делал, было только для нее.

Вторая дифференциальная сема

Вторая дифференциальная сема свойственна следующим глаголам мысли (всего 20 словоупотреблений) в тексте рассказа А. П. Чехова «Моя жизнь»:

помнить — 6 словоупотреблений: 1) *Все-таки маленькая польза! — сказал я себе в утешение, пряча эту копейку, и с того времени уличные мальчишки и гимназисты прозвали меня маленькой пользой; да и теперь еще мальчишки и лавочники, случалось, дразнили меня так, хотя, кроме меня, уже никто **не помнил**, откуда произошло это прозвище [Чехов 1983: 33]; 2) Он красил, вставлял стекла, оклеивал стены обоями и даже принимал на себя кровельные работы, и я **помню**, как он, бывало, из-за ничтожного заказа бегал дня по три, отыскивая кровельщиков [Чехов 1983: 39]; 3) *Весь август непрерывно шли дожди, было сыро и холодно; с полей свозили хлеба, и в больших хозяйствах, где косили машинами, пиеница лежала не в копнах, а в кучах, и я **помню**, как эти печальные кучи с каждым днем становились все темнее и зерно прорастало в них [Чехов 1983: 47]; 4) Я **помню** высокую лестницу с полосатым ковром и молодого чиновника во фраке со светлыми пуговицами, который молча, двумя руками указал мне на дверь и побежал доложить [Чехов 1983: 56]; 5) Я не знал, зачем я пришел к отцу, но **помню**, когда я увидел его тощее лицо, красную шею, его тень на стене, то мне захотелось броситься к нему на шею и, как учила Аксинья, поклониться ему в ноги; но вид дачи с готическими окнами и с толстой богиней удержали меня [Чехов 1983: 95]; 6) Я махнул рукой и вышел. Затем **не помню**, что было ночью и на другой день [Чехов 1983: 97];**

вспомнить — 7 словоупотреблений: 1) Я **вспомнил**, что Анюта Благово за все время не сказала со мной ни одного слова [Чехов 1983: 38]; 2) Я не знал и не любил сельского хозяйства и хотел было рассказать ей, что сельское хозяйство есть рабское занятие, но **вспомнил**, что нечто подобное было не раз говорено моим отцом, и промолчал [Чехов 1983: 59]; 3) Возвращаясь потом домой, я **вспомнил**, что инженер за ужином два раза сказал мне «любезнейший», и я рассудил, что в этом доме ласкают меня, как большого несчастного пса, отбившегося от своего хозяина, что мною забавляются, и, когда я надоем, меня прогонят, как пса [Чехов 1983: 61]; 4) И я **вспомнил**, живо **вспомнил**, как весной, утром, она пришла ко мне на мельницу, легла и укрылась полушубочком — ей хотелось походить на простую бабу [Чехов 1983: 94]; 5) Мне представилось, что сейчас должна прийти сестра и принести мне ужин, но тотчас же я **вспомнил**, что она больна и лежит в доме Родьки, и мне показалось странным, что я перелез через забор и лежу в нетопленной хибарке [Чехов 1983: 94]; 6) — И я тоже прошу **вспомнить**, — сказал я, — на этом самом месте я умолял вас понять меня, вдуматься, вместе решить, как и для чего нам жить, а вы в ответ заговорили о предках, о дедушке, который писал стихи [Чехов 1983: 96];

вспоминать — 1 словоупотребление: *Бродя тоже по кучам, не зная, что делать, я вспоминал, как инженер на мой вопрос, в чем будут заключаться мои обязанности, ответил: «Там увидим!»* [Чехов 1983: 32];

вспоминаться — 1 словоупотребление: *С заказчиками они держали себя, как лукавые царедворцы, и мне почти каждый день вспоминался шекспировский Полоний* [Чехов 1983: 42];

припомнить — 1 словоупотребление: *До Макарихи, куда я вел ее, было ходьбы всего минут 20, и, странное дело, за такое короткое время мы успели припомнить всю нашу жизнь, мы обо всем переговорили, обдумали наше положение, сообразили»* [Чехов 1983: 88];

припомниться — 1 словоупотребление, «приходить на память» — 1 словоупотребление: *Я воображал себе, и тут же мне приходили на память люди, все знакомые люди, которых медленно сживали со света их близкие и родные, припомнились собаки, сходившие с ума, живые воробьи, оципанные мальчишками догола и брошенные в воду...* [Чехов 1983: 88];

припоминаться — 1 словоупотребление: *Или вот сажусь у дороги и закрываю глаза, чтобы отдохнуть, прислушаться к этому чудесному майскому шуму, и мне припоминается, как пахнет горячий картофель* [Чехов 1983: 32];

забывать — 1 словоупотребление: *Приехал из Петербурга инженер Виктор Иваныч, о существовании которого я уже стал забывать* [Чехов 1983: 59].

Что хранит в памяти главный герой рассказа «Моя жизнь»?

Герой помнит, как мальчишкой он заработал копейку, как маляр Родька с трудом добывает ничтожные заказы, как в дожди не успевали убирать хлеб с полей. Он помнит свое последнее увольнение со службы, свою последнюю встречу с отцом, который не хотел его понять.

При посещении дома Должикова он помнит снисходительную манеру обращения инженера с ним, что вызывает у Мисаила свое собственное сходство с большим несчастным псом, которому в любое мгновение могут отказать в общении.

После расставания с женой Машей Мисаил помнит подробности общения с нею.

Уводя беременную сестру подальше от людских глаз и разговоров за город, Мисаил вспоминает с ней всю предыдущую жизнь, знакомых людей, которых медленно убивали их близкие, обиженных собак и птиц.

Третья дифференциальная сема

Третья дифференциальная сема свойственна следующим глаголам мысли в рассказе «Моя жизнь» (всего 21 словоупотребление):

знать — 20 словоупотреблений: 1) *Наклонность к умственным наслаждениям, — например, к театру или чтению, — у меня была развита до страсти, но была ли способность к умственному труду, — не знаю* [Чехов 1983: 22]; 2) *По всей вероятности, настоящего умственного труда я не знал никогда* [Че-

хов 1983: 22]; 3) *Я знал, что Кимры добывают себе пропитание сапогами, что Тула делает самовары и ружья, что Одесса — портовый город, но что такое наш город и что он делает — я не знал* [Чехов 1983: 30]; 4) *Во всем городе я не знал ни одного честного человека* [Чехов 1983: 30]; 5) *Бродя тоже по кучам, не зная, что делать, я вспоминал, как инженер на мой вопрос, в чем будут заключаться мои обязанности, ответил: «Там увидим»* [Чехов 1983: 32]; 6) *Штукатуры говорили про десятника и про какого-то Федота Васильева, я не понимал, и мною мало-помалу овладела тоска, — тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и все свое большое тело и не знаешь, что делать с ними, куда девать* [Чехов 1983: 32]; 7) *Если пределы прогресса в бесконечности, как вы говорите, то, значит цели его не определены, — сказал я. — Жить и не знать определенно, для чего живешь* [Чехов 1983: 44]; 8) *Мне уже казалось странным, что раньше я не знал, например, что весь мир состоит из 60 простых тел, не знал, что такое олифа, что такое краски, и как-то мог обходиться без этих знаний* [Чехов 1983: 54]; 9) *Я знал, что мне уже не уснуть до утра, и, чтобы как-нибудь сократить время до 9 часов, я отправился вместе с ним* [Чехов 1983: 55]; 10) *Я не знал и не любил сельского хозяйства и хотел было сказать ей, что сельское хозяйство есть рабское занятие, но вспомнил, что нечто подобное было не раз сказано моим отцом, и промолчал* [Чехов 1983: 57]; 11) *Она обнимала и целовала Машу и, не зная, как выразить свой восторг, говорила ей про меня...* [Чехов 1983: 65]; 12) *Я не знал сельского хозяйства и не любил его; это, может быть, оттого, что предки мои не были земледельцами и в жилах моих текла чисто городская кровь* [Чехов 1983: 66]; 13) *Я метался, не зная, что делать* [Чехов 1983: 72]; 14) *Приходили целыми обществами к нам во двор и шумно заявляли, будто мы, когда косили, захватили край какой-нибудь не принадлежащей нам Бышеевки или Семёнихи; а так как мы еще не знали точно границ нашей земли, то верили на слово и платили штраф; потом же оказывалось, что косили мы правильно* [Чехов 1983: 74]; 15) *Чего-то мне стало жаль, а чего именно — не знаю; присутствие доктора почему-то было уже неприятно, и я никак не мог понять, что может выйти из этой их любви* [Чехов 1983: 78]; 16) *Подобные рассуждения сбивали меня, и я не знал, что думать* [Чехов 1983: 79]; 17) *Все двигалось, все шумело вокруг, один я стоял, прислонившись к кулисе, пораженный тем, что произошло, не понимая, не зная, что мне делать* [Чехов 1983: 87]; 18) *Она уже страстно любила своего маленького; его еще не было на свете, но она уже знала, какие у него глаза, какие руки и как он смеется* [Чехов 1983: 87]; 19) *Я не знал, зачем я пришел к отцу, но помню, когда я увидел его тощее лицо, красную шею, его тень на стене, то мне захотелось броситься к нему на шею и, как учила Аксинья, поклониться ему в ноги; но вид дачи с готическим окнами и с толстой башией удержал меня* [Чехов 1983: 95];

узнать — 1 словоупотребление: 1) *Я узнал, что имение, в котором я теперь находился, еще недавно принадлежало Чепраковым и только прошлой осенью перешло к инженеру Должикову, который полагал, что держать деньги в земле*

выгоднее, чем в бумагах, и уже купил в наших краях три порядочных имени с переводом долга [Чехов 1983: 54].

Какие сведения имеет главный герой рассказа «Моя жизнь»? Что он знает и чего не знает? Мисаил знает, что у него имеются склонности к умственному труду, но не знает о наличии способностей к нему, так как никогда не занимался им. Во всем городе, по выражению героя, нет ни одного честного человека. Именно в таком городе строятся дома по проекту его отца-архитектора, берущего взятки. Мисаил не мыслит жизни без работы, так как чувствует силу и энергию в своем теле и испытывает физическую тоску, когда работы нет. Он хочет знать, для чего живет. По его признанию, он не знал сельского хозяйства, но вынужден был заниматься им хотя бы ради любимой женщины.

По незнанию границ своих участков Мисаил и Маша платят бесконечные штрафы селянам якобы за использование чужих участков. В связи с этим обостряется вражда только что поселившихся в деревне молодоженов и постоянных ее обитателей. Ежедневная напряженность жития в Дубечне разрушает отношения между молодыми. Мисаил испытывает сожаление по этому поводу, и ему жаль своей любви. Кроме того, он осознает несостоятельность любовных отношений сестры Клеопатры и доктора Владимира Благово, так как знает, чем они закончатся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассказе А. П. Чехова «Моя жизнь» глаголы мысли (всего 83 словоупотребления) выполняют важную смыслообразующую функцию. Мыслительный дискурс главного персонажа анализируемого текста Мисаила Полознева позволяет наблюдать особенности реализации индивидуального сознания личности. Разнообразие реализуемых сем мыслительных глаголов свидетельствует о зрелом восприятии героем действительности, об убедительности его поведенческой системы.

© Чернова Л.А., Дубова М.А.

Дата поступления: 08.09.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (2004). Толковый словарь русского языка [Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. The defining dictionary of the Russian Language]. 4-е изд., доп. Москва: «А ТЕМП».
2. Чернова Л.А., Дубова М.А. (2015). Когнитивная лингвистика. Мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв. [Chernova L.A., Dubova M.A. Cognitive linguistics. Mental outlook of a character of the Russian prose on the turn of XIX—XX centuries]. Коломна: МГОСГИ.
3. Чехов А.П. (1983). Моя жизнь [Chekov A.P. My life] // Чехов А.П. Дом с мезонином. Повести и рассказы. Москва: Художественная литература.

УДК: 821.161.1:165:159.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-138-147

CHARACTER'S TRAIN OF THOUGHT (based on A.P. Chekhov's short story "My Life")

L.A. Chernova, M.A. Dubova

State University of Social and Human Studies

Zelenaya st., 30, Kolomna, Russia, 140410

mgosgi-fil@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the train of thought of A.P. Chekhov's short story "My Life" main character Misail Poloznev. It is analyzed as a component describing his personality, reflecting his world and reality perception and thus causing his decisions and behavior. The aim of the article is to prove that the main means to express the character's train of thought is his verbal lexicon which is analyzed by the authors from the point of view of semantic structure including integral and differential semes. The authors focus on the analysis of verbal language having semantic structure including integral and differential semes, which is the main vehicle for expressing train of thoughts. The article covers usage of 83 thought verbs which play the important role of sense making as part of the main character's individual consciousness implementation. The analysis performed allows conclude that through a diversity of implemented semes, the writer shows how maturely the character perceives reality, as well as power of his behavioral system.

Key words: train of thought, discourse of thought, verbal language, integral seme, differential seme, sense-making function, individual consciousness

УДК: 81'25:651.926

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-148-157

TRANSLATING FROM A LINGUA FRANCA IN THE SETTING OF EU TRANSLATION*

Klaudia Bednárová-Gibová

Institute of British and American Studies,
Faculty of Arts, University of Prešov
1, ul. 17 Novembra, Prešov, Slovak Republic, 080 01
klaudia.gibova@gmail.com

Abstract. This conceptual paper explores English as a *lingua franca* of the supranational translational EU culture by determining translational specificities of EU institutional-legal texts. Set against a specific linguistic and translational background, the problems of equivalence, terminological (in-)congruence, nature of the source text and institutionalization of translation are discussed in order to draw attention to the particularities of the EU's translational practice. Using a synoptic-interpretative approach, different ways of understanding EU discourse and translation are suggested in the paper.

Key words: English as a *lingua franca*, EU texts, EU translation, interpretation, equivalence, terminology, source text, institutionalization

INTRODUCTION

EU institutional-legal texts (hereafter referred to as 'EU texts') originate under substantial socio-cultural differences among the individual Member States. Therefore, they are marked by distinctive features which are to be considered in their translation into the other official languages¹. This paper aims to contextualize English as a *lingua franca* of the supranational communication, approximate EU texts as a specific discourse and identify its translational specifics which have been so far marginalized in specialized literature focusing on EU translation.

In their nature, EU texts are serious legal documents which are transposed into national legislation in each and every EU Member States. The bulk of EU legislation is known under the French term as so-called *acquis communautaire*. Every new country wishing to join the EU is obliged to translate the whole *acquis* into its mother tongue, which becomes a new official language in compliance with the EU's multilingual policy.

* Funding acknowledgement

This paper is part of the KEGA 007PU-4/2015 *Virtual interactive encyclopaedic English-Slovak and Slovak-English dictionary of general linguistics* and KEGA 030PU-4/2014 *English Stylistics (Discourse Analysis) a Blended-Learning Course* research grant projects.

¹ To date, there are twenty-four official languages of the EU, these being: Bulgarian, Croatian, Czech, Danish, Dutch, English, Estonian, Finnish, French, German, Greek, Hungarian, Irish, Italian, Latvian, Lithuanian, Maltese, Polish, Portuguese, Romanian, Slovak, Slovenian, Spanish and Swedish.

Hence, the translation of the *acquis* into the mother tongues of all the candidate countries prior to the 2004 wave of enlargement of the EU represented the most massive translation project ever materialized in the history of specialized translation. At the time, this was equivalent to well over 80,000 pages. Nowadays, according to the European Commission's estimates the *acquis acommunautaire* is believed to consist of over 160,000 pages [Bednárová-Gibová 2015: 43].

Even if EU translation has been performed by thousands of practitioners for a good number of decades its serious theoretical treatment started only in the 2000s. Current research avenues in EU translation are based on methodological eclecticism and combine the methods of comparative law, sociology of translation and critical discourse analysis (CDA).

1. ENGLISH AS A *LINGUA FRANCA* OF THE EU

Reference to English as a *lingua franca* (also known as a bridge language or vehicular language) seems to imply that a language is used systematically to make communication possible between people who do not share a native language. Despite the EU's multilingual policy fostering national languages, English has gained the unofficial role of a *lingua franca* for a number of pragmatic reasons. English a *lingua franca* in this communicative environment has been shaped by many linguistic factors which have contributed to its ever-changing shape.

EU texts are produced by a large number of authors from different linguistic and cultural backgrounds, who very often import their own drafting conventions, syntax and stylistic features into the (English) source text. The generic concepts and indefinite semantics of EU English make it a useful vehicular language for conveying compromises and ensuring a mixture of the Member States' national interests. On the other hand, the fuzziness and imprecision of English as a diplomatic tool may also lead to unwanted ambiguities and consequently to misinterpretations [Šarčević 2015: 9].

Traditional studies on global English frequently refer to Kachru's model of world-Englishes (1985) consisting of three concentric circles: an inner circle consisting of native-speaking countries, an outer circle where English is an official language and an expanding circle where English is learnt as an international language. Based on Kachru's approach, the inner circle is norm-providing since it contains proper standardized varieties of English, the outer is in the process of defining its own varieties and is therefore norm-developing and finally, the expanding circle is norm-dependent [see: Jenkins 2009: 18]. According to Felici [Felici 2015: 129] it proves difficult to classify EU English as a variety because it has no place in Kachru's model which does not take account of specialized use of English. Besides, EU English can be neither norm-providing nor norm-dependent because the EU institutions strive to avoid terminology linked to national legal systems so as to eliminate country-specific translation problems.

As a result of interactions among drafters (and translators) of different cultures and languages, the translation of EU texts dismisses the traditional concepts of a source text and a target text due to strong elements of deculturalization and the need to ensure uniform legal interpretation of all language versions. As noted by Dollerup [Dollerup 2004:

197], the source text becomes “a fluid and changeable mass of text, composed of recycled translation”. Another specificity of translating from a *lingua franca* is that EU translators impose neutral tone and general language that is neither source nor target text oriented, but functions as a common denominator [Šarčević 1997: 255]. Lexemes such as *subsidiarity*, *structural funds*, *public security*, *mainstreaming* or *financial envelope* may sound strange to the lay citizen, but they have similar equivalents in most EU official languages. In this way, EU drafters aim at developing common terminology. One may agree with Felici [Felici 2015: 138] who argues that English a *lingua franca* “seems to be the sort of English that best serves the Union’s needs in terms of providing acultural neutral expressions, ensuring efficiency and promoting uniformity of all language versions”.

2. EU TEXTS AS A DISCOURSE

Before pinning down translational specifics of EU translation, the determination of EU texts as a unique discourse should come first. EU texts can be perceived as follows:

1. Hybrid texts [Trosborg 1997; Schäffner and Adab 1997] as a product of translational process within globalization comprising linguistic and translational features which are ‘strange or out-of-place’ for the receiving culture in lexis, syntax and stylistics. Trosborg primarily views EU texts as hybrid *political* not legal texts.

2. Reproduced texts [Kjaer 2015] / Linguistic precedents [McAuliffe 2009] which originate in a specific intercultural space at the intersection of many cultures. Reproduced texts are not based on the semantics of a source text, but on a ‘linguistic precedent’, i.e. the surface level of the wording of prior and parallel texts.

3. Language matrices [Gibová 2010] / Mirror images [Sosoni 2010]) where the template-like nature of EU texts is a consequence of the institutional standardization of their form and linguistic facet, which is manifested by the creation of a homogeneous discourse, that is, by the use of identical means of the language inventory by imitating (the English) source texts.

4. Horizontal texts which have the same meaning [Robertson 2012]. This means that EU texts require a synoptic text approach, i.e. EU texts may be imagined in all their language versions synchronically next to each other and may be semantically compared (However, it should be noted that Robertson’s interpretation needs to be examined critically from a point of view of cognitive linguistics. According to major semantic theories, especially to the Sapir-Whorf hypothesis, the construal of meaning is always language specific. Thus, it is not feasible to map out the source language network of concepts on the target language network with utter precision. Moreover, in EU multilingualism there is a supranational pan-European linguistic view of the world which is reflected in the country-specific perspectives of the Member States. Hence, at least the *identical legal* effect (emphasis added) ought to be achieved in this sort of specialized translation, as called for by Šarčević [Šarčević 1997; 2015]).

In the attempt to define EU translation, function of the texts under discussion appears vital. Šarčević [Šarčević 1997: 215] argues that the function or *skopos* of EU texts lies in the “fidelity to a single instrument”, i.e. all authentic language versions

of a single legal text represent *de facto* a single text. This implies then that EU translation should be based on such translation solutions which would fully respect their text function and which would comply with the requirements imposed on these texts in specialized communication. Ramos [Ramos 2014: 314] adduces the following key requirements for EU texts: maximum precision due to achieving semantic unambiguity, formal interlinguistic concordance, harmonization of terminology and intra- and inter-textual consistency.

Based on Kjaer's latest interpretation [Kjaer 2015: 93], EU translation involves the reproduction of hybrid texts in twenty-four languages. In this manner, a supranational typological discourse originates in each EU's official language. Hence, it is not the translator's role to adapt EU texts to national legislation texts, but to keep them in the unchanged form. This accounts for why EU translators do not embark on a domesticating journey when they transcreate them into the other languages; why they do not try to get hold of their own language and culture. In my view, EU texts may be viewed as a linguistic imitation of a proto-text (proto-text is a term borrowed from a pre-eminent Slovak translation studies scholar Popovič. The term may be considered synonymous with source text) in order to achieve interlinguistic concordance in all official languages of the EU, which leads to hybrid/reproduced or mirror texts with the identical legal effect.

When contextualizing EU texts in translation theory, EU texts may be approached as retrospective, documentary and semantic translations even though it is necessary to free oneself from structuralist binary oppositions which tend to oversimplify things. Retrospective translation is oriented towards a source text, which is the case of EU translation where the source text holds a strong status, just like in any other kind of legal translation. Documentary translation retains most aspects of the source text (i.e. its morphological, syntactic and lexical structures) so the recipient is well aware of the presence of foreign elements in the target text. One does not succumb to the illusion that they read the original. A certain parallel to documentary translation is represented by Newmark's semantic translation which is marked by a great respect for the source text. Here the translator transfers not only the meaning, but also the form of the original and is heedful of the syntactic structures and stylistic peculiarities of the source text, which is also a reality in EU translation.

A salient translational feature of EU texts is that EU institutions author not only the source text, but also the target text. In this way, 'self-translation' [see: Koskinen 2008] takes place in the EU setting, which is a unique translational situation in comparison to any other sorts of translations. In self-translation, the *skopos* (in the sense of communicative function) of the source text and its translation remains constant. The constant communicative function of translated language versions creates the illusion that multilingual legislation is drafted simultaneously in all EU's official languages. This means that EU translation may be thought of as a legal co-drafting process which is in translational practice chronological. The next important trait of EU translation is that it is an automatized translation with a heavy use of CAT tools and terminological databases. This, however, does not mean that EU translation can be considered a form of machine translation where the presence of the human factor is markedly absent.

3. SPECIFICITIES OF EU TRANSLATION

In the following, three specificities of EU translation will be scrutinized: 1. the problem of equivalence, 2. the problem of terminological (in-)congruity and 3. the problem of the nature of the source text and institutionalization of EU translation.

3.1. The problem of equivalence

Equivalence has always been a thorny issue in legal translation. Proponents of equivalence-based theories often define equivalence as the relationship between a source text (ST) and a target text (TT) that allows the TT to be considered as a translation of the ST. (However, Pym has pointed out the problem of the circular relationship between equivalence and translation as equivalence defines translation and vice versa. One of Pym's interpretations [Pym 2010: 7] of equivalence has the following reading: “a relation of ‘equal value’ between a source language [term] and a target language [term] which can be established on any linguistic level from form to function”. This means that equivalence indicates that a SL term and TL term share some kind of sameness, implying an illusion of symmetry between languages). The equivalence-related translational problems are most visible in the translation of legal terms from one legal culture into another where the extent of their legal affinity is wide owing to various legal traditions. In international law, however, where EU texts belong, the situation is a tad simpler in the sense that these texts are drafted and subsequently translated against a relatively unified legal background. According to Sandrini [Sandrini 1999: 15] “the notional equivalence is given and potential problems are only of linguistic or textual nature” (translated by author from the German original. — K.B.).

In light of recent approaches, though, the equivalence with respect to EU translation should be re-considered [Künnecke 2013: 248]. Even if equivalence is commonly defined in translation theory in relation to functional constancy between a source text and target text, in EU translation it has, based on the principle of equal authentic texts (PEAT), an *a priori* understanding [see: Doczekalska 2005]. A specific feature of EU texts is that they are equivalent not only with the source text, but also with all language versions of a given text. Koskinen [Koskinen 2000: 51] dubs this equivalence existential equivalence. Despite advances in the equivalence theory where it stands as a relative notion influenced by a variety of linguistic and cultural factors, Koller's approach [Koller 1992: 228—253] still appears suitable when interpreting EU equivalence. In my view, Koller's denotative and text-normative equivalence play a pivotal role in multilingual EU translation for two reasons. Firstly, correct and legally binding terms require the achievement of denotative equivalence. Secondly, EU translation requires respect for text-forming conventions which are already in use in EU institutions: there is synchronization of language versions based on the synoptic approach in *Interinstitutional Style Guide*, which contributes to a higher uniformity of EU texts. Koller's connotative and formal-aesthetic equivalence are not applicable to EU translation owing to its legal nature where there is no room for connotations and author's idiolect. From a pragmatic point of view, EU texts have the same legal effect on the receiving culture due to their specific position in every Member State. For this reason, it is not necessary to accommodate their pragmatic equivalence to the target setting.

3.2. The problem of terminological (in-)congruence

Terminology is yet another vexing issue in legal translation not excluding EU translation. Although various terminological databases (e.g. IATE in the European Commission, CURIATerm in the European Court) and terminological memories (e.g. EURAMIS) help translators, the heart of the problem is that EU texts are usually of a very technical nature and their terminology is still under development.

EU translators often consult the translation of specialized terms with national experts who strive hard to endorse a term which is used in a pertinent national legislation regardless of whether a certain term is used in the EU legislation. For illustration, the English term “food supplement” is translated in the Slovak *Council Directive 2002/46/ES* as “potravínový doplnok”, which collides with the Slovak Law on food which also comprises the term at hand, but its definition is different from the European one. For this reason, “food supplement” is translated in the other legislative acts as “výživový doplnok” [EN: nutrition supplement], which fully corresponds with the definition in the Slovak legislation. The term under discussion serves to demonstrate that EU terminology should be independent of national terminologies since some concepts may reflect different realities (According to Engberg [Engberg 2015: 177—178] the independence of EU terms from national legal systems is only a “legal fiction“, because EU terms expressed in national languages are interpreted according to a national legal culture and therefore they cannot be autonomous. Since the supranational terminology is still under development and it lacks legal terms with a deep meaning structure typical of legal semantics, EU terminology and national terminology are in a constant interaction. Biel [Biel 2014: 66] refers to this situation as “conceptual osmosis of terminology”, where the terms move between the EU context and national context in both directions.). As it is evident from the above, terminological consultations with pertinent national experts seem vital so as to avoid problems with transposing EU legislation into national legal systems.

3.3. The problem of the nature of the source text and institutionalization of EU translation

EU English as a *lingua franca* is affected by its non-native speakers. According to recent estimates, as few as 13 % of all EU texts are drafted by English native speakers [Ramos 2014: 327]. This leaves a mark on the linguistic facet of English source texts, which are marked by the non-standard use of prepositions (e.g. *establish national plans for rare diseases in order to *ensure to patients with rare diseases universal access to high quality care*) (Source: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52008PC0726R\(02\)&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52008PC0726R(02)&from=EN)). In standard English, “ensure“ should never be followed by “to“ and an indirect object [Cf. Gardner 2013: 33]), variations in the use of definite and indefinite articles and non-count nouns (*Measures may include specific *actions for the development of financial means*) (Source: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52011SA0009:EN:NOT>) and lexical neologisms (e.g. *precisions* instead of the established plural lexeme *details*). All these attributes de-

crease the natural linguistic idiomaticity of EU English and result in interferences in lexis and syntax, which is symptomatic of the phenomenon known as English as a lingua franca (EFL). In the long run, translating from a hybrid English language which no longer reflects “the mentality and architecture of the English legal culture” may continue to be a problem [Pozzo qtd. in: Šarčević 2015: 84].

Furthermore, the nature of the EU source text is often bound up with a highly complex and unintelligible language of the multilingual *Euro-speak* which deforms the national languages into an unnatural format [Koskinen 2000: 55]. Thus, national traditions of the Member States’ legislation are starting to disappear amidst the ongoing harmonization of European law. For illustration, hypertrophy of coordinative conjunctions in the Slovak language version of the EU text under study may be felt to be stylistically inappropriate, as shown below:

The following actions may be supported under the key activity of policy cooperation [...]: (a) individual mobility, as referred to in Article 5(1)(a), including study visits for experts and officials designated by national, regional and local authorities, for directors of education and training establishments and guidance and experience accreditation services, and for social partners (source: Decision No. 1720/EC).

V rámci kľúčovej aktivity spolupráce [...] sa môžu podporiť tieto akcie: a) individuálna mobilita, ako sa uvádza v článku 5 ods. 1 písm. a) vrátane študijných návštev pre odborníkov a úradníkov určených národnými, regionálnymi a miestnymi orgánmi, pre riaditeľov vzdelávacích zariadení a zariadení odbornej prípravy a služieb profesijnej orientácie a akreditácie skúseností, ako aj pre sociálnych partnerov (source: Rozhodnutie EÚ č. 1720/ES).

As can be seen, the Slovak language version imitates the English source text. It could be said that it represents a language matrix which is filled with the Slovak content. Whereas the standard translation is to mould the source text based on its function, EU texts copy the proto-text. Stylistically, I perceive EU texts as hypnotic texts.

There is also a certain paradox in the institutionalization of translation — on the one hand there are efforts to standardize, rationalize and regulate EU translation and on the other hand there is a contradiction in the syntactic reality of EU texts. There are often super-long, breakneck hypotactic sentences which burden the recipient’s attention in any language pair, e.g.:

In particular, the Commission should be empowered to adopt delegated acts to specify the particulars that need to be included in the standard agreement between the depositary and the management company or the investment company, the conditions for performing depositary functions, including the type of financial instruments that should be included in the scope of the depositary’s custody duties, the conditions subject to which the depositary may exercise its custody duties over financial instruments registered with a central depository and the conditions subject to which the depositary should safekeep the financial instruments issued in a nominative form and registered with an issuer or a registrar, the due diligence duties of depositaries, the segregation obligation, the conditions subject to and circumstances in which financial instruments held in custody should be considered to be lost, and what is to be understood by external events beyond reasonable control, the consequences of which would have been unavoidable despite all reasonable efforts to the contrary (source: Directive 2014/91/EU).

Komisia by mala byť predovšetkým splnomocnená prijímať delegované akty na spresnenie podrobností, ktoré treba začleniť do štandardnej zmluvy medzi depozitárom a správcovskou spoločnosťou alebo investičnou spoločnosťou, podmienok vykonávania funkcií depozitára vrátane typu finančných nástrojov, ktoré by sa mali zahrnúť do rozsahu úloh depozitára v oblasti úschovy (custody), podmienok, na základe ktorých môže depozitár vykonávať svoje úlohy v oblasti úschovy (custody) finančných nástrojov evidovaných v centrálnom depozitári, a podmienok, na základe ktorých by mal depozitár uschovávať (safe-keeping) finančné nástroje emitované na meno a registrované u emitenta alebo v registri, povinností náležitej starostlivosti depozitárov, povinnosti segregácie, podmienok a okolností, za akých by sa finančné nástroje držané v úschove (custody) mali považovať za stratené, a čo sa rozumie pod vonkajšími udalosťami, ktoré nemožno primerane ovplyvniť a ktorých následkom by sa napriek všetkej primeranej snahe o opak nedalo vyhnúť (source: Smernica 2014/91/EÚ).

The cited paragraphs above, however, run counter the recommendations in the *Joint Practical Guide* [Joint Practical Guide 2013: 6] which state that the language of EU texts must be “clear, easy to understand and unambiguous; simple and concise, avoiding unnecessary elements; and precise, leaving no uncertainty in the mind of the reader”. This brings us closer to the invidious position of EU translators who are entrapped in the gigantic EU machinery. Among many other things, they are required to abide by the source text and respect its syntactic structure (see Chap. 4 of the *Joint Practical Guide*). Frame [Frame 2005: 22] speaks in this connection about the so-called “inertia principle” of translation because the restrictions of EU multilingualism and numerous style-guides, which the translators have to abide by, keep their translational decisions limited. This is why the attempts to castigate EU translators mirror one’s insufficient knowledge about the specificities of EU translation and their critique often leads to a stalemate.

CONCLUSION

All in all, translating from a *lingua franca* may be regarded as both an opportunity and a problem for EU translation. The implications of the paper are that 1) EU texts are a highly specific legal discourse which should be kept apart from traditional legal translation; 2) EU translation should be reconsidered to its specificities as an interlingual imitation of the source text in order to achieve interlinguistic concordance in all EU’s official languages, which leads to hybrid/reproduced/ mirror texts with the identical legal effect; 3) particularities of EU translation result from the specific equivalence holding among the individual language versions upholding a symbolic value of all translations, specialized and still developing supranational terminology as well as problematic nature of the source text due to the involvement of non-native speakers and convoluted Euro-speak despite efforts for plain English. In sum, the paper has cast some light on the phenomenon of supranational EU law and its translational practice which reveals very specific realities.

© Klaudia Bednárová-Gibová
Дата поступления: 10.03.2016
Дата принятия к печати: 07.10.2016

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. *Bednárová-Gibová K.* (2015). Towards an Understanding of EU Translation (Habilitation thesis). Prešov, Faculty of Arts of the University of Prešov.
2. *Biel L.* (2014). Lost in the Euro-Fog. The Textual Fit of Translated Law. Frankfurt am Main, Peter Lang.
3. *Doczekalska A.* (2005). Production and Application of Multilingual Law. The Principle of Equality of Authentic Texts and the Value of Subsequent Translation. Paper read at Language and the Law 2005: East Meets West.
4. *Dollerup C.* (2004). The vanishing original. In: *Hermes. Journal of Linguistics*. No. 32. P. 185—199.
5. *Engberg J.* (2015). Autonomous EU Concepts: Fact or Fiction? In: S. Šarčević (ed.). *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives*. Ashgate Publishing Ltd. P. 169—181.
6. *Felici A.* (2015). Translating EU Legislation from a *Lingua Franca*: Advantages and Disadvantages. In: S. Šarčević (ed.). *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives*. Ashgate Publishing Ltd. P. 123—140.
7. *Frame I.* (2005). Linguistic oddities in the European Union legislation: don't shoot the translator. In: *Clarity. Journal of the international association promoting legal language*. No 53. P. 21—24: <http://clarity-international.net/journals/53.pdf>.
8. *Gardner J.* (2013). Brief List of Misused English Terms in EU Publications. Luxembourg, European Court of Auditors,
9. *Gibová K.* (2010). O preklade anglických právnych textov EÚ. Lingvisticko-translatologická analýza [On Translation of EU English Legal Texts. A Linguistic-Translational Analysis] Prešov, Vydavateľstvo Prešovskej university.
10. *Jenkins J.* (2009). *World-Englishes. A Resource Book for Students*. 2nd ed. London, Routledge.
11. Joint Practical Guide (2013): <http://eur-lex.europa.eu/content/pdf/techleg/joint-practical-guide-2013-en.pdf>.
12. *Kjaer A.L.* (2015). Theoretical Aspects of Legal Translation in the EU: The Paradoxical Relationship between Language, Translation and the Autonomy of EU Law. In: S. Šarčević (ed.). *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives*. Ashgate Publishing Ltd. P. 169—181.
13. *Koller W.* (1992). *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Heidelberg and Wiesbaden, Quelle & Meyer.
14. *Koskinen K.* (2000). Institutional Illusions. Translating in the EU Commission. In: *The Translator*. Vol. 6. No. 1. P. 49—65.
15. *Koskinen K.* (2008). *Translating Institutions. An Ethnographic Study of EU Translation*. Manchester, St. Jerome Publishing.
16. *Künnecke M.* (2013). Translation in the EU: Language and Law in the EU's Judicial Labyrinth. In: *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. Vol. 20. No. 2. P. 243—260: http://www.maastrichtjournal.eu/pdf_file/its/mj_20_02_0243.pdf.
17. *McAuliffe K.* (2009). Translation at the Court of Justice of the European Communities. In: *Translation Issues in Language and Law*. New York, PalgraveMacmillan. P. 99—115.
18. *Pym A.* (2010). *Exploring Translation Studies*. London and New York, Routledge.
19. *Ramos F.P.* (2014). International and supranational law in translation: from multilingual law-making to adjudication. In: *The Translator*. Vol. 20. No. 3. P. 313—331: <http://dx.doi.org/10.1080/13556509.2014.904080>.
20. *Robertson C.* (2012). The Problem of Meaning in Multilingual EU Legal Texts. In: *International Journal of Law, Language & Discourse*. Vol. 2. No 1. P. 1—30.

21. Sandrini P. (1999) Translation zwischen Kultur und Kommunikation: Der Sonderfall Recht. In: P. Sandrini (ed.). *Übersetzen von Rechtstexten. Fachkommunikation im Spannungsfeld zwischen Rechtsordnung und Sprache*. Tübingen, Gunter Narr. P. 9—43.
22. Schäffner C. and Adab B. (1997). Translation as intercultural communication — Contact as conflict. In: *Translation as Intercultural Communication*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins. P. 325 —338.
23. Sosoni V. (2010) A Hybrid Translation Theory for EU Texts. In: *Vertimo Studijos*. Vol. 5. P. 76—89.
24. Šarčević S. (1997) *New Approach to Legal Translation*. Hague, Kluwer Law International.
25. Šarčević S. (ed.) (2015) *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives*. Ashgate Publishing Ltd.
26. Trosborg A. (1997) Translating hybrid political texts. In: A. Trosborg (ed.). *Text Typology and Translation*. Amsterdam, John Benjamins. P. 145—158.

УДК: 81'25:651.926

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-148-157

ПЕРЕВОД С LINGUA FRANCA В УСЛОВИЯХ ПЕРЕВОДА В ЕВРОСОЮЗЕ*

Клаудиа Беднарова-Гибова

Institute of British and American Studies,
Faculty of Arts, University of Prešov
ul. 17 Novembra, Prešov, 1, Slovak Republic, 080 01
klaudia.gibova@gmail.com

Эта концептуальная публикация рассматривает английский язык как *lingua franca* в наднациональной переводческой традиции Евросоюза путем определения переводческих особенностей институциональных юридических текстов ЕС. С учетом специфики языковой и переводческой базы проблемы эквивалентности, терминологической (не-) конгруентности, природы источников текста и институирования перевода обсуждаются с целью привлечения внимания к особенностям переводческих практик, существующих в странах Евросоюза. Применяя синопτικο-интерпретационный подход, автор выявляет различные способы понимания дискурса Евросоюза и переводческих практик.

Ключевые слова: английский язык как *lingua franca*, тексты Евросоюза, перевод в Евросоюзе, интерпретация, эквивалентность, терминология, текст-источник, институализация

* **Финансовая поддержка:** Эта статья является частью проекта KEGA 007PU-4/2015 *Virtual interactive encyclopaedic English-Slovak and Slovak-English dictionary of general linguistics* и KEGA 030PU-4/2014 *English Stylistics (Discourse Analysis) a Blended-Learning Course research grant projects*.

УДК: 22.01

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-158-165

О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧЕ ОДНОГО НОВОЗАВЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Г.Т. Хухуни

Московский государственный областной университет
ул. Радио, д. 10 а, Москва, Россия, 105005
khukhuni@mail.ru

А.А. Осипова

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, Москва, Россия, 119991
assya@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с созданием новых версий Священного Писания, получивших в соответствующей культуре статус «национальных Библий» (Библия Лютера, Библия короля Иакова...). Отмечается, что в силу ряда причин в XX в. наметилась тенденция к их пересмотру с сохранением при этом указания на преемственную связь с исходным текстом (New King James Version, Lutherbibel 1984...). В определенной степени можно говорить о продолжении этой тенденции по отношению к вышедшей в 2016 г к 500-летию юбилею Реформации «Библии Лютера-2017» (Lutherbibel 2017). В отличие от своих предшественников ее создатели акцентируют стремление отойти от модернизации и вернуться к собственно лютеровскому языку, хотя указанный «возврат» неизбежно носит достаточно условный характер.

Ключевые слова: Библия короля Иакова., Библия Лютера, модернизация, традиция, текст, версия

ВВЕДЕНИЕ

31 октября 2016 г. в Германии торжественно открылся юбилейный год, посвященный 500-летию Реформации. Одним из важнейших ознаменовавших указанное событие фактов стала презентация нового издания Библии Лютера — Lutherbibel 2017. Этот труд, над которым в течении 5 лет работала группа, насчитывавшая около 70 специалистов (своего рода аналогия с преданием о создании Септуагинты!) по Ветхому и Новому Заветам, должен, по замыслу его создателей, стать такой версией Священного Писания, которая бы олицетворяла национальную немецкую Библию в наши дни. Названное событие дает повод еще раз обратиться к проблеме так называемых «ревизий» традиционных версий Священного Писания, не раз вызывавшей достаточно острые дискуссии.

РЕФОРМАЦИЯ В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Значение Реформации для развития как самого перевода (прежде всего, естественно, библейского), так и теоретических суждений о нем неоднократно отмечалось в литературе, а само это движение порой называли «битвой между перевод-

чиками». Именно с этой эпохой принято связывать появление так называемых «национальных Библий» [Снигирев 2009 URL: <http://www.bogoslov.ru/text/404972.html>], которые в сознании многих представителей соответствующих лингвокультур воспринимались как своего рода канонические тексты (хотя формально, естественно, таковыми не являлись). Наряду с Библией Лютера (последнее прижизненное издание вышло в свет в 1545 г.) наиболее известным и сыгравшим важнейшую роль переводом в истории европейской культуры принято считать и Библию короля Иакова (King James Version / Authorized Version) 1611 г.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ И НОВЫЕ ВЕРСИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДОВ

При всем авторитете, которыми пользовались национальные Библии в том виде, какой им придали создатели, они, разумеется, не могли оставаться единственными переводами Священного Писания — как в силу религиозных моментов (поскольку созданы эти версии были представителями различных направлений протестантизма), так и вследствие процессов языковой эволюции, в результате которой возникал вопрос о доступности данных переводов для новых поколений. В последние десятилетия XX в. все большую роль стали играть и соображения политкорректного характера, с точки зрения которых отдельные фрагменты библейских книг в том виде, в каком они были представлены в традиционных версиях, воспринимались как не отвечающие современным взглядам. Названные моменты предопределили, с одной стороны, появление принципиально новых текстов Ветхого и Нового Заветов (хотя отнюдь не всегда последние представляли собой именно новые *переводы с оригиналов!*), включая и столь экзотические в глазах консервативных кругов опусы, как интерпретация Священного Писания с позиций феминистического подхода или Библия на «языке» СМС, а с другой — послужили толчком для создания «новых классических переводов», рассматриваемых как продолжение последних (что отражалось и в заглавиях подобных изданий) и вместе с тем — как приведение их в соответствие с потребностями своей эпохи. При этом в отличие от авторов принципиально новых версий, считавших себя вправе трактовать текст с собственных позиций, сознательно отталкиваясь от предшествующих переводов и противопоставляя им свои, «ревизионисты» должны были соизмерять вносимые изменения с существующим текстом, не допуская полного разрыва с ним, т.е. предотвращая описанный еще античными авторами «парадокс корабля Тесея» (по преданию, афиняне, веками сохранявшие этот корабль, заменяли в нем сгнившие доски новыми до тех пор, пока ни одной старой детали в нем не осталось).

«НОВАЯ ВЕРСИЯ КОРОЛЯ ИАКОВА» (NEW KING JAMES VERSION / REVISED AUTHORIZED VERSION)

Этот труд создавался в 70-х — начале 80-х гг. прошлого века (полный текст вышел в 1982 г. и подвергся незначительному пересмотру в 1984 г.) большой группой протестантских теологов (по преимуществу баптистов и пресвитериан) под руководством Артура Ферстеда (Dr. Arthur L. Farstad) и определялся как «консер-

вативный пересмотр Библии короля Иакова» (a conservative revision of the King James version) с позиций «полной эквивалентности» (complete equivalence) в противовес активно пропагандировавшемуся в этот период в данной сфере принципу «динамической эквивалентности», сформулированному Ю. Найдой. Причем, участники проекта должны были письменно засвидетельствовать веру в богодухновенность библейского текста и непогрешимость его оригиналов: (sign a statement affirming their belief in the verbal and plenary inspiration of Scripture, and in the inerrancy of the original autographs) [New King James Version URL: <http://www.bible-researcher.com/nkjv.html>]). Что касается выбора источников, то и здесь создатели New King James Version подчеркивали свою преемственность с первичным текстом, указывая, что при работе над Новым Заветом они руководствовались тем же Textus Receptus (так называемым «Общепринятым текстом», впервые опубликованным в 1516 г.), хотя и оговаривали в примечаниях случаи расхождения с более поздними изданиями (что вызвало определенную критику даже со стороны некоторых в целом благожелательно отзывавшихся об их работе рецензентов [Ibid]).

Характерно, что в предисловии авторы вспоминают слова своих предшественников о том, что их целью было не создание нового перевода, а стремление улучшить существующий, и декларируют стремление продолжить эту традицию, открыв своим современникам духовные сокровища, содержащиеся в классическом тексте: «the translators and editors of the present work have not pursued a goal of innovation. They have perceived the Holy Bible, New King James Version, as a continuation of the labors of the earlier translators, thus unlocking for today's readers the spiritual treasures found especially in the Authorized Version of the Holy Scriptures» [Ibid]. Всячески подчеркивая нетленную красоту языка и стиля Библии короля Иакова, они вместе тем отмечают, что, поскольку английский, как и любой другой язык, подвергся с 1611 г. достаточно большим изменениям, это делает необходимым устранить вызванные указанным обстоятельством препятствия к постижению библейского текста. Утверждая, что подлинный дух творения создателей этого труда заключается не в словах и грамматических формах XVII столетия, а в передаче буквы и духа подлинника и его величественного и благоговейного стиля (The real character of the Authorized Version does not reside in its archaic pronouns or verbs or other grammatical forms of the seventeenth century, but rather in the care taken by its scholars to impart the letter and spirit of the original text in a majestic and reverent style [Ibid]), авторы вместе с тем признают, что читателя может удивить отсутствие в тексте ряда моментов, которые он привык связывать с «библейским стилем» (например, отказ от устаревших местоимений типа *thee, thou* и др., глагольных окончаний на *-eth, -est*, замена частых повторов союза *and* на *also, but, however* и т.п. — с указанием, что это не противоречит их значению в еврейских и греческих оригиналах, и т.д.).

Однако при всей «консервативности» подхода авторов Новой Версии короля Иакова к выполнению поставленной ими перед собой задачи, они, тем не менее, не избежали весьма резкой критики с позиций еще большего консерватизма, с точки зрения которого предложенный ими текст нельзя считать подлинной Библией короля Иакова, ибо в ней изменены тысячи слов (включая упомянутый отказ

от использования архаичных местоимений) и «загублено» множество крайне важных стихов, что свидетельствует ни много ни мало, во-первых, об извращении содержания Священного Писания (Changed Words Means Changed Meanings), а во-вторых, о неверии ее создателей в способность Господа сохранить Свои собственные слова в неприкосновенности: «The New King James is **not** a King James Bible. It changed thousands of words, ruined valuable verses (...). And this you must know: those who translated the NKJV did **not** believe God perfectly preserved His words!» [Daniels 2001 URL: <http://www.chick.com/ask/articles/nkjv.asp>] (что в свете данной последними подписки, о которой говорилось выше, выглядит особенно интересно). Дело доходило даже до объявления этого труда «фальсификацией» с напоминанием о том, кто именно является непревзойденным мастером таковой: «The greatest method of deception is to counterfeit. And the master of counterfeit and deception is Satan (...). The New King James is a COUNTERFEIT!» [Watkins URL: <http://www.av1611.org/nkjv.html>] (что, в свою очередь, вызвало по адресу их авторов весьма иронические отклики [Lord Matt URL: <http://lordmatt.co.uk/item/1403/>]).

ПРЕДЫДУЩИЕ «РЕВИЗИИ» БИБЛИИ ЛЮТЕРА

Говоря о Библии Лютера, часто обращают внимание на то обстоятельство, что «ревизионистское» отношение к ней было заложено уже самим основоположником Реформации. «Непримиримый в теологических спорах с противниками, Лютер был поразительно терпим к критике своей переводческой работы (...). Он шел навстречу поправкам; он искал возражений. До конца своих дней создатель немецкой Библии неустанно совершенствовал свое творение и созывал новые и новые «ревизионные комиссии» (...). В результате уже при жизни реформатора в его переводе было выправлено несколько сот неточностей (...)» [Соловьев 1984: 258]. Поэтому первый пересмотр Библии Лютера относят к деятельности самого ее создателя. Итогом второй считают текст 1912 г. Что касается третьей ревизии, то ее история оказалась весьма драматичной. Предварительный результат (текст Нового Завета 1974 г.) вызвал с резкую критику. Причем, основанием для нее служило, в первую очередь, то обстоятельство, что его язык подвергся настолько сильным изменениям, что, по существу, не может считаться языком Лютера (т.е. возник тот самый «парадокс корабля Тесея», о котором шла речь выше). В результате, в свою очередь, был предпринят «пересмотр пересмотра», итогом которого стала версия 1984 г., в 1999 г. приведенная в соответствие с реформированной в 1996 г. немецкой орфографией (подробнее об истории этого пересмотра и связанных с ним дискуссиях см. [Голенко 2012. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2643758.html>], [Kipp 2015. URL: https://www.ekd.de/english/ekd_press_releases-pr_2015_09_16_revision_lutherbible.htm]). Как отмечалось в предисловии к ней, окончательный текст был «слово за словом» (Wort für Wort) исправлен по оригиналу, вместе с тем представляя собой «пересмотр языка Лютера в том виде, в каком его читали, учили и воспринимали предшествующие поколения» (der Revision ein Luther-Deutsch, wie es viele Generationen vor uns gelesen, gelernt und in sich aufgenommen haben). При этом осуществлявшая работу комиссия последовательно стремилась к понятности языка для современного читателя (Schließlich hat sich die Kommission durchgängig um sprachliche Verständlichkeit für heutigen Leser bemüht) [Vorwort 1984: 6*—7*].

БИБЛИЯ ЛЮТЕРА-2017

Начало работы над новым пересмотром Библии Лютера, которым руководил бывший епископ Тюрингии Кристоф Келер (Christoph Kähler), также поставило вопрос о стратегии, которой предстояло следовать при его осуществлении. В гораздо большей степени, чем это имело место при предыдущей «ревизии», он и его коллеги подчеркивали стремление в максимальной степени вернуться к «подлинному» Лютеру. Как заметил по этому поводу один из рецензентов, текст Библии Лютера-2017, отличаясь от предшествующего, производит впечатление меньшей новизны по отношению к языку Лютера, чем это было в издании 1984 г. (Da ist sehr viel neu gegenüber der voraufgehenden Revision von 1984 (...). Aber da ist gegenüber Luthers eigenen Übersetzungen erkennbar weniger neu, als es 1984 war) [Ebach: 2 URL: <https://www.bibel-in-gerechter-sprache.de/wp-content/uploads/Luther-2017-Ebach.pdf>]. В этой связи во время передачи этого труда представителям ЕKD (Evangelische Kirche in Deutschland — Объединение лютеранских и реформатских земельных церквей Германии) один из участников даже заметил, что, если центральным событием Реформации было повторное открытие Мартином Лютером Библии, то ее годовщина в 2017 г. дает возможность повторного открытия Библии на языке Лютера (The rediscovery of the Bible by Martin Luther was a central event of the Reformation. The anniversary in 2017 offers an opportunity to rediscover the Bible in Luther's language) [Kipp 2015. URL: https://www.ekd.de/english/ekd_press_releases-pr_2015_09_16_revision_lutherbible.html].

Однако, поскольку имел место именно пересмотр (а не простое воспроизведение), постольку и в данном случае говорить о «Библии на языке Лютера» приходится с оговорками. Так, возглавлявший работу над Новым Заветом профессор Мартин Каррер (Martin Karrer), отвечая на вопрос о том, что было главным при ее осуществлении — модернизация или сохранение, — подчеркнул, что принимались во внимание оба момента. Если — что представляется вполне естественным — сохранение и даже возвращение имело место тогда, когда язык самого Лютера остается понятным (Zu bewahren und sogar wiederherzustellen galt es dort, wo Luthers Sprache bis heute verständlich geblieben ist), то модернизация могла быть связана как с использованием неизвестных Лютеру источников, так и с изменившимся пониманием отдельных слов и выражений (Zu modernisieren galt es dort, wo die biblische Textgrundlage sich gegenüber Luthers Zeit geändert hat, und dort, wo unser Sprachverständnis sich geändert hat) [Ein Buch URL: <http://www.ekir.de/www/service/lutherbibel-26886.php>].

Первая проблема, по существу, оказалась аналогична той, перед которой, как отмечалось выше, встали создатели Новой Библии короля Иакова. Но если последние приняли решение ориентироваться на Textus Receptus, ссылаясь на то обстоятельство, что их труд представляет собой пересмотр исторического памятника, переведенного именно с данного греческих текстов (the New King James Version is the revision of a historic document translated from specific Greek texts) [New King James Version URL: <http://www.bible-researcher.com/nkjv.html>], то их немецкие

коллеги, напротив, исходили из того, что нельзя игнорировать те достижения библеистики и филологической науки, которые были накоплены за полтысячелетия, вследствие чего возникала необходимость не только пересмотра, но и нового перевода отдельных фрагментов Библии. Так, например, обстояло дело с написанными по-гречески ветхозаветными апокрифами (в православной традиции их именуют неканоническими книгами).

Второй аспект наиболее наглядно проявился в том, что создатели Библии Лютера-2017 определили как «Geschlechterfrage», т.е. необходимость в максимальной степени использовать так называемый «инклюзивный язык», отражающий гендерное равноправие. Например, на поставленный уже в начале работы над текстом вопрос, имел ли в виду апостол Павел, говоря о «братьях» только мужчин: «Hat Paulus wirklich nur Männer gemeint, wenn er von seinen Brüdern sprach?» [Der Hirsch 2014 URL: <https://chrison.evangelisch.de/artikel/2014/30605/der-hirsch-lechzt-nicht-mehr>], был дан вполне ожидаемый ответ, согласно которому там, где «по сути дела» имеются в виду «братья и сестры», эту «суть» и старались передать: «Wo „Brüder“ in der Sache „Brüder und Schwestern“ meint, haben wir versucht, das wiederzugeben» [Ein Buch URL: <http://www.ekir.de/www/service/lutherbibel-26886.php>]. Характерно, что интервью с одной из создательниц новой версии Библии Лютера Христиной Гербер (Christine Gerber) вышло под заголовком: «Neue Übersetzung: Luthers Bibel soll weiblicher werden» («Новый перевод: Библия Лютера должна стать более женственной») [Kreuzer 2015 URL: <http://www.abendblatt.de/ratgeber/wissen/article205230741/Neue-Uebersetzung-Luthers-Bibel-soll-weiblicher-werden.html>]. При этом само слово среднего рода *das Weib*, которое у Лютера нередко используется для обозначения женщины (например, в Первом послании к Тимофею 2. 12: «Einem Weibe aber gestatte ich nicht das sie lere» [Lutherbibel 1545 URL: <http://enominepatris.com/biblia/biblia2/B054K002.htm>]), заменено на слово женского рода *die Frau*: «Einer Frau gestatte ich nicht, dass sie lehre» [[Lutherbibel 2017 URL: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lutherbibel-2017/bibeltext/bibel/text/lesen/stelle/64/20001/29999/>] (аналогичным образом передан этот фрагмент в версии 1984 г.). Разумеется, и в данном случае не обошлось без ссылок на то, что основоположник немецкой Реформации создавал не некое «вневременное произведение искусства, а стремился перевести Библию на язык своих современников и окружавшей его действительности (Schließlich hatte er kein zeitloses Kunstwerk schaffen, sondern die Bibel für Menschen seiner Zeit übersetzen wollen, in ihre Sprache, in ihre Lebenswelt) [Der Hirsch 2014 URL: <https://chrison.evangelisch.de/artikel/2014/30605/der-hirsch-lechzt-nicht-mehr>]. Однако вопрос о том, насколько такая «феминизация» текста соответствует установкам самого Мартина Лютера с его патриархальным мировоззрением — вопрос достаточно сложный...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает опыт двух рассмотренных «новых традиционных» (приносим извинения за неизбежный в данном случае оксюморон!) версий Священного Писания, принцип, согласно которому следует «сохранить подлинный язык и стиль»

классических переводов и в то же время сделать их понятными и отвечающими потребностям современной аудитории, оказывается в значительной степени условным, поскольку в любом случае полученный текст будет представлять собой своеобразное «соавторство» создателей исходных версий и тех, кто осуществляет их пересмотр. Разумеется, данный момент не исключает подобных попыток и в будущем, однако при этом необходимо четко оговаривать, что читатель имеет дело не с «национальным» переводом как таковым, а его интерпретацией, степень ответственности которой последнему может вызывать определенные сомнения.

©Хухуни Г.Т., Осипова А.А.

Дата поступления: 12.07.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Голенко А.* Возвышенное и земное: дебаты о языке богослужения в Русской Православной Церкви [Golenko A. Celestial and Profane: Discussions about Liturgical Language in Russian Orthodox Church] // <http://www.bogoslov.ru/text/2643758.html> (25.12.2016).
2. *Снигирев Р.* (2009) Национальные Библии и проблема исправления Синодального перевода [Snigirev R. National Bibles and the Problem of Correction of Synodal Translation] // <http://www.bogoslov.ru/text/404972.html> (25.12.2016).
3. *Соловьев Э.Ю.* (1984). Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время [Solovyev E.Yu. Undefeated Heretic: Martin Luther and his Time]. Москва: Молодая гвардия.
4. *Daniels D.W.* Bible Versions (2016) // <http://www.chick.com/ask/articles/nkjv.asp> (26.12.2016).
5. *Der Hirsch lechzt nicht mehr* (2014) // <https://chrismon.evangelisch.de/artikel/2014/30605/der-hirsch-lechzt-nicht-mehr> (25.12.2016).
6. *Ebach J.* Mehr Bibel oder mehr Luther? Beobachtungen und Impressionen zur neuen Revision der Lutherbibel // <https://www.bibel-in-gerechter-sprache.de/wp-content/uploads/Luther-2017-Ebach.pdf> (26.12.2016).
7. *Ein Buch für Liebhaber des Denkens und der Sprache.* (2016) // <http://www.ekir.de/www/service/lutherbibel-26886.php> (25.12.2016).
8. *Kipp K.* Revision of Luther Bible concluded (2015) // https://www.ekd.de/english/ekd_press_releases-pr_2015_09_16_revision_lutherbibel.html (25.12.2016).
9. *Kreuzer G.* (2015). Neue Übersetzung: Luthers Bibel soll weiblicher werden // <http://www.abendblatt.de/ratgeber/wissen/article205230741/Neue-Uebersetzung-Luthers-Bibel-soll-weiblicher-werden.html> (26.12.2016)
10. *Lord Matt.* Dr. Terry Watkins please shut up and grow up // <http://lordmatt.co.uk/item/1403> (дата обращения 25.12.2016).
11. *Lutherbibel (1545).* Original-Text übersetzt von Dr. Martin Luther aus dem Textus Receptus // <http://enominepatris.com/biblia/biblia2> (25.12.2016).
12. *Lutherbibel (2017)* // <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lutherbibel-2017/bibeltext/bibel/text/lesen/stelle/64/20001/29999> (25.12.2016).
13. *New King James Version (2009)* // <http://www.bible-researcher.com/nkjv.html> (25.12.2016).
14. *Vorwort (1991)* // Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers mit Konkordanz. Leipzig: Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft zu Berlin und Altenburg. S. 6*—7*.
15. *Watkins T.* Counterfeit // <http://www.av1611.org/nkjv.html> (27.12.2016).

УДК: 22.01

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-158-165

NEW VERSIONS OF NATIONAL BIBLES: BETWEEN THE MODERNIZATION AND TRADITIONAL TEXT

G.T. Khukhuni

Moscow State Regional University
Radio str., 10a, Moscow, Russia, 105005
kaf-tlang@mgou.ru

A.A. Osipova

Moscow State Pedagogical University
1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, Russia, 119991
aa.osipova@mpgu.edu

Abstract. The present paper deals with some aspects connected with the creation of the new versions of the so-called “national Bibles” (*Luther Bible, King James Bible...*). It is mentioned, that in the 20th century different reasons can be connected with the attempts of their revision (*New King James Version, Lutherbible 1984...*). To some extent this tendency may be postulated also towards the *Lutherbible 2017*, published in 2016 for the 500th anniversary of the Reformation. As opposed to their predecessors its creators underline their intention to recede from modernization and return to the original language of Luther. But such return inevitably is relative enough.

Key words: King James Bible, Lutherbible, modernization, tradition, text, version

УДК: 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-166-173

ДИНАМИКА ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА И ПЕРЕВОД

М.Г. Новикова

Российский государственный университет правосудия
117418, Москва, Россия, ул. Новочеремушкинская, 69
Novikova_mg@mail.ru

В статье разграничиваются понятия «формы текста» и «формы дискурса», определяется тождественная категория, позволяющая именовать данные понятия единым термином. Форма дискурса представляется динамическим феноменом, заключающим в себе особенности стереотипной деятельности сознания в процессе понимания литературного произведения. Данная деятельность подразделяется на две взаимосвязанные группы: итеративную модель понимания и закономерности восприятия смысловой динамики произведения. В исследовании практически доказывается, что динамика формы художественного дискурса составляет основу межъязыковой и внутриязыковой интерпретации, т.о. являясь основой переводческой деятельности.

Ключевые слова: динамика формы художественного дискурса, итеративная модель понимания, категория стабильности, мыслительные процессы, интерпретация, художественный перевод

ВВЕДЕНИЕ

Любое научное знание динамично по своей природе, как следствие мы имеем полисемию в научной терминологии, неоформленность и размытость иногда базовых понятий. К подобным отнесем такие лингвистические термины, как «текст» и «дискурс» [Клепальченко, Новикова 2015: 120]. В области переводоведения при полном разведении данных феноменов возникает ряд вопросов. Для настоящего исследования актуальными являются три из них. Во-первых, правомерно ли разграничивать форму у текста и дискурса. Во-вторых, существуют ли специфические характеристики, позволяющие обозначать понятия «формы текста» и «формы дискурса» одним термином. Наконец, оказывает ли форма дискурса какое-либо влияние на процесс перевода художественной прозы.

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Обоснование принятого во введении разделения терминов «текст» и «дискурс» требует небольшой исторической справки. Впервые вопрос об идентичности или полной разграниченности данных понятий, вероятно, возник в 1970-х гг. во время активного введения в отечественную стилистику термина «дискурс» «первоначально в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин „функциональный стиль“, а именно в значении «особого типа текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д.» с присущими каждому типу лексическими и грамматическими особенностями [Гарбовский 2013: 19]. В то же самое время в англосаксонской традиции стилистика не существовала как отдельная от-

расль языкознания, а термин «дискурс» означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [Степанов 1965: 36]. Следовательно, разграничение понятий имеет исторические предпосылки. Со временем, ввиду емкости значения, а следовательно, удобства применения, термин «дискурс» стал незаменимым при построении современных научных теорий, причем «в различных парадигмах знания данный термин используют в различных значениях и разных контекстах, часто обозначая им разные понятия» [Цурикова 2001: 129]. На наш взгляд, «текст» и «дискурс» представляют собой своеобразную оппозицию, основанную на статических и динамических характеристиках одного и того же феномена — художественного произведения. Статичные характеристики непосредственно связаны с понятием «текст».

Действительно, деятельность переводчика художественной литературы немислима без наличия текста на исходном языке, который, вслед за Е.В. Сидоровым, мы определяем как «знаковую матрицу сопряжения коммуникативных деятельностей участников акта общения» [Сидоров 2009: 160]. В процессе ознакомления с художественным произведением данная матрица «разворачивается в полноценный дискурс со всеми его сущностными характеристиками в сознании переводчика, поскольку только актуализированный текст позволяет раскрыть смысловые и иные отношения знаковых элементов матрицы на исходном языке» [Новикова 2014: 11]. Динамическая природа дискурса становится очевидной, ибо включает в себе процесс актуализации коммуникативности текста в сознании реципиента.

ФОРМА ТЕКСТА И ФОРМА ДИСКУРСА

В тексте традиционно выделяют форму и содержание. Ограничимся кратким рассмотрением аспекта формы. Форма текста — это наблюдаемая величина, заключающая в себе знаковые — структурно-языковые параметры. Возникает вопрос: будут ли совпадать понятия «формы» для «текста» и «дискурса», правомерно ли обозначать понятия «формы текста» и «формы дискурса» единым термином.

С одной стороны, между понятиями «форма текста» и «форма дискурса» должно существовать некое тождество, позволяющее назвать характеристики понятий одним термином — «форма». Критерий тождества подразумевает «установление имманентных свойств объекта, благодаря которым объект в любой своей модификации, в любых условиях бытия остается самим собой» [Иванов 2015: 37]. С высокой степенью вероятности тождественной будет являться категория стабильности, которая для текста реализуется в его языковом воплощении, ибо структурно-языковые параметры — это то, «что остается неизменным при любой феноменологии речевого узуса» [Там же: 38].

С другой стороны, «форма дискурса» должна характеризоваться динамичностью. Разводя понятия «текст» и «дискурс», не следует забывать, что данное разделение условное. Фаза их активного взаимодействия, пусковой механизм «сопряжения коммуникативных деятельностей отправителя и адресата сообщения» — это процесс понимания. Если дискурс — это работа сознания, то динамика формы будет связана с особенностями мыслительной деятельности, законами работы мозга.

Известным отечественным ученым Н.П. Бехтеревой было установлено, что «основой организации обеспечения психической деятельности служит корково-подкорковая структурно-функциональная система со звеньями разной степени жесткости». Стабильные элементы — жесткие звенья — отвечают за функционирование мозговых систем при стереотипной деятельности [Бехтерева URL: http://www.rgutis.net/kpsr-00/Content/student/Uch_Metod/Kargin/bechtereva.pdf]. Применительно к настоящему исследованию подобная стабильность мыслительных процессов наиболее подходит к характеристике динамики формы художественного дискурса.

Динамическая форма дискурса — это особенности протекания мыслительных процессов. Данная деятельность должна быть однотипной, в противном случае понимание недостижимо в принципе. Форма определяется «культурой: языком, воспринимаемыми формами организации мира (зрительными, слуховыми, кинестетическими и т.д.)» [Стрелков: http://www.psyoffice.ru/2050-8-psichology-book_ob07_1.html]. Индивидуальные особенности восприятия формы художественного текста определяются скорее не различиями мыслительных процессов, а «правилами временного упорядочения нашей жизни» [Там же]. Каждый человек характеризуется особенностями индивидуального времени — ритмами и скоростью выполнения любой деятельности, в том числе и мыслительной. «Временная форма — это не мертвая структура, это энергия человека, выполняющего действие». Следовательно, индивидуальные отличия в динамике формы художественного дискурса определяются сроком — действием, которое «необходимо выполнить, несмотря ни на какие препятствия и трудности. Срок — это напряжение осуществления, напряжение ожидания события» — понимания художественного произведения [Там же].

Категория стабильности динамической формы дискурса раскрывается через особенности стереотипной деятельности сознания в процессе понимания литературного произведения. Данную деятельность можно условно разделить на две большие группы в зависимости от направления движения мыслительных процессов, связанных с пониманием художественного дискурса.

Во-первых, это мыслительные операции, заключающиеся в закономерностях восприятия смысловой динамики произведения, «когда в расчет принимаются не все ассоциируемые со словом значения, а лишь те, которые способствуют положительному приросту смыслового наполнения законченной мысли автора в соответствии с движением мысли к коммуникативному центру сверхфразового единства, согласно законам актуального членения предложения» [Клепальченко, Новикова 2015: 123].

Во-вторых, это итеративная модель понимания, т.е. «закономерность работы мысли в сознании реципиента для решения конкретных задач, продиктованных необходимостью понимания текста, характеризующаяся многократными возвратно-поступательными движениями мысли по всему тексту произведения и обращениями к имеющемуся опыту с ориентацией на определенные смысловые доминанты, представляющие собой тематическую цепочку, для разрешения проблем в понимании» [Новикова 2016: 278].

Подобное разделение является условным, поскольку все мыслительные операции взаимосвязаны. Например, итеративная модель понимания во многих случаях является своеобразным необходимым подготовительным этапом для выведения смысловой динамики художественного текста, т.е. данная модель — это один из инструментов интерпретации и понимания, которые составляют основу переводческой деятельности.

ФОРМА ДИСКУРСА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Неслучайно современная парадигма перевода — герменевтическая. «Данная парадигма базируется на интерпретативно-смысловой концепции понимания и перекодирования исходного текста на» [Мишкур₂, 2013: 3] язык перевода, «решает на структурно-смысловых уровнях задачу адекватной интерпретации и перевода системы смыслов текстов различных типов, видов и жанров» [Мишкур₁, 2013: 69].

В соответствии с «герменевтическим поворотом» в современной теории и методологии перевода [Мишкур_{1,2}, 2013] сам процесс перекодирования информации, содержащейся в литературном произведении, с одного языка на другой, вслед за идеей П. Рикера о важности интерпретации, считаем возможным определить как интерпретацию двойственного характера. Во-первых, это межъязыковая интерпретация, позволяющая вывести (понять) авторское смысловое содержание произведения (речь идет о переводе с английского на русский язык переводчиком, носителем русского языка). Во-вторых, это внутриязыковая интерпретация, отвечающая за возможные варианты формулирования идеи автора на языке перевода при обязательном сохранении особенностей идиостиля. Уточним, что речь не идет о каком-либо переосмыслении содержания художественной прозы, но о выявлении авторского замысла и донесении его до читателя по возможности в неизменном виде.

Форма художественного дискурса, т.е. стереотипные мыслительные операции — итеративная модель понимания и закономерности выведения смысловой динамики произведения, — это основа межъязыковой и внутриязыковой интерпретации, делающая процесс перевода в принципе осуществимым.

Приведем несколько примеров функционирования стереотипных мыслительных операций в сознании переводчика в момент осуществления профессиональной деятельности на материале рассказа О. Генри «Последний лист».

Остановимся на нескольких из многочисленных функций итеративной модели понимания.

Во-первых, данная модель является пока единственным инструментом, позволяющим проследить динамику становления и развития художественного образа в произведении, показать авторское видение героя или ситуации, а следовательно, способствующим сохранению идиостиля в тексте перевода (при восприятии стиля автора в качестве системы образов, заложенных в произведение).

Например, в начале анализируемого рассказа один из его героев — старик Берман — не производит положительного впечатления из-за пристрастия к алкоголю, пустых мечтаний, душевной черствости. Формированию данного образа способствует цепочка слов и словосочетаний по теме «характер человека»: «*a painter; a failure in art; drank gin to excess; scoffed terribly at softness; had been always about*

to paint a masterpiece, but had never jet begun it; shouted contempt and derision, etc.» (художник; неудачник в искусстве; пил запоем; издевался над всякой сентиментальностью; все собирался написать шедевр, но даже и не начал его; презрительно высмеивал). Однако с течением повествования образ разительно меняется. Составляющие тематической цепочки заставляют мысленно вернуться в начало произведения и раскрывают авторское видение героя: «*died of pneumonia; shoes and clothing wet through and icy-cold; some scattered brushes; the last ivy leaf on the wall; he painted... the night the last leaf fell; it's Behrman's masterpiece, etc.»* (умер от воспаления легких; башмаки и одежда промокли насквозь и были холодны, как лед; несколько брошенных кистей; последний лист плюща на стене; он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист; это и есть шедевр Бермана).

Художник оказывается человеком, способным ценой собственной жизни спасти ближнего своего. В тексте оригинала к данному выводу реципиента постепенно подводят тематически объединенные лексические элементы, расположенные по всему тексту рассказа. Встречая очередной элемент данной цепочки, читатель мысленно возвращается к началу произведения и корректирует складывающийся образ героя, т.е. для понимания особенностей формирования и развития образа мысль совершает итерацию. При бережном сохранении в тексте перевода всех составляющих тематической цепочки подобные итеративные движения мысли позволят русскоязычному читателю воссоздать авторское видение героя рассказа, следовательно, особенности идиостиля будут сохранены в тексте перевода.

Во-вторых, итеративная модель понимания позволяет логически вывести контекстуально обусловленное значение текстового элемента. Процесс семиозиса конечен в художественной литературе и определяется длиной тематической цепочки, указывающей на речевое значение слова в конкретном контекстном употреблении. Рассмотрим следующее предложение:

*Sue pulled the **shade** down to the window-sill...* [O. Henry 2009: 87].

Слово, представляющее сложность для перевода из-за полисемичности, выделено жирным шрифтом. Конвенциональные значения текстового элемента *shade* являются следующими: «тень, оттенок, абажур, штора, полумрак, экран, нюанс, щит, прохлада и т. д.». Для адекватного перевода анализируемого слова обратимся к тексту рассказа и выявим тематическую цепочку, определяющую речевое значение рассматриваемой единицы языка. В данном случае, цепочка состоит из двух элементов «*pulled down*» и «*window-sill*», которые указывают на то, что речь идет о сокрытии вида из окна. Из всех возможных значений наиболее подходящим является «штора»:

*Сью спустила **штору** до самого подоконника...* [О. Генри 1985: 104] — перевод Н. Дарузес.

Наконец, проследим взаимосвязь итеративной модели понимания, межъязыковой и внутриязыковой интерпретации, и закономерностей выведения смысловой динамики произведения.

Обратим внимание на отрывок из прозаического произведения:

«I shell die at the same time».

«Dear, dear!» said Sue, leaning her worn face down to the pillow... [O. Henry 2009: 88].

Проанализируем предложение, выделенное жирным шрифтом. Второе предложение послужит необходимым и достаточным контекстом для данного анализа.

Процесс перевода начинается с межъязыковой интерпретации, т.е. с понимания смысла высказывания на исходном языке.

С одной стороны, лексические единицы «Dear, dear» не представляют сложности для перевода. Как правило, в англоязычных странах данные слова выполняют функцию ласкового обращения к собеседнику и переводятся в зависимости от контекста как «дорогая» или «дорогой».

С другой стороны, итеративная модель понимания обуславливает возвращение мысли переводчика к предыдущему предложению, повествующему о пессимистическом настрое героини рассказа, о ее мрачной уверенности в скорой смерти. Естественной реакцией собеседника является испуг и желание отвергнуть страшную мысль. Далее предположительно происходит обращение переводчика к имеющемуся опыту, который предлагает подсказку — словосочетание «*Dear me*», которое возможно перевести как «Боже мой». Итак, мы получаем смысл рассматриваемых лексических единиц — констатация ошибочности высказанной мысли, формулировка которой включает в себя обращение к Богу.

Далее начинается этап внутриязыковой интерпретации, т.е. выражение полученного смыслового содержания при помощи единиц языка перевода. Сама природа интерпретации подразумевает возможность существования нескольких равнозначных переводческих эквивалентов, ибо одну и ту же мысль можно сформулировать разными способами. Например, «Бог с тобой, Господь с тобой, побойся Бога и т.д.».

Выстроим перевод предложения в соответствии со смысловой динамикой произведения, т.е. будем принимать во внимание только те значения лексических элементов, которые способствуют положительному приросту смыслового содержания, являются **необходимыми и достаточными** для понимания авторского замысла. Начнем предложение с одного из полученных переводческих эквивалентов:

«**Побойся Бога**», далее следуют лексические единицы, перевод которых не представляет никакой сложности — «*said Sue*» — «**сказала Сью**». Фраза «*leaning her worn face down to the pillow*» требует дополнительного комментария. В словаре зафиксированы следующие варианты перевода прилагательного «*worn*»: потертый, изношенный, старый, изнуренный и т.д. Слово «*face*» ограничивает выбор возможных переводческих эквивалентов до «старый» и «изнуренный». Полученное словосочетание «старое лицо» или «изнуренное лицо» вступает в противоречие с информацией, находящейся в начале рассказа. Переводчик мысленно обращается к ней и делает вывод, что речь идет о лице молодой девушки, много и упорно работающей для спасения больной подруги, следовательно, ее лицо не может быть «старым», но будет носить на себе признаки крайней усталости. С одной стороны, словосочетание «усталое лицо» является контекстуально обусловленным. С другой стороны, его нельзя употребить в переводе, поскольку оно не способствует положительному приросту значения, т.к. вступает в противоречие с выражением «*leaning ... down to the pillow*». Значение выражения понятно: «прикладывая/кладя/склоняя ... на подушку». Мысленное обращение к имеющемуся у переводчика опыту показывает, что «прикладывать/склонять» на подушку можно «голову»,

но не «лицо». «Лицом» в подушку можно только «уткнуться» и, например, расплакаться. Однако данного значения в тексте оригинала нет. Возвращаемся вновь к выражению «усталое лицо» и интерпретируем его как «усталая голова». При помощи итеративной модели понимания получаем окончательный вариант перевода рассматриваемого предложения:

— *Побойся Бога!* — сказала Сью, прикладываясь усталой головой на подушку.

Аналогичный вариант предлагает переводчик Н. Дарузес:

— *Да Бог с тобой!* — сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке [О. Генри 1985: 104].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании понятия «текст» и «дискурс» полностью разделяются, следовательно, аспекты «формы» у данных понятий подлежат разграничению на основании оппозиции статичности — динамичности природы анализируемых феноменов. Тем не менее, «форма текста» и «форма дискурса» имеют тождественную характеристику — категорию стабильности — позволяющий использовать единый научный термин для их обозначения. Стабильность «формы текста» выражается его структурно-языковыми параметрами. Стабильность «формы дискурса» реализуется в стереотипности законов работы мозга, в данном исследовании — в итеративной модели понимания и в особенностях выведения смысловой динамики произведения. Форма дискурса оказывает непосредственное влияние на процесс перевода, поскольку лежит в основе межязыковой и внутриязыковой интерпретации, делая данный процесс в принципе возможным.

© Новикова М.Г.

Дата поступления: 18.09.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бехтерева Н.П. О гибких и жестких звеньях мозговых систем обеспечения психической деятельности [Bechtereva N.P. About Flexible and Rigid Links of Brain Systems that Provide Psychic Activity]: http://www.rgutis.net/kpsr-00/Content/student/Uch_Metod/Kargin/bechtereva.pdf (18.04.16).
2. Гарбовский Н.К. (2013). Теория, методология и дидактика перевода [Garbovsky N.K. Comparative Stylistics and Translation Methodology] // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1.
3. Иванов Н.В. (2015). Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) [Ivanov N.V. Dichotomies in Translation: Ontological Definition of Scientific Object in Translation Studies] // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. Москва, 2015. № 4. С. 34—64.
4. Клепальченко И.А., Новикова М.Г. (2015) Сущностные характеристики художественного дискурса [Klepalchenko I.A., Novikova M.G. Essential Characteristics of Literary Discourse] // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). № 6. Том 1. С. 120—125.

5. Мишкuroв₁ Э.Н. (2013). О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) [*Mishkurov E.N. On the “Hermeneutical Turn” in the Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part I)*] // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1. С. 3—29.
6. Мишкuroв₂ Э.Н. (2013). О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть III) [*Mishkurov E.N. On the “Hermeneutical Turn” in the Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part III)*] // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3. С. 24—47.
7. Новикова М.Г. (2016). Динамика формы и содержания художественного дискурса [*Novikova M.G. Form and Content Dynamics of Literary Discourse*] // Военно-гуманитарный альманах: лингвистика. Язык. Коммуникация. Перевод. Москва: ИД «Международные отношения». Выпуск № 1. Том 2. С. 362—367.
8. Новикова М.Г. (2014). Смысловые корреляции в дискурсивной динамике перевода [*Novikova M.G. Semantic Correlations in the Discourse Dynamics of Translation*]: Дис. ... доктора филол. наук. Москва.
9. О. Генри (1985). Избранные новеллы [*O. Henry Selected Short Stories*]. Москва: Изд-во «Правда».
10. Сидоров Е.В. (2009). Онтология дискурса [*Sidorov E.V. Discourse Ontology*]. М.: Кн. дом Либроком.
11. Степанов Ю.С. (1965). Французская стилистика [*Stepanov J.S. French stylistics*]. Москва: Высшая школа.
12. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология [*Strelkov J.K. Engineering and Professional Psychology*]: http://www.psyoffice.ru/2050-8-psichology-book_o607_1.html (03.04.16).
13. Цурикова Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике [*Tzurikova L.V. Problems of Cognitive Analysis of Discourse in Modern Linguistics*]: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2001/02/tzurikova.pdf> (17.09.2012).
14. О. Генри (2009). A Service of Love. Stories. Москва: Изд-во «КАРО».

УДК: 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-166-173

DYNAMICS OF THE FORM FOR LITERARY DISCOURSE AND TRANSLATION

M.G. Novikova

Russian State University of Justice

Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418

Novikova_mg@mail.ru

Abstract. The notions of “text form” and “discourse form” are differentiated in the article. The category of identity, which allows using one and the same term for both concepts, is defined as well. The discourse form is represented as a dynamic phenomenon, embodying features of stereotyped activity of consciousness in the process of understanding a literary work. This activity is divided into two interrelated groups: an iterative understanding model and perception of patterns for semantic dynamics of the plot. It is also proved that the dynamics of the form for literary discourse is the basis of translingual and intralinguistic interpretation, thus it is the basis for the translation process.

Key words: dynamics of the form for literary discourse, iterative understanding model, category of stability, cognitive processes, interpretation, literary translation

УДК: [811.161.1:811.111:811.112.2]'36
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-174-181

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АББРЕВИАЦИИ (на материале русского, английского и немецкого языков)

О.И. Максименко

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005
kaf-tpl@mgou.ru

В статье рассматриваются процессы, наблюдаемые в современном словообразовании, на примере аббревиации. Цель — анализ современных инициальных аббревиатур в русском, английском и немецком языках, функционирующих в среде городского ландшафта, документации и интернет-пространстве. В результате анализа выявляются тенденции, характерные для каждой социокультурной среды, проверяется эффективность действия «принципа наименьшего количества усилий Дж. Ципфа, выявляются новые характерные особенности образования и функционирования инициальных аббревиатур в каждом из рассматриваемых языков на материале выборки, полученной автором; проверяется возможность распознавания и разворачивания аббревиатур в исходное словосочетание.

Ключевые слова: инициальная аббревиатура, акроним, принцип экономии усилий, распознавание

Согласно одной из эмпирических закономерностей профессора Гарвардского университета Джорджа Ципфа (George Kingsley Zipf, 1946), названной «законом аббревиатур», «принципом наименьшего количества усилий» или «принципом экономии усилий» (соотношение частоты встречаемости и длины слова), длина слова обратно пропорциональна его частоте. Это легко проверяется путем анализа списка служебных слов: более короткие слова требуют меньше усилий при воспроизведении, и таким образом, используются чаще других. Этот принцип наблюдается, в частности, при использовании бесчисленного количества аббревиатур, встречающихся в повседневной жизни (в реальном и виртуальном мире) как в русском, так и иностранных языках.

Академические словари русского языка называют аббревиацию одним из безаффиксных способов словообразования путем сложения сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание. Аббревиация считается одним из самых молодых способов словообразования. Известно, что стремление к обновлению, не всегда рациональному, происходит в период изменения общественного строя. Первый «аббревиатурный взрыв» был отмечен во время Великой французской революции. В России «аббревиатурный взрыв» произошел после 1917 г., когда также, на волне общего стремления к обновлению окружающей действительности, в том числе и языка, появилось множество неологизмов, построенных по разным аббревиатурным моделям. Подобная ситуация повторилась и после распада СССР.

В русском языке выделяется несколько структурных разновидностей аббревиации:

- 1) *звуковая* — сочетание начальных звуков сокращенных слов;
- 2) *буквенная* аббревиация — объединение начальных букв;
- 3) *слововая* аббревиация — объединение элементов сокращенных слов, аналогичных слогу;
- 4) *слово-словная* аббревиация — объединение слова и сокращенного элемента;
- 5) *смешанная* аббревиация — объединение сокращенных элементов разных типов;
- 6) *телескопическая* аббревиация — объединение начала одного слова и конца другого [http://lingvistics_dictionary.academic.ru].

Особенно интересны инициальные аббревиатуры (акронимы), функционирующие как в виртуальной среде, так и реальном мире, т.е. звуковые и буквенные аббревиатуры, появившиеся в русском языке в новейшее время после распада Советского Союза и изменения общей ситуации в стране — своего рода новой «революции». Особенность современных аббревиатур состоит в невозможности однозначной интерпретации их смыслов отчасти из-за особой лингвокреативности их создателей, отчасти из-за возникающей в результате этого процесса омонимии аббревиатур, отчасти из-за специфики образования от иностранных (часто английских) заимствований.

Прежде чем перейти к анализу функционирования аббревиатур, необходимо упомянуть связь двух терминов — «аббревиатура» и «акроним», часто выступающих как синонимы. В классификацию Академической грамматики русского языка-80 термин *акроним* (образованный от греческих слов *akros* — ‘высокий, крайний’ и *опута* — ‘имя’) вообще не включался. В рамках данной системы он употреблялся для обозначения определенной разновидности аббревиатур (преимущественно инициально-звуковых), совпадающих по форме с какими-либо словами, омонимичными этим словам (что могло быть результатом случайного совпадения или сознательной имитации, обусловленной языковой игрой) [РГ 1980]. Так, Н.С. Валгина пишет, что «наметилась новая тенденция в образовании звуковых и буквенных аббревиатур. Это слова с двойной мотивацией, слова-акронимы (первые буквы наименования, стянутые вместе, образуют знакомые слова). Они удобны, вызывают привычные ассоциации, благозвучны, запоминаемы. Это своеобразные, придуманные специально омонимы» [Валгина 2001: 115].

Однако в английском языке, из которого пришел данный термин, он имеет другие толкования. Известно время появления термина *акроним* — утверждают, что он был создан в 1943 г. в США из элементов греческих слов, и в англо-американской лингвистической литературе этот термин сразу же получил несколько различных трактовок: это и «телескопические» слова, и сокращения, составленные из усечений, и инициальные аббревиатуры звукового типа, и слоговые сокращения. В данной работе под акронимом мы будем понимать именно инициальные аббревиатуры, не обязательно превращающиеся, по Н.С. Валгиной, в «знакомые слова».

Для проведения анализа нами был подобран массив инициальных аббревиатур, встречающихся в русском языке в реальном мире — «лингвистическом ландшафте» города, в деловой документации, а также в виртуальном мире — аббревиатуры, встречающиеся в социальных сетях, таких как Facebook и Twitter. В последних сокращенный формат сообщения логично предполагает наличие аббревиатур. Присутствие в русском языке подобных аббревиатур проверялось по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). Общий объем аббревиатур на русском языке составил около 200 единиц, на английском и немецком языках (в соцсетях Facebook и Twitter) также около 200 единиц.

Образование инициальных аббревиатур (акронимов) в русском языке в последнее время существенно возросло. Одно из самых распространенных мест размещения акронимов — это рекламные баннеры, флаеры, информационные и рекламные надписи на бортах городского транспорта, автомобилей и пр. С одной стороны, подобное использование акронимов прагматически оправдано — места на борту автомобиля для размещения развернутого названия компании или услуги недостаточно. С другой стороны, чтобы информация дошла до потребителя, надо создать такой акроним, который был бы информативен, привлекал внимание и был доступен для восприятия и понимания. Подобное происходит не всегда. Например, акроним *С.О.К.* (надпись на автомобиле). Он привлекал внимание — был написан ярким цветом, на броском фоне (т.е. кроме вербального применялись другие семиотические коды), использовались элементы пунктуации (точки после заглавных букв), однако без дополнительного вербального компонента, пояснявшего этот акроним, однозначно интерпретировать его невозможно. В современной рекламе точки после заглавных букв часто используются как элемент усиления эмоциональности, так что *С.О.К.* вполне можно было интерпретировать как «очень хороший сок», но авторы акронима имели в виду совершенно иное: «*С.О.К.* = *сантехника, отопление, кондиционеры*». Поскольку данный акроним не поддерживался иконическим компонентом, однозначной расшифровке он не поддавался.

Примером из английского языка может служить название рубрики телевизионного канала «Евроьюс»: “*This is I.T.*”, которое можно перевести как «Это информационные технологии» благодаря точкам после заглавных букв, и «Это именно то, что нужно», если данную фразу воспринимать не на слух (название рубрики произносится в эфире), а визуально, что добавляет данной номинации, с одной стороны, эмоциональность и положительную коннотацию, а с другой стороны, расширяет диапазон интерпретации. Подобная омонимия аббревиатур «снимается», если учитывать элементы креолизации, в данном случае нестандартное использование прописных букв и знаков препинания, например: *АЛЖИР* — *Акмолинский лагерь жен изменников родины vs Алжир как название страны*; *БАД* — *биологически активная добавка vs бад* — *бомбардировочная авиационная дивизия* и др.

Одним из самых распространенных мест размещения инициальных аббревиатур в «городском ландшафте» служат рекламные баннеры. Нередко эти аббревиатуры создаются искусственно как неологизм, в результате чего вместо желаемой цели — минимизации усилий и легкости интерпретации — возникает обратный эффект, например, «*МРТ в МРЦ*». Если акроним *МРТ* (*магнитно-резонансная то-*

мография) благодаря своей частотности узнаваем, то распознавание *МРЦ* требует когнитивных усилий — *медицинский региональный центр*. Идея автора рекламы очевидна — двойной симметричный трехбуквенный акроним способен привлечь внимание, но плохо разворачивается в полноценную номинацию. К этому же типу акронимов можно отнести такой акроним как *МММЦ* — *Московский молодежный многофункциональный центр* и многие другие.

Еще один тип современной аббревиации в русском языке — это создание акронимов на основе заимствований из иностранных языков. Конечно, подобные процессы присутствовали в русском языке и раньше, но их масштаб был иным. Примером может служить слово «лазер», которое в современном русском языке практически потеряло статус специального термина из-за широкого использования этой технологии в технике и медицине. Известно, что *лазер* — это инициальная аббревиатура слов фразы на английском языке *Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation* (пер. усиление света в результате вынужденного излучения). Сам прибор был изобретен в Советском Союзе и назывался «оптический квантовый генератор», но это название осталось только в научной литературе, а слово «лазер» вошло в ядро лексики русского языка благодаря частоте употребления, приняв русскую морфологию и перестав тем самым восприниматься как инициальный акроним английской фразы. Аналогичная история произошла и со словом «радар» — акронимом английской фразы *Radio Detection and Ranging* (пер. радиообнаружение и измерение дальности).

В наши дни, когда в разные сферы жизни приходят новые денотаты вместе со своими номинациями, происходит одновременное заимствование как самого объекта, так и его вербальной составляющей. Заимствование часто осуществляется по принципу транслитерации: *МДФ* [эм дэ эф] от *MDF* (*medium density fiberboard*) — древесноволокнистая плита средней плотности; *ХДФ* [ха дэ эф] от *HDF* (*high density fiberboard*) — древесноволокнистая плита высокой плотности; *ОСБ* [о эс бэ] от *OSB* (*oriented stand board*) — ориентированно-стружечная плита. Эти номинации вошли в строительную терминологию именно в виде транслитерированных английских акронимов (а не акронимов, образованных от русских переводов) и закрепились в русском языке, причем массовому потребителю перевод, как правило, неизвестен. Отдельно в этом ряду стоит акроним *ЛДСП* — ламинированная древесно-стружечная плита — акроним, образованный от номинации объекта на русском языке.

Одним из ярких примеров инициальной аббревиатуры может служить акроним *ППС*, характеризующийся широкой омонимией (до 46 значений). В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (основной корпус) [<http://www.ruscorpora.ru>] зафиксировано 156 вхождений *ППС* — например, патрульно-постовая служба, профессорско-преподавательский состав, пистолет-пулемет Стечкина, паритет покупательной способности, профессиональная переподготовка специалистов, потенциал простого слоя, предметно-пространственная среда, прикладная программная система, пенополистирол и др. Интересно зафиксированное в НКРЯ метафорическое использование акронима *ППС* (в художественном тексте) — (девушка), приехавшая покорять столицу.

Примером акронимов-омонимов может служить и акроним *SVO* — как инициальная аббревиатура международного названия аэропорта «Шереметьево» и лингвистического термина «прямой порядок слов» — «subject, verb, object».

Новой тенденцией образования и функционирования инициальных аббревиатур в русском языке можно считать появление длинных свернутых номинаций, плохо поддающихся развертыванию и превращающихся, по сути, в акроним-клаузу. Это явление характерно для номинации различных организаций и учреждений. В советский период акронимами номинировались только достаточно «узкие» названия структур и организаций, легко узнаваемые благодаря частоте употребления: КПСС, МГУ, МГИМО, МФТИ и пр. В наше время до уровня акронима сокращается полное официальное название организации, представляющее собой в развернутом виде словосочетание длиной до 15 элементов (например, полное название Военного университета). Особенно это характерно для номинации учебных заведений, в частности, средней и высшей школы: ГОУ ВО МО МГОУ — Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет»; ФГКВБОУ ВПО ВУ — Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации; ФГАОУ ВПО НИТУ МИСиС — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный исследовательский технический университет МИСиС. Последняя номинация особенно интересна, поскольку сочетает в себе новое название (первые три акронима названия) и старое название известного вуза, существовавшее в течение многих лет — Московский институт стали и сплавов.

К этой же категории акронимов-клауз можно отнести следующие примеры: ОБ ГУВД ДПС МВД СВАО (надпись на борту патрульного автомобиля) — Отдельный батальон государственного управления внутренних дел дорожно-постовой службы Министерства внутренних дел Северо-восточного административного округа; ФГУ УЗ ЦМСЧ 119 ФМБА РФ (надпись на рекламном баннере) — Федеральное государственное учреждение здравоохранения Центральная медико-санитарная часть Федерального медико-биологического агентства. Сворачивание столь емких номинаций объясняется с позиций лингвопрагматики — само произнесение длинных названий тяжело для говорящего и сложно воспринимается адресатом, при этом нарушаются все правила успешной коммуникации. Однако как письменная фиксация, так и произнесение этих инициальных аббревиатур также могут стать предпосылкой коммуникативной неудачи — не владея определенными фоновыми знаниями, правильно развернуть, фактически дешифровать, такие аббревиатуры крайне сложно. Хотя, как мы видим, обе упомянутые выше структуры относятся к социальной сфере (полиция и медицина), где, предположительно, номинации должны быть доступны реципиентам-обывателям, чего достичь не удастся.

Таким образом, особенность современных инициальных аббревиатур русского языка состоит в невозможности однозначной интерпретации их смыслов отчасти из-за:

- специфики образования от иностранных (часто английских) заимствований (*HDF — ХДФ*);
- существующей омонимии аббревиатур (*ППС, SVO*);
- новой тенденции «сворачивать» длинные номинации в акроним, в результате чего возникают своего рода акронимы-предложения (*ФГКВОВ ВПО ВУ, ОБ ГУВД ДПС МВД СВАО* и пр.);
- особой лингвокреативности их создателей (*С.О.К.*);
- использования разных семиотических кодов в структуре акронима.

Акронимы, используемые в электронной переписке и социальных сетях, не менее представительны, но их априорные источники — это чаще всего не номинативные словосочетания, как приведенные выше, а завершенные предложения и фразы, как, например, в социальных сетях Facebook и Twitter, сокращаемые именно из-за высокой частоты употребления, что в полной мере подтверждает закономерность Ципфа.

В англоязычных социальных сетях акронимы используются намного чаще, чем в русскоязычных, и, с точки зрения англоговорящих коммуникантов, они легко узнаваемы благодаря своей частотности, например, *ASAP (As soon as possible)*; *AUOK? (Are you Ok?)*; *KIT (Keep in touch)*; *BBS (Be back soon)*.

Структура английских акронимов разнообразна. Чаще всего это фонетические акронимы, построенные по принципу «игры слов» из компонентов разных семиотических кодов — вербального и невербального (цифр, знаков препинания), например, *H8 (Hate = H + 8 [eight])*, *F2T (Free to talk)*, *4U (For you)* и пр. Наиболее частотное использование в этой модели цифр 2, 4 и 8, фонетически совпадающих с предлогом *to*, местоимением *you* и числительным *eight*. Стремление использовать разные семиотические коды присутствует и в названии общественных движений и организаций, например, *S↑2C* или *SU2C (Stand up to cancer)*. Отдельно стоит рассмотреть необычные невербальные акронимоподобные выражения, например, *(+I)*, символизирующее полное согласие с адресантом. Акроним *XO (hugs and kisses)* — «обнимаю и целую» также относится к категории уникальных, поскольку представляет собой по сути не вербальный, а графический иконический акроним, где X и O — не буквы, а иконические символы: X визуально напоминает объятия, а O символизирует губы, готовые к поцелую. Стоит отметить, что есть и иная, обратная, интерпретация этого символа, которая приводится в известном онлайн словаре современного английского сленга *English Urban Dictionary*: O=Hug, X=Kiss “If you look at each letter like it was representing two people from a bird's eye view, the "O" represents the arms of those persons hugging each other while the "X" is evocative of two people kissing each other”. Однако, как видно из приведенного примера, общее значение этой символической аббревиатуры из-за изменения интерпретаций входящих в нее символов не меняется. Этот акроним имеет омоним в другой сфере, а именно в виноделии — *XO (Extra Old)*, который является показателем выдержки коньяка.

В немецком языке в целом наблюдаются схожие тенденции образования сетевых аббревиатур, но есть и определенные различия. Инициальные аббревиатуры представлены довольно широко: *BSE* (*Bin so eisam*), *KV* (*kannste vergessen*), *ivd!* (*ich vermisse dich!*), *JoN* (*Jetzt oder nie*), *bd* (*brauche dich*). Однако в немецкой сетевой переписке есть модель образования сетевых аббревиатур, отсутствующая как в английском, так и в русском языках — это аббревиатуры, использующие не строго инициальную формулу, а первые две буквы слова, отчасти напоминающие русские слоговые аббревиатуры, встречавшиеся в создании аббревиатур в 20-е гг. прошлого века, но отсутствующие как модель образования современных русских сетевых аббревиатур. Например, *HASE* (*Habe Sehnsucht*), *WaMaDuHeu* (*Was machst du heute?*), *braduhi?* (*Brauchst du Hilfe?*), *MaMiMa* (*mail mir mal*), *RUMIAN* (*Ruf mich an*), *DuBiMeiLe* (*Du bist mein Leben*). Сочетание в процессе аббревиации разных семиотических кодов также встречается, но реже, чем в английском языке: *G+K* (*Grüss und Kuss*), *gn8* (*gute Nacht*). Наблюдается также омонимия аббревиатур: *www* — *world wide web* (англ.) и *Wir werden warten* (нем.) и, по всей видимости, случайное совпадение полнозначного английского слова *news*, в немецком языке представляющего собой акроним от *Nur ein wenig sauer*.

Сетевые акронимы на русском языке разнообразием не отличаются. Это, как правило, акронимы, которые пишутся строчными буквами, чтобы не переключать раскладку клавиатуры: *зы* = *PS*, *дол* = *LOL* (*Laughing out loud*), *ИМХО* = *IMHO* (*in my humble opinion*) — еще одно подтверждение принципа «экономии усилий» Ципфа. Изменение регистра указывает на эмотивность акронима. Стоит отдельно отметить, что неизвестные адресатам акронимы на русском языке «дешифровке» не поддаются, и большинство пользователей русскоязычных социальных сетей если и пользуются акронимами, то распространенными английскими вариантами.

Можно сделать вывод, что инициальные аббревиатуры, возникающие в современном языке, реализуют функции номинации, «экономии усилий» как в рамках норм того или иного языка, а также обладают повышенной экспрессивностью путем использования знаков разных семиотических кодов в зависимости от прагматической установки создателей аббревиатуры. Однако «закон экономии усилий» Дж. Ципфа в результате нарушается из-за невозможности однозначной интерпретации аббревиатур-акронимов, а количество современных аббревиатур мешает качеству их восприятия.

© Максименко О.И.

Дата поступления: 15.09.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Валгина Н.С. (2001). Активные процессы в современном русском языке [*Valgina N.S. Active processes in modern Russian*]. Москва: Логос.
2. Русская грамматика (1980) / ред. Н.Ю. Шведовой [*Russian grammar / ed. by N.Y. Shvedova*]. Москва: Наука.
3. http://lingvistics_dictionary.academic.ru.
4. <http://www.ruscorpora.ru>.

УДК: [811.161.1:811.111:811.112.2]'36

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-174-181

NEW ABBREVIATION TENDENCIES (in russian, english and german languages)

O.I. Maksimenko

Moscow State Regional University
Radio str., 10a, Moscow, Russia, 105005
kaf-tp1@mgou.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern processes of word-formation — abbreviation. The purpose of the investigation is the analysis of modern initial abbreviations in Russian, English and German languages functioning in a city landscape environment, documentation and Internet-communication. As a result of the analysis tendencies, characteristic for sociocultural environments are revealed, efficiency of “a principle of the least amount of efforts” by G. Zipf is checked, new prominent features of formation and functioning initial abbreviations in each of examined languages on a material of the sample received by the author are revealed; the opportunity of identification and deployment of abbreviations in an source word-combination is checked.

Key words: initial abbreviation, acronym, a principle of efforts economy, identification

УДК: [811.161.1:811.111:811.133.1]’070
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-182-187

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: НОВОСТНЫЕ СООБЩЕНИЯ НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Н.С. Найденова, А.А. Мурадян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
kafedra_fl_rudn@mail.ru

В статье рассматриваются основные лингвостилистические особенности экономического дискурса, исследуемые на материале трех языков: английского, французского и русского. Материалом для сравнительного анализа послужили тексты новостных сообщений из различных информационных изданий (печатных и Интернет), основной темой которых являлось освещение современной экономической конъюнктуры, в частности, составление прогнозов по дальнейшей стабилизации или дестабилизации курса рубля на фоне выхода Великобритании из Евросоюза. Выявляются лексико-семантические параметры, детерминирующие экономический дискурс, и проводится сопоставительный анализ их функционирования в трех языках. Анализируется лексическое наполнение и синтаксическая организация текстов новостных сообщений на английском, французском и русском языках. Особое внимание уделяется контрастивному анализу использования выразительных средств языка и стилистических фигур в экономическом дискурсе. Изучаются особенности языковой репрезентации концепта *Brexit*.

Ключевые слова: детерминанта, дискурс-анализ, экономический дискурс, рубль, Brexit

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью современного мира и того, как мы его воспринимаем, является его необычайная гибкость: элементы абсолютно разнородных структур, принадлежащих к, казалось бы, совершенно не пересекающимся областям, находят свое отражение друг в друге, комбинируясь и переплетаясь порой немислимым образом. Язык в этой системе бесконечно взаимодействующих связей становится инструментом сцепления, передачи и рефлексии аккумулированной извне информации.

Экономический дискурс сегодня — это не просто средство отражения состояния рыночной конъюнктуры на тот или иной период времени, но сложный конгломерат информационных данных, что обеспечивает его взаимосвязь с некоторыми другими видами дискурса. Самым важным для нашего исследования видом, наиболее тесно связанным с экономическим дискурсом, является политический дискурс.

Едва начавшись, 2016 г. с политической точки зрения стал лишь продолжением затянувшегося крутого пике, сопряженного с обострением кризиса мировой финансовой системы. Первый решительный шаг на пути решения собственных проблем предприняло правительство Великобритании, обещавшее своим гражданам

большую экономическую безопасность и независимость в принятии решений по ряду вопросов.

Феномен, получивший название *Brexit* по аналогии с разразившейся несколькими годами ранее ситуации вокруг Греции (*Grexit*), на какое-то время стал одной из самых обсуждаемых тем среди представителей мировой общественности, политиков и СМИ. В отличие от *Grexit*, который так и остался гипотетическим вариантом развития событий в условиях стремительно развивающегося долгового кризиса, в котором оказалась страна, *Brexit* стал событием реальным, пошатнувшим некоторые устои Евросоюза как целостной сплоченной системы, идущей в едином направлении и преследующей единые цели.

Неологизм *Grexit* очень быстро стал популярным среди пользователей социальных сетей, в частности Твиттер, где пользователи при помощи хэштега с соответствующим ключевым словом могли быстро переходить к чтению новостей по интересующей их тематике. Доказательством этого стало появление в СМИ ряда неологизмов, образованных при помощи телескопии, в числе которых — *Frexit* (France + exit), *Nexit* (Netherlands + exit), *Oexit* (Österreich + exit). Для образования неологизмов используются и другие лексемы, относящиеся к лексико-семантическому полю *exit*, например, *leave*, *departure*, *finish*, *bye*: *Italeave* (Italy + leave), *Departugal* (*Departure* + *Portugal*), *Finish* (Finland + *finish*), *Byegium* (*Bye* + *Belgium*). Неологизмы образуются и на основании фонетического сходства, например *Czechout* (*Czech* + *out*, созвучно с *check out*).

Описанные события находят отражение в новостных лентах большинства мировых СМИ. Однако стоит отметить, что не всегда форма подачи материала является одной и той же. Определяющие тот или иной способ языкового оформления средства варьируются на различных уровнях репрезентации медиатекстов. Именно об этих различиях и сходствах пойдет речь в настоящей статье.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

Сообщения новостных изданий, как и любой другой текст, представляют собой информационное полотно, имеющее своей целью донесение определенных сведений до слушателя, читателя, зрителя или собеседника. Однако когда речь заходит о текстах новостей, немаловажным становятся и другие функции, присущие именно этому виду текстов.

В этой связи необходимо вспомнить о дискурс-анализе, который вносит свой вклад в критический социальный анализ дискурса и отношений между дискурсом и другими элементами общественной жизни (властью, идеологиями, институтами, социальными единицами и т.д.) [Fairclough 2012].

Как утверждает В.Е. Чернявская, дискурсивный анализ «сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения» [Чернявская 2014: 102].

Проводя тот или иной анализ, исследователь приходит к выявлению определенных закономерностей, отличительных черт, некоторых единиц — детерминант, которые Г.П. Мельников описывает как «и важнейшую, определяющую характеристику системы, и показатель того, что все в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано, системно взаимосвязано» [Мельников 1969: 36—37].

Следует отметить, что детерминанта в этом смысле становится не только неотъемлемой частью системы языка в целом, но и определяющей единицей отдельно взятого текста, задавая его специфические черты и характерные качества. Таким образом, детерминированность той или иной единицы носит с одной стороны характер постоянный, но с другой стороны имеет признаки, варьирующиеся в зависимости от тематики текста и цели исследования.

Таким образом, всесторонний анализ текста новостных сообщений может быть достигнут через применение как дискурс-анализа, так и детерминантного подхода, что позволит выявить наиболее значимые параметры экономического дискурса в медиа обрамлении.

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ В ТРЕХЪЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

По замечанию Т. ван Дейка, «анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов или диалогов. Когда дискурсы получают определение как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных или коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода» [ван Дейк 2015: 136].

И действительно: нельзя не согласиться с тем, что, когда мы говорим о коммуникативном событии, мы не можем ограничиться отдельным его элементом. Еще более актуальным целостное рассмотрение становится при исследовании экономического дискурса с позиции освещения в новостных изданиях, т.к. система взаимоотношений «говорящий — слушающий» перестает являться прямой. Задача «говорящего», а в данном случае мы говорим о производителе новости, состоит не только в том, чтобы довести информацию до «слушающего», но постараться убедить его в своей правоте, если потребуется, лишь силой слова, без возможности вступить в дискуссию или дополнить сказанное ранее.

Тексты на английском, французском и русском языках, посвященные описанию экономической конъюнктуры, имеют ряд детерминант, лежащих, в частности, в плоскости лексики, семантики и синтаксиса. Стоит отметить, что для текстов на всех трех языках характерно наличие широкого синонимического ряда, содержащего сему «падение» и служащего для описания ситуации вокруг рубля. Сравните:

◆ в английском

*«The currency of the world's biggest energy exporter **dropped** as much as 5.5 percent...»*

*«The Russian ruble **fell** to 65.49 against the dollar on Friday, but got slightly stronger against the euro...»*

*«Валюта одного из крупнейших экспортеров энергоресурсов **обвалилась** на 5,5%...» (Здесь и далее перевод наш — Н.Н., А.М.)*

*«Российский рубль **упал** до отметки в 65,49 за доллар в пятницу, однако немало укрепился по отношению к евро...»*

◆ в русском

«Итоги референдума в Великобритании привели к **падению** российских индексов и валюты на открытии торгов на Московской бирже».

«Российские активы теряют в цене на фоне новостей об итогах референдума в Великобритании».

«Впрочем, в дальнейшем не исключено **давление на нефтяные цены** (а следовательно, и на рубль), связанное с укреплением доллара, которое вызвал Brexit».

◆ во французском

«Le cours du pétrole va **chuter**, le rouble **s'affaiblir**»

«Le rouble **perd déjà des positions** du fait d'une réaction émotionnelle à **la baisse** du cours du pétrole...»

Цена на нефть **упадет**, а рубль **ослабевает**.

«Рубль уже **теряет позиции** после реакции на **понижение цен на нефть...**»

Несмотря на довольно узкопрофильную направленность текстов экономической тематики, здесь отмечается значительное количество интертекстуальных элементов. Особенно это касается текстов на английском языке:

*The situation is fragile, and one “**black swan**” event could trigger others, Finance Minister Anton Siluanov said in Moscow.*

*This is why the U.K.'s opposition, the Labour Party, is referring to it as a “**Tory Brexit**”.*

«Ситуация — хрупкая, один **черный лебедь** может вызвать появление других», — заявил Министр Финансов Антон Силуанов в Москве.

«Вот почему оппозиционеры в Великобритании — Лейбористская партия — называют выход Тори-Brexit».

В первом случае речь идет, скорее всего, о теории, суть которой состоит во внезапном происхождении тех или иных трудно прогнозируемых событий, имеющих серьезные последствия. Ее автором является Насим Николас Талеб, описавший события такого порядка в своей книге «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Второй же пример интересен прежде всего наличием сочетания лексемы *Tory* ('консервативная партия Великобритании') и уже упомянутого неологизма *Brexit*. Примечательно, что название консерваторы получили от своих противников — представителей лейбористской партии — виггов, которые и считают их основными зачинщиками референдума за выход из Евросоюза.

Тексты, в которых цитируются видные политические деятели и представители бизнеса, обретают не просто экономический, но политико-экономический характер, и, как следствие, увеличение задействованной целевой аудитории. Французские журналисты особенно охотно приводят слова Президента Российской Федерации В.В. Путина. В англоязычных и русскоязычных статьях преимущественно использованы высказывания главы Минфина РФ А.Г. Силуанова, а также представителей бизнес-структур.

На уровне синтаксиса необходимо отметить ряд конструкций, присущих русскоязычным текстам. Например:

«Такое масштабное событие, как выход Великобритании из Европейского Союза, не могло не отразиться на мировой экономике. **Однако** пока влияние Brexit выглядит разнонаправленным».

«Влияние Brexit на нефтяные цены оказалось спекулятивным, **но** фундаментальные факторы, такие как баланс спроса и предложения, на мировом рынке от выхода Великобритании не изменились».

Во всех описанных выше примерах мы видим использование противительных союзов, основным предназначением которых является смягчение изначальной информации. Таким образом, авторы сглаживают негативный эффект от несущих отрицательную коннотацию данных, полученных в предыдущей части предложения, фразы или абзаца.

Французские же тексты имеют довольно интересную синтаксическую особенность, которую можно заметить, сравнив построение заголовков на разных языках:

◆ в английском

«Ruble Extends Biggest Weekly Gain Since May on Brexit Isolation»

«Brexit to have limited effect on Russian economy — Finance Minister»

«Рубль укрепляется до максимума за неделю с мая на новостях о Brexit»

«Brexit окажет ограниченное влияние на российскую экономику — Министр финансов»

◆ во французском

«Brexit: quelles conséquences pour l'économie russe?»

«Après le Brexit, "Italeave" et une crise bancaire en prime?»

«Brexit: какими будут последствия для российской экономики?»

«После Brexit: Italeave и новый банковский кризис?»

◆ на русском

«Доллар взлетел на 2 руб. на новостях о Brexit»

«Эксперты назвали рубль привлекательной валютой на фоне Brexit»

Исходя из анализа приведенных выше фрагментов новостных текстов, мы можем отметить, что заголовки французских изданий, как правило, используют вопросительные предложения, ставя тем самым задачу — ответить на поставленный вопрос, постепенно развертывая повествование. Англоязычные авторы преследуют несколько иную цель: наиболее четко и точно определить и передать суть статьи. Очевидно, и сами тексты англоязычных авторов несут в себе информацию разъясняющего характера в отличие от русскоязычных новостей, которые заостряют внимание на конкретных событиях, что отражается и в структуре построения заголовков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выход Великобритании из состава Евросоюза, разразившийся как гром среди ясного неба, сильно ударил не только по экономике стран Европы, но и довольно существенно пошатнул идею единства, лежащую в его основе. Для России случившееся оценивалось по-разному: в то время как некоторые аналитики были уверены в ухудшении экономической ситуации и продолжении падения рубля, другие сумели найти и позитивные стороны. Постепенное ухудшение ситуации, связанное с наложением санкций и продолжительным падением цен на нефть, вынуждало правительство проводить вербальные интервенции.

Особенностью текстов новостных сообщений является их сложная структура, детерминированная рядом экстралингвистических и собственно языковых факторов. С точки зрения лексического наполнения экономического дискурса, во всех трех языках отмечено использование широкой палитры синонимов, служащих для

описания движения курсов валют и котировок. При этом англоязычные статьи в большей степени насыщены интертекстуальными элементами. Тексты статей на русском языке отличает особая синтаксическая структура, призванная смягчить подаваемую информацию. Что касается заголовков, статей, то особо следует выделить тексты на французском языке, заголовки которых построены в форме вопросительного предложения.

В целом, детерминантный подход позволяет провести исследование лингвистических детерминант, представляющих собой экстра- и интралингвистические параметры, которые играют ведущую роль в создании экономического дискурса.

© Найденова Н.С., Мурадян А.А.

Дата поступления: 05.10.2016.

Дата принятия к публикации: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ван Дейк Т.А.* (2015). Язык. Познание. Коммуникация [*van Dijk Teun A. Language, Cognition and Communication*]. Москва: ЛЕНАНД.
2. *Мельников Г.П.* (1969). Язык как система и языковые универсалии [*Melnikov G.P. Language as a system and language universals*] // Языковые универсалии и лингвистическая типология. Москва: Наука.
3. *Чернявская В.Е.* (2014). Лингвистика текста. Лингвистика дискурса [*Chernyavskaya V.E. Text Linguistics. Discourse Linguistics*]. Москва: ЛЕНАНД.
4. *Fairclough N.* (2012): [http://www.academia.edu/3791325/Critical_discourse_analysis_2012_\(15.08.2016\)](http://www.academia.edu/3791325/Critical_discourse_analysis_2012_(15.08.2016)).

УДК: [811.161.1:811.111:811.133.1]'070

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-182-187

LEXICO-SEMANTIC PARAMETRES OF ECONOMIC DISCOURSE: NEWS REPORTS IN ENGLISH, RUSSIAN AND FRENCH

N.S. Naydenova, A.A. Muradyan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russia, 117198

kafedra_fl_rudn@mail.ru

Abstract. The article discusses the main linguistic and stylistic features of economic discourse based on the material in three languages: English, French and Russian. The material for comparative analysis of the texts were the news reports from various information sources (printed and online), dealing with the current economic situation, and in particular, further stabilization or destabilization of the ruble after Brexit vote. Lexical and semantic parameters are identified that determine the economic discourse, and a comparative analysis of their functioning in three languages is held. The lexical content and syntactic organization of news reports in English, French and Russian is analyzed. Particular attention is paid to contrastive analysis of the use of expressive means of language and stylistic figures in the economic discourse. Language representation peculiarities of Brexit concept is studied.

Key words: determinant, discourse-analysis, economic discourse, ruble, Brexit

УДК: 81'37:81'34

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-188-194

INSECTOPHONES IN THE ENGLISH PHONOSEMANTIC SYSTEM

V.V. Oschepkova, E.S. Razheva

Moscow Region State University
Radio st., 10a, Moscow, Russia, 105005
razheva.elizaveta@rambler.ru

Abstract. The article is devoted the types of iconic lexis, the term insectophone is introduced and its place in the English phonosemantic system is defined. Insectophones differ from onomatopoeic words, vocatives, interjections, sound imitation words and ideophones. Insectophones take a specific niche in the phonosemantic system and can be regarded as a separate group of iconic lexis with its properties and functions.

Key words: insectophones, phonosemantic system, onomatopoeic words, vocatives, sound imitation, ideophonic words, phonetic motivation

INTRODUCTION

In the modern phonosemantic system there are several groups of iconic lexis. According to some scholars iconic lexis consists of words with a high emotional content and imagery. They include onomatopoeic words: *giggle, sniff, twitter*; interjections: *ahoo, ahem, bah*; vocatives: *Excuse me..., Sorry..., Pardon..., I beg your pardon...*, and sound imitation words [Voronin 2009; Yusiphov 1986]. We single out one more special group of onomatopoeic words — **insectophones**.

INSECTOPHONES

The term insectophones is introduced to denote onomatopoeic names of insects, phonetic onomatopoeic insect signals, lexico-phonetic onomatopoeic words and lexical means of simulation of the acoustic signals of insects.

In this article there is undertaken an attempt to clarify the status of insectophones in the English phono-semantic system, to determine their properties and functions in the language and we try to determine the characteristics of this group of words, systematize them and compare them with the characteristics of onomatopoeic words, vocatives, interjections, sound imitation and ideophonic words.

English insectophones were selected by continuous sampling method from different dictionaries including etymology dictionaries, encyclopedias and British National Corpus: [ABBYY Lingvo.Pro.: https://www.lingvolive.com/ru-ru?lol=true&utm_source=lingvo-online.ru&utm_medium=301redirect&utm_campaign=reg+landing]; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2002); Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2004); Пятиязычный словарь названий животных (2000); Универсальный англо-русский словарь (2011); Encyclopedia of insects (2009); British National Corpus (2013).

As a result, the group consists of 35 items: *bee, beetle, bedbug, billbug, breeze, Boll Weevil, bombardier beetle, bug, bumble-bee, butterfly, buzz, caddisfly, carabus, chinch, click beetle, cockroach (roach), corn ground beetle, cricket, Daddy-long-legs, dragon-fly, drone, Dumbledore, firefly, flea, fly, froghopper, gadfly, gnat, grasshopper (hopper), green-fly, hornet, horsefly, humble-bee, itch mite, katydid, mayfly, midge, midget, mosquito, moth, mozzie, sandfly, sawfly, scarab, scorpion, skeeter, spider, steam, sting, termite, tick, wasp, whistling moth.*

ENGLISH PHONO-SEMANTIC SYSTEM

The status of insectophones is connected with the problem of distinguishing onomatopoeic words from other types of iconic lexis. Phono-semantic system of any language consists of iconic lexis. Iconic lexis can be divided into onomatopoeic words and sound symbolic words [Voronin 2009]. Onomatopoeia is defined as a phonetically motivated connection between word phonemes and a denotation which is the basics of sound naming. As for sound symbolism, it is a phenomenon which is a phonetically motivated connection between word phonemes and a denotation which is the basics of non-sound naming. According to onomatopoeia while pronouncing such a word a sound characteristic of denotation is observed. As we take into consideration sound symbolism in the word pronounced non-sound characteristic of denotation is shown.

In English iconic lexis the following word groups can be found: onomatopoeic words and sound symbolic words. Onomatopoeic words are items which produce sounds of the world around us with the help of phonemic means. In the foundation of naming of an onomatopoeic word there is sound. By the way the onomatopoeia is not understood as a direct naming of objects, phenomena, processes, but as an approximate naming of objects, phenomena, processes having a specific sound which then turns into the basic feature for naming such a word.

In the naming of a sound symbolic word a great set of characteristics can be used but not a sound. Moreover, we can say that the iconic language means include not only words which preserved their phonetic motivation but also words deprived of their direct phonetic motivation in the course of time but the connection between word phonemes and a denotation can be defined through etymological analysis. For example, one can include word *bee* into such a group. It has got an onomatopoeic origin. This word has developed many meanings: ‘a meeting in a group where people combine work, competition and pleasure’ [Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 2004: 98] and ‘a hard-working person’ [Müller 2005: 62]. Besides, an idiom with this word *the bee’s knees* means ‘the best of the best of the society’ [Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 2004: 98].

INSECTOPHONES AND IDEOPHONES

Now let’s consider each group of iconic lexis and compare it with insectophones. The term *ideophone* means ‘a sound or sounds symbolizing a complete idea or spoken word, esp. sound symbolic words found in African languages’ [Dictionary.com: <http://www.dictionary.com/browse/ideophone?s=ts>]. So, one of the meanings of this term is used only for some African languages. On the other hand, ideophones are sound sym-

bolic words [Linguistic Encyclopedic Dictionary: <https://slovar.cc/rus/lingvist.html>]. In psycholinguistics we can find two types of primary motivation — onomatopoeic words and ideophones. According to this classification ideophones stand for notation of quick motion, sparkling and also shape, size, distance and quality of objects. The distinguishing characteristics of such words are:

1) lack of connection with acoustic aspect of a language (Eng. *totter* ‘go wrong walking; to shake’, Khmer. *mompe*: *m-mompoym* ‘to walk unsteadily’, Lat. *bulla* ‘water bubble’, Indones. *bulat* ‘round’);

2) impossibility to refer ideophones to a word, morpheme or syllable. Ideophones represent fragments of words, parts of a root, as it can’t attach to other morphemes. It is experimentally proved that the combination, which is composed of the same phonetic combination: **bl-, kl-, fl-, gl-, pl-, sl - and br-, kr-, fr -, gr, spr-, str-, tr**, has the same semantic characteristics. Sound combinations, which include phoneme /l/, are usually considered meaning ‘small’ and ‘pleasant’ (excluding **gl-**);

3) ideophones can be considered only as a part of a word, because one should have other sounds that make up a whole to understand their meaning. **Fl-** stands for light and fast movement. In order to understand the intensity and nature of this movement, it is necessary to refer to meaningful words, e.g., *fly* (the plane), *flee* (to disappear, to run, to fly), *flow* (water).

We believe that ideophones relate to the units of the second level of the phonosemantic system, i.e. sound symbolic system, and onomatopoeia — to the units of the first level.

INSECTOPHONES AND SOUND IMITATION WORDS

Insectophones are different from sound imitation words. Until recently there has been no clear distinction between imitation and onomatopoeia in the studies of imitative vocabulary. We share the point of view that onomatopoeic words shouldn’t be mixed with sound imitation words. Currently the term *onomatopoeia* refers to the approximate transmission of the sound based on the inventory of phonemes of a given language, and the *imitation* — an accurate sound reproduction. As for insectophones they represent the approximate transmission of the insect sound. In commonly used sound imitation there are two types: 1) scientific simulation; 2) popular imitation [Yusiphov 1986: 7].

Popular imitation has been used by people for a very long time to send away, attract pets or cattle, for hunting purposes. Such an imitation should be as close to the standard sound to get the maximum result, because the success of human activity depends on this: *shoo*; *kitty-kitty* for a cat.

Scientific imitation is designed to portray most accurately and objectively the voices of birds, insects and animals for further study. For example, men use hunting calls to attract birds, to control the behavior of insects; scientists use a variety of devices that use ultrasound.

In everyday life imitation of sounds of domestic and wild animals is widely used. Such an imitation is more typical for spoken language. People do not use popular imitation of the sound of insects, because they are too difficult to imitate. Only scientific sound imitation is used.

INSECTOPHONES AND VOCATIVES

Vocatives occupy a special place in the iconic lexis of the English language. Vocatives are understood as items referred to all proper names, phrases and nouns, used to refer to a human or an animal. There are two types of vocatives: 1) vocatives used for human beings: *Excuse me, Sorry, Pardon..., I beg your pardon...*; 2) vocative for animals and birds: *shoo; kitty-kitty*.

The first type includes some proper names derived from the onomatopoeic names of insects, nicknames, particular nicknames in the network, based on the name of an insect, for example, *Buzz-Buzz*, or the nickname of the singer, Beyoncé — ‘*Bee*’. We can say that the functions of vocatives and insectophones coincide in this case.

The words of sending away and attracting animals belong to the second type which is associated with onomatopoeia. People are not in such a close contact with the worlds of insects then with the world of animals and birds, so we can say that there are no insectophones in this type of vocabulary.

INSECTOPHONES AND INTERJECTIONS

Now let's compare onomatopoeic words (insectophones) and interjections. We share the point of view that they are absolutely different categories of words.

The study still shows that onomatopoeic words (insectophones) and interjections have some common features:

1) both interjections and insectophones are purely intonation categories. They both transmit sounds approximately: *ha-ha, oops, oh, blah*;

2) unusual phonetic elements are preserved in interjections and in insectophones. For example, in the insectophone *buzz* we can find doubling of the fricative sound; in English, there is an unusual word ending with the letter **h**: *bah, oh, ah* or doubling up **o** at the beginning of words: *oops, oomph*;

3) interjections and insectophones are the productive basis for word formation. The most productive way of word formation in the English language is the conversion, so the word does not change the external form, it changes the meaning. The word *blah* as a noun has the following meanings: a) nonsense: *blah to talk — to talk nonsense*; b) melancholy, bad mood: *He told me he just had a case of the blahs*. The same word as an adjective can mean: a) boring, uninteresting, and dull: *a blah winter day — dreary winter day*; b) depressed, sad, feeling unwell: *to wake up in a blah mood — to wake up in a bad mood*. New words develop on the basis of phonetically signals of insects. The word *buzz* (v) developed the following meanings: a) to mumble, to speak indistinctly; b) to make a fuss; c) to gossip, to whisper; d) to call; e) to cut short; f) to saw with a circular saw; g) slang. to fly low-level flight; h) to throw; i) to drink to the bottom (the bottle); j) empty smb's pockets. *Buzz* (n) (insects): a) *coll.* phone call; b) a horn, siren, buzzer; c) *coll.* the buzz from alcohol or drug intoxication, state of overstimulation; d) *ling.* a ringing noise, accompanied by the recitation of the sonorous sounds; e) whim, crotchet; f) *buzz-bomb* (n) ‘aircraft projectile’; g) the buzz-saw (Am.) ‘circular saw’ [ABBYY Lingvo.Pro.: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/buzz>];

4) the category of both words retain direct nominative meaning: interjection: *phew, shoo*; insectophones have a primary motivation: *bug, bee, beetle*;

5) interjections and onomatopoeic words are the key components of two theories of the origin of language: interjection and onomatopoeic.

At the same time insectophones and interjections differ:

1) unlike insectophones, interjections express the feeling, but don't name it, so in the dictionary next to the interjections there are notes explaining the emotion, e.g., grief, bewilderment, joy. Unlike interjections, insectophones have a very specific meaning and require no additional explanation: *bee* 'a black and yellow flying insect that stings' [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 2004: 98];

2) insectophones have a specific lexical meaning: *beetle* 'an insect, often large and black, with a hard case on its back covering its wings' [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 2004: 98]. Interjections can convey a variety of hues of emotions, but do not have a specific lexical meaning, for instance, *wow* is used to express great surprise and admiration [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 2004: 1497];

3) intonation, phonetic features, facial and gestural support (passed in the written text of the author's remarks) are an integral part of a semantic system for interjections. For example: "*Ah, but how do you know that you would?*" said Uncle Andrew with a cunning smile [Lewis 2008: 16];

Moreover, interjections can be omitted in sentences without changing the meaning:

4) unlike interjections that do not have grammatical meanings, as they do not have a system of grammatical forms and, therefore they are neither auxiliary parts of speech nor meaningful words. Insectophones can act as different parts of the sentence — subject, predicate, object. Consider the following examples. *Shall I give him a buzz?* (object). *A bee buzzed through the hall* (predicate);

5) interjections have no inflection forms, while insectophones have them. In English conversion is very often used: *to buzz* (v) — *a buzz* (n).

CLASSIFICATION OF ONOMATOPOEIC WORDS AND THE PLACE OF INSECTOPHONES IN THIS SYSTEM

We offer the following classification of onomatopoeic words according to their origin:

1) Onomatopoeic words based on sounds of the anthropomorphic and zoomorphic world:

— based on the sounds produced by humans: *cough, giggle, whistle, hiccup*;

— animal sounds: *woof-woof, moo, miow*;

— the sounds of birds and bird names: *twitter, cuckoo, chirp, chirp*;

— the sounds of insects, names of insects (insectophones): *buzz, bug, beetle, bee*;

— the sounds of reptiles: *hiss*.

2) Onomatopoeic words based on the sounds of an inanimate nature:

— the sounds of nature: the sound of falling drops — *drip, drop*; the sound of water, river — *bubble, gurgle, slush*;

— the sounds produced by plants and trees: *rustle*.

3) Onomatopoeic words based on the sounds of a variety of human devices, and the movements produced by the person and these devices:

- sounds generated by technical devices: *lock, tick-tack, ring*;
- sounds of musical instruments: *clang, thrum, drum, horn*;
- noises arising from movement: *creak, rustle*.

The lexical-semantic subgroup of insectophones is included into the group of zoo-phones, e.g., *woof-woof; cuckoo*. The elements of this subgroup differ from other items by their origin — onomatopoeic insects names and sounds they produce.

THE USAGE OF INSECTOPHONES

Insectophones are used in a scientific literature; they are parts of terminology systems. Besides they can be the source of making idioms: *to have a bee in one's bonnet; a busy bee; be the bee's knees; blind as a bee; lively (merry) as a cricket; chirpy as a cricket; it isn't cricket* [Macmillan English Dictionary 2014]. Insectophones can be metaphorical descriptions which refer to men. In English *cricket* is associated with a merry and happy person.

CONCLUSION

The analysis proves that insectophones occupy a special niche in a phono-semantic system of the English language. They can be regarded as one of the groups of iconic lexis together along with onomatopoeic words, vocatives, interjections, sound imitation words and ideophones. Insectophones perform the same functions as other groups of iconic lexis. Insectophones are more often used in idioms and in terminology than onomatopoeic words.

© Ощепкова В.В., Ряжева Е.С.
Дата поступления: 18.08.2016.
Дата принятия: 22.10.2016

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Воронин С.В. (2009). Основы фоносемантики [Voronin S.V. The basics of phonosemantics]. Москва: Ленанд.
2. Лингвистический энциклопедический словарь (1990). Москва: Советская энциклопедия: <https://slovar.cc/rus/lingvist.html> (09.10.2016).
3. Мюллер В.К. (2005). Новый англо-русский словарь [Müller V.K. Modern English-Russian Dictionary]. Москва: Русский язык-Медиа.
4. Юсифов Н.М. (1986). Лексико-семантические особенности английских звукоподражательных слов [Yusifov N.M. Lexical-semantic features of English onomatopoeic words]: Дисс. ... канд. филол. наук: Пятигорск.
5. АБВУ Lingvo.Pro: https://www.lingvolive.com/ru-ru?lol=true&utm_source=lingvo-online.ru&utm_medium=301redirect&utm_campaign=reg+landing (09.10.2016).
6. British National Corpus: <http://corpus.byu.edu/bnc> (01.09.2016).
7. Dictionary.com: <http://www.dictionary.com/browse/ideophone?s=ts> (05.09.2016).
8. Lewis C.S. (2008). The chronicles of Narnia. Harper Collins Publishers.
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2002). Macmillan Publishers Limited.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2004). Oxford University Press.

УДК: 81'37:81'34

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-188-194

ИНСЕКТОФОНЫ В ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В.В. Ощепкова, Е.С. Ражева

Московский государственный областной университет

ул. Радио, 10 а, Москва, Россия, 105005

razheva.elizaveta@rambler.ru

В статье рассматриваются типы звукоизобразительной лексики. Авторами вводится в научный оборот термин «**инсектофон**» и определяется его место в фоносемантической системе английского языка. Инсектофоны следует отличать от звукоподражательных слов, вокативов, междометий, имитативов и идеофонов. Инсектофоны занимают определенную нишу в фоносемантической системе и могут рассматриваться в качестве отдельной группы в составе звукоизобразительной лексики, обладая собственными свойствами и функциями.

Ключевые слова: инсектофоны, фоносемантическая система, звукоподражательные слова, вокативы, имитативы, идеофоны, фонетическая мотивированность

УДК: [811.432.875:811.161.1]’44
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-195-205

ИНТОНАЦИЯ АКЦЕНТНОГО ВЫДЕЛЕНИЯ В ЯЗЫКАХ АГГЛЮТИНАТИВНОГО ТИПА (в сопоставлении с русским языком)

С.С. Хромов

Московский политехнический университет
ул. Большая Семеновская, 38, Москва, Россия, 107023
chelovek653@mail.ru

Статья продолжает серию публикаций, посвященных описанию интонации различных типов высказываний в различных языках мира. **Предмет и тема исследования.** Впервые системно и целенаправленно описывается интонация акцентного выделения в одном из типичных агглютинативных языков — суахили — в сопоставлении с русским языком. **Цель исследования:** 1) описать интонацию акцентного выделения в языке суахили; 2) сопоставить основные результаты описания с аналогичными результатами в русском языке. В процессе исследования использовались: 1) экспериментально-фонетический анализ речи; 2) аудиторский анализ речи; 3) сопоставительный анализ полученных результатов. Экспериментально-фонетический анализ речи проводился в лаборатории экспериментальной фонетики в РУДН и в Институте стран Азии и Африки при МГУ. В результате делается вывод о том, что в противопоставлении интонации нейтральной и акцентно выделенной синтагм в агглютинативных языках (на примере языка суахили) и русского языка участвуют частотные, временные, амплитудные и формантные характеристики. Особенность перцептивной идентификации акцентно выделенной синтагмы в отличие от нейтральной зависит от следующих факторов: 1) коммуникативного задания (типа ситуации); 2) типа синтаксической структуры, в рамках которой осуществляется акцентное выделение; 3) типа языка анализа; 4) роли физических параметров просодии в акцентном выделении. Полученные результаты могут быть использованы в проведении лекционных и семинарских занятий по общему языкознанию, сопоставительному языкознанию, восточному языкознанию.

В суахили и русском языках динамика базового мелодического параметра, каковым является направление движения частоты основного тона, при наличии акцентного выделения не меняется, однако усиливается степень выраженности мелодических характеристик на акцентно выделенном участке: на ядерном слоге акцентно выделенного компонента наблюдается более высокий частотный уровень, больший интервал и скорость падения частоты основного тона.

Ключевые слова: интонация, нейтральная синтагма, акцентно выделенная синтагма, акцентное выделение, язык суахили, агглютинативные языки

ВВЕДЕНИЕ

Интонация акцентного выделения, ее связь с просодическими средствами языка — один из интереснейших и противоречивых феноменов в интонационной организации высказывания и текста в различных языках мира. Как пишет Р. Кондубаева, в современной лингвистике существуют различные термины для описания феномена акцентуации: акцент (accent), ударение (stress), выделенность (prominence), подчеркнутость (emphasis), выступ (salience), интенсивность (intensity),

сила (force) [Кондубаева 2011: 105]. Вслед за А. Фоксом мы используем термин «акцент», или «акцентное выделение», который считаем одним из существенных просодических признаков высказывания или синтагмы [Fox 2007].

В исследовании мы также опираемся на концепцию профессора Т.М. Николаевой, изложенную в ставшей классической монографии «Семантика акцентного выделения». Так, она пишет: «Феномен акцентного выделения назывался логическим ударением, явлением „второй инстанции“, его связывали с теорией вопросов-ответов, связывали с актуальным членением (свойством быть ремой), с инверсией, давали ему определения и содержательного свойства, интерпретируя его как контрастивное, как эмфатическое, как выделяющее важное, как входящее в категорию определенности—неопределенности и т.п. Распространена и суммарная концепция, объединяющая все эти характеристики в один пучок. Акцентное выделение — это обозначение активной для восприятия выделенности просодическими средствами какого-либо слова во фразе» [Николаева 2010: 3].

Цель статьи рассмотреть роль интонации, ее взаимосвязь с просодическими средствами в выражении категории акцентного выделения в одном из типичных агглютинативных языков — суахили, а затем сопоставить полученные результаты в русском языке. Интонация в языке суахили описана достаточно подробно [см. реферативный обзор: Хромов, 2000; Хромов 2016: 136—144]. Однако интонация акцентного выделения в языке суахили еще не подвергалась системному анализу. В настоящее время следует констатировать становление и развитие интонологии в языке суахили, имеющей свой самостоятельный предмет и объект научного описания и развивающейся на стыке различных фонетических традиций — американской, европейской и российской.

ИНТОНАЦИЯ НЕЙТРАЛЬНЫХ И АКЦЕНТНО ВЫДЕЛЕННЫХ СИНТАГМ

Аудиторский анализ. Акустический анализ проводился только с синтагмами первого типа с акцентно выделенным вторым компонентом. Для аудиторского анализа подбирался один тип нейтральных и акцентно выделенных синтагм: синтагмы с одинаковым порядком слов (без частиц и актуализаторов), в которых универсальным дифференсором выступает интонация. В качестве актуализирующей ситуации в синтагмах с акцентно выделенным компонентом был избран тип ситуации с подчеркиванием с помощью интонации составного именного сказуемого, когда что-либо утверждается или отрицается. Например:

«— Говорят, что Килиманджаро — большое озеро. — Ну что ты такое говоришь?! Килиманджаро — гора (а не озеро, река, и т.п.)». Экспериментальные фразы предъявлялись аудиторам как в контекстном окружении, так и в изолированном положении.

Анализировались следующие типы экспериментальных фраз:

а) с акцентно выделенным вторым компонентом:

Kilimanjaro ni mlima. — *Kilimanjaro ni mlima* (Килиманджаро — гора. — Килиманджаро — гора).

Dodoma ni mji. — *Dodoma ni mji* (Додома — город. — Додома — город).

Ruvu ni mto. — *Ruvu ni mto* (Руву — река. — Руву — река).

б) с акцентно выделенным первым компонентом:

Kilimanjaro ni mlima. — ***Kilimanjaro ni mlima*** (*Килиманджаро — гора.* — ***Килиманджаро — гора***).

Dodoma ni mji. — ***Dodoma ni mji*** (*Додома — город.* — ***Додома — город***).

Ruvu ni mto. — ***Ruvu ni mto*** (*Руву — река.* — ***Руву — река***).

Каждый тип синтагм включался в минимальную контекстную ситуацию, мотивирующую реализацию того или иного стимула.

Аудиторский анализ проводился последовательно в несколько этапов. Для участия в аудиторском анализе приглашались носители языка суахили (диалект киунгуджа), для которых этот язык является родным (это граждане Республики Танзания). На первом этапе аудиторам давался для прослушивания список экспериментальных фраз с заданиями: а) определить естественность их звучания; б) определить соответствие нормативному литературному произношению.

На втором этапе нейтральные и акцентно выделенные синтагмы предлагалось прослушать в бинарной оппозиции. Аудиторы должны были:

- 1) определить (назвать и описать) тип коммуникативного задания;
- 2) определить, есть ли различия в интонационном оформлении прослушанных фраз;
- 3) если такие различия есть, то предлагалось нарисовать кривую движения основного тона и ответить на следующие вопросы:

- а) на сколько компонентов членится прослушанная синтагма, где проходит граница членения;
- б) слышите ли вы паузу между первым и вторым компонентами синтагмы. Оправдана ли она в данной синтагме;
- в) в какой синтагме пауза между первым и вторым компонентом звучит дольше;
- г) какая синтагма читается с большей энергией, экспрессией;
- д) какой компонент в синтагме произносится с большей энергией, экспрессией;
- е) какая синтагма звучит дольше;
- ж) какой элемент синтагмы произносится с большей длительностью.

Все прослушанные фразы были отмечены аудитором как соответствующие норме современного языка суахили, в основном верно был указан тип коммуникативного задания. Синтагмы предъявлялись в бинарной интонационной оппозиции: нейтральная синтагма — акцентно выделенная синтагма (или в обратном порядке: акцентно выделенная синтагма — нейтральная синтагма). Как нейтральные, так и акцентно выделенные синтагмы представляют собой структурный тип: **S + copula + P**, т.е. в речевых стимулах отсутствовал полнозначный глагол, что давало возможность интонации проявиться максимально. Аудиторы подчеркнули, что и нейтральная, и акцентно выделенная синтагмы как бы делятся на два компонента, между которыми наблюдается пауза. Однако в акцентно выделенной синтагме эта пауза может быть длиннее.

Направление движения тона аудиторы-фонетисты в нейтральной синтагме определяли как восходяще-нисходящее на первом компоненте с последующим нисхождением тона на ударно-заударном слогах второго компонента. В акцентно

выделенной синтагме направление движения основного тона описывалось как двухвершинное (двухакцентное) с двумя резкими подъемами тона на ударно-заударном слогах первого и второго компонентов (в отличие от нейтральной синтагмы).

Аудиторы также указали, что второй компонент акцентно выделенной синтагмы реализуется с большей энергией, экспрессией по сравнению с нейтральной, которая энергетически произносится спокойно, плавно, размеренно. Они также отметили большую длительность, с которой реализуется второй компонент акцентно выделенной синтагмы по сравнению с нейтральной.

На следующем этапе аудиторского анализа были приглашены русские аудиторы, не знающие языка суахили. Аудиторам предварительно были разъяснены цели и задачи эксперимента. Они были информированы, какие коммуникативные типы будут представлены в интонационной оппозиции: нейтральная синтагма — акцентно выделенная синтагма, причем единственным дифферентом в различии этих синтагм выступает только интонация. Аудиторы на основании акустических характеристик должны были определить: 1) какой из членов бинарной интонационной оппозиции относится к нейтральной синтагме, а какой к акцентно выделенной; 2) какие акустические характеристики (тон, длительность, интенсивность, паузация) маркируют тот или иной тип интонационной оппозиции.

Этот тип эксперимента не вызвал затруднений у аудиторов. В 89% случаев аудиторы верно определяли члены бинарной интонационной оппозиции. Среди акустических характеристик, маркирующих акцентно выделенную синтагму, противопоставленную нейтральной, назывались: большая экспрессивность, энергичность, эмоциональность произношения, большая длительность, растянутость звучания второй части акцентно выделенной синтагмы, обязательность наличия паузы между первым и вторым компонентами синтагмы, большой перепад тона во втором компоненте синтагмы.

А. Акустические характеристики интонации нейтральной и акцентно выделенной синтагм: Kasukunindege (*Касуку — птица*) — Kasukunindege (*Касуку — птица*).

1. Направление движения частоты основного тона (ЧОТ)

Направление движения ЧОТ во всех акцентно выделенных предикативных синтагмах можно охарактеризовать как двухвершинное. Первая мелодическая вершина (максимальная по частотным характеристикам) фиксируется на ударном слоге первого компонента (резко-восходящее направление движения ЧОТ на ударном слоге с небольшим интервалом падения ЧОТ в конце ударного слога, на заударном слоге — резкое нисходящее движение ЧОТ). Вторая мелодическая вершина (меньшая по частотным характеристикам) приходится на ударный слог второго (акцентно выделенного компонента): восходящее направление движения ЧОТ с небольшим нисхождением в конце ударного слога, последующее резкое падение ЧОТ на заударном слоге. Итак, в акцентно выделенной синтагме два акцента реализуются в форме двух ярко выраженных мелодических вершин: первой (большой по величине) и второй (меньшей по величине). В нейтральной предикативной синтагме второй мелодической вершины, строго говоря, нет, есть только плавный перепад тона сначала с более низкого на более высокий, а затем на более низкий.

2. Интервалы подъема/падения частоты основного тона (ЧОТ)

Интервалы подъема ЧОТ в первом компоненте акцентно выделенной синтагмы незначительно превышают соответствующие величины в нейтральной синтагме (7—8 пт в нейтральной синтагме и 8—9 пт — в акцентно выделенной). Интервалы падения ЧОТ в первом компоненте нейтральной синтагмы могут незначительно превышать соответствующие показатели в акцентно выделенной синтагме (12 пт : 10 пт). Однако ни интервалы подъема ЧОТ, ни интервалы падения ЧОТ в первом компоненте не выступают в качестве признаков, дифференцирующих нейтральную и акцентно выделенную синтагмы. Релевантные различия по этому частотному признаку реализованы во втором компоненте акцентно выделенной синтагмы: так, если в нейтральной синтагме интервал стыка ЧОТ предударного слога с последним ударным положительный и составляет (+) 3—4 пт, то в акцентно выделенной — интервал подъема ЧОТ последнего ударного слога акцентно выделенного компонента равен (+) 7 пт. Интервал падения ЧОТ в ударном слоге второго компонента равен: (–) 3—4 пт в нейтральной и (–) 8 пт в акцентно выделенной синтагме.

3. Скорость подъема/падения частоты основного тона (ЧОТ)

Величины скорости подъема ЧОТ на ударном слоге первого компонента не являются достаточно информативными, в то же время ударный слог второго компонента в акцентно выделенной синтагме характеризуется ярко выраженной скоростью подъема ЧОТ (+) 0,2 гц/мсек, тогда как на этом же участке фразы в нейтральной синтагме подъем ЧОТ не отмечен. Скорость падения ЧОТ в сопоставляемых синтагмах выступает в качестве релевантного признака: а) в первом ударном слоге первого компонента она составляет (–) 0,93 гц/мсек в акцентно выделенной синтагме, (–) 0,42 гц/мсек в нейтральной; б) в ударном слоге второго компонента (–) 0,28 гц/мсек в акцентно выделенной синтагме и (–) 0,12 гц/мсек в нейтральной.

4. Частотный уровень различных участков акцентно-мелодической структуры фразы (за единицу принимается уровень звучания начального безударного слога)

Релевантными при дифференциации сопоставляемых синтагм выступает соотношение средней ЧОТ на ударном слоге второго акцентно выделенного компонента (соответственно: 1,24 : 1,0 — в нейтральной и 1,21 : 1,7 : 1,25 — в акцентно выделенной; относительный уровень ЧОТ дается в двух измерениях: в максимальных и минимальных показателях), а также в заударном слоге (соответственно: 0,9 : 1,0 — в нейтральной и 1,25 : 1,1 — в акцентно выделенной). Характеристики уровня ЧОТ первого компонента как нейтральной, так и акцентно выделенной синтагм, примерно одинаковые (соответственно: 1,32 : 1,0 — в нейтральной, 1,3 : 1,15 — в акцентно выделенной).

5. Диапазон частоты основного тона (ЧОТ)

Сопоставляемые синтагмы реализуются примерно одинаковыми величинами диапазона ЧОТ: в нейтральной — 13 пт; в акцентно выделенной — 11 пт. Величины диапазона ЧОТ варьируют в пределах 2 пт.

Итак, в качестве релевантных различительных мелодических признаков, дифференцирующих сопоставляемые синтагмы, выступают:

1) направление движения ЧОТ (восходяще-нисходящее на первом компоненте с последующим падением ЧОТ — в нейтральной синтагме; дважды восходящее на первом и втором акцентно выделенном компоненте синтагмы;

2) интервалы падения ЧОТ во втором акцентно выделенном компоненте (большие в акцентно выделенной синтагме);

3) скорость падения ЧОТ на ударном слоге первого компонента (большая в акцентно выделенной);

4) скорость падения ЧОТ на ударном слоге второго компонента (большая в акцентно выделенной синтагме);

5) характеристики частотного уровня ударного слога второго компонента (большие в акцентно выделенной синтагме).

6. Интенсивность

Средняя интенсивность слога в акцентно выделенной синтагме чуть больше соответствующих показателей в нейтральной синтагме (71,5 дБ : 70,4 дБ). Если в нейтральной синтагме максимальной пик интенсивности локализуется на ударном слоге первого компонента, то в акцентно выделенной — на ударном слоге второго (акцентно выделенного) компонента. Кривая интенсивности в нейтральной синтагме характеризуется противопоставлением большего пика интенсивности первого компонента и меньшего пика интенсивности второго компонента (78,0 дБ : 72,7 дБ); в акцентно выделенной синтагме вторая пиковая вершина незначительно превышает первую. В нейтральной синтагме отношение максимальной интенсивности второго компонента к максимальной интенсивности первого компонента меньше 1; в акцентно выделенной — незначительно больше 1. Акцентно выделенная синтагма также отличается большим контрастом соотношения максимальной интенсивности и минимальной пиковой интенсивности (1,51 — в акцентно выделенной синтагме; 1,28 — в нейтральной). Итак, к характеристикам интенсивности, противопоставляющим сопоставляемые синтагмы, относятся:

1) локализация максимальной пиковой интенсивности;

2) отношение максимальной пиковой интенсивности к минимальной пиковой интенсивности (больше в акцентно выделенной синтагме);

3) отношение максимальной пиковой интенсивности второго компонента к максимальной пиковой интенсивности первого компонента.

7. Длительность

Общая длительность акцентно выделенной синтагмы превышает длительность нейтральной синтагмы (1238 мсек : 1085 мсек). Акцентно выделенная синтагма в отличие от нейтральной характеризуется паузой между первым и вторым

компонентами (362 мсек). Средняя длительность слога в акцентно выделенной синтагме незначительно превышает среднюю длительность слога в нейтральной синтагме: (90,5 мсек : 75,5 мсек). Длительность ударного слога первого компонента в акцентно выделенной синтагме незначительно превышает длительность такого же слога в нейтральной синтагме: (113 мсек : 91 мсек); длительность ударного слога во втором компоненте значительно превышает длительность ударного слога этого же компонента в нейтральной синтагме (181 мсек : 113 мсек). Отношение длительности ударного слога первого компонента в акцентно выделенной синтагме к длительности соответствующего слога в нейтральной синтагме составляет 1,24, а отношение длительности ударного слога второго компонента в акцентно выделенной синтагме к длительности соответствующего слога в нейтральной синтагме — 1,6. Таким образом, в акцентно выделенной синтагме наблюдаются две зоны длительности (меньшая — ударный слог первого компонента и большая — ударный слог второго компонента). Отношение длительности ударного слога второго компонента к длительности ударного слога первого компонента в нейтральной синтагме составляет 1,24, а в акцентно выделенной — 1,6.

8. Формантные характеристики

В акцентно выделенной синтагме формантные характеристики связки, ударного-заударных гласных акцентно выделенного компонента **ni ndege** выражены более ярко, динамично по сравнению с формантными характеристиками этих же звуков в нейтральной синтагме. Так, вторая, третья, четвертая форманты гласных акцентно выделенного слова реализуются большими значениями частот, чем в нейтральной синтагме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Обсуждение результатов эксперимента

Проведенный эксперимент доказывает способность интонации дифференцировать нейтральную и акцентно выделенную синтагмы в языке суахили, что подтверждается результатами как аудиторского, так и акустического анализа высказываний, в которых в качестве актуализирующей была избрана ситуация с подчеркиванием с помощью интонации составного именного сказуемого, когда что-либо утверждается или отрицается. Четкая дифференциация наблюдается как в изолированном произнесении, так и в контексте, предопределяющем данную дифференциацию. Выявленные акустические признаки, локализованные в ударно-заударном слогах акцентно выделенного компонента, являются фонологически значимыми для дифференциации нейтральной и акцентно выделенной синтагм. Акустические характеристики первого компонента являются факультативными и несут лишь дополнительную информацию, которая сама по себе недостаточна для определения типа синтаксической связи.

В дифференциации нейтральной и акцентно выделенной синтагм участвует комплекс акустических средств: частотные, амплитудные, временные и спектраль-

ные характеристики (что касается спектральных характеристик, то здесь анализируются прежде всего ядерные слоги нейтральной и акцентно выделенной синтагмы).

I. В качестве релевантных различительных признаков выступают:

1) направление движения ЧОТ — восходяще-нисходящее на первом компоненте с последующим ровным падением ЧОТ — в нейтральной синтагме; дважды восходяще-нисходящее движение ЧОТ на первом и втором (акцентно выделенном) компоненте акцентно выделенной синтагмы;

2) интервалы подъема/падения ЧОТ — на втором акцентно выделенном компоненте значительно больше, чем в нейтральной синтагме;

3) скорость падения/падения ЧОТ — в акцентно выделенном компоненте значительно больше, чем в нейтральной синтагме;

4) средний частотный уровень — на акцентно выделенном компоненте акцентно выделенной синтагмы значительно больше, чем в нейтральной синтагме.

II. В качестве релевантных различительных характеристик интенсивности выступают:

1) локализация максимальной пиковой интенсивности — в акцентно выделенной синтагме (на ударном — начале заударного слога акцентно выделенного компонента, в нейтральной — на ударном слоге — начале заударного слога первого компонента);

2) более высокая интенсивность акцентно выделенного компонента по сравнению с соответствующими компонентами нейтральной синтагмы;

3) отношение максимальной интенсивности второго компонента к максимальной интенсивности первого компонента — в акцентно выделенной равно и больше 1; в нейтральной меньше 1.

III. В качестве релевантных различительных временных составляющих выступают (в полном варианте акцентно выделенной синтагмы):

1) реализовывать акцентно выделенную синтагму значительно большими величинами длительности по сравнению с нейтральной;

2) может наблюдаться значительная пауза между первым и вторым акцентно выделенным компонентом, в нейтральной синтагме она отсутствует.

3) длительность ударного слога второго акцентно выделенного элемента больше (по сравнению с номинативной синтагмой);

4) длительность второго акцентно выделенного элемента больше (по сравнению с номинативной синтагмой);

5) отношение длительности ударного слога второго акцентного элемента к длительности ударного слога первого элемента: в нейтральной — меньше или равно 1; в акцентной — значительно больше 1.

IV. Компьютерный анализ формантных характеристик в нейтральной и акцентно выделенной синтагмах показывает более яркую выраженность (большие динамические характеристики) второй и третьей формант ядерного, а также заударного слогов в акцентно выделенном компоненте по сравнению с этим же компонентом нейтральной синтагмы.

2. Сопоставительный аспект интонации акцентного выделения в языке суахили и в русском языках

Сопоставительный анализ осуществляется на основе эксперимента, проведенного автором на материале языка суахили и русского языка, результаты которого были отражены в докторской диссертации «Системное описание интонации в лингводидактических целях» [Хромов 2000]. В противопоставлении интонации нейтральной и акцентно выделенной синтагм в агглютинативных языках (на примере языка суахили) и русского языка участвуют частотные, временные, амплитудные и формантные характеристики. Особенность перцептивной идентификации акцентно выделенной синтагмы в отличие от нейтральной зависит от следующих факторов: 1) коммуникативного задания (типа ситуации); 2) типа синтаксической структуры, в рамках которой осуществляется акцентное выделение; 3) типа языка анализа; 4) роли физических параметров просодии в акцентном выделении.

Были проанализированы акцентно выделенные синтагмы с именованным сказуемым в ситуации, требующей подтверждения или отрицания предыдущей коммуникативной установки. Именно в этой синтагме в отсутствие полнозначного глагола наиболее ярко проявляется роль интонации. Наряду с анализом конкретного акустического механизма различения нейтральных и акцентно-выделенных синтагм в языках различного морфолого-синтаксического строя были выявлены универсальные ядерные интонационные характеристики, проявляющиеся независимо от индивидуально-специфических черт языка. К таким характеристикам относятся:

- 1) большая длительность акцентно выделенного компонента;
- 2) наличие паузы между первым и вторым акцентно выделенным компонентом синтагмы;
- 3) оформление акцентно выделенного компонента большей интенсивностью;
- 4) более ярко выраженные формантные характеристики акцентно выделенного компонента (отсюда на спектрограмме — большая «зачерненность» формант на большей площади).

С точки зрения интонационных универсалий акцентно выделенная синтагма в отличие от нейтральной представлена особой ритмической организацией, особым соотношением элементов связи, что выражается централизованной структурой с доминированием акцентно выделенного компонента: наблюдается «сдвиг» прежде всего характеристик длительности и интенсивности, усиление формантных характеристик акцентно выделенного компонента.

Наряду с универсальными акустическими характеристиками были также выявлены групповые черты, объединяющие нетональные языки (в нашем эксперименте это суахили и русский языки) в противовес тональным языкам. В суахили и русском языках динамика базового мелодического параметра, каковым является направление движения частоты основного тона, при наличии акцентного выделения не меняется, однако усиливается степень выраженности мелодических характеристик на акцентно выделенном участке: на ядерном слоге акцентно выделенно-

го компонента наблюдается более высокий частотный уровень, больший интервал и скорость падения ЧОТ. Полученные результаты полезно сравнить с наблюдениями Р.Ф. Касаткиной, которая отмечала, что «тон, энергия и темп — три составляющие, которыми создается проминентность» [Касаткина 2010: 70].

© Хромов С.С.

Дата поступления: 10.09.2016.

Дата принятия к публикации: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Касаткина Р.Ф. (2010). Сила проминентности [Kasatkina R.F. The force of prominence] // Международная конференция «Фонетика сегодня». Москва: РАН.
2. Николаева Т.М. (2010). Семантика акцентного выделения [Nikolaeva T.M. The semantics of accentuation]. Москва: URSS.
3. Хромов С.С. (2000). Системное описание интонации в лингводидактических целях [Khromov S.S. Systemic description of intonation for lingua-didactic purposes]: Дисс. ... докт. филол. наук. Москва: РУДН.
4. Хромов С.С. (2016). Интонация предикации и номинации в языке суахили [Khromov S.S. Intonation of predicative and nominative syntagms in Swahili] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 136—144.
5. Fox A. (2007) Prosodic features and prosodic structure (the phonology of suprasegmentals). Oxford University Press.

УДК: [811.432.875:811.161.1]'44

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-195-205

INTONATION OF ACCENTUATION IN THE AGGLUTINATIVE LANGUAGES (in comparison with russian)

S.S. Khromov

Moscow Polytechnical University

B. Semenovskaya str., 38, Moscow, Russia, 107023

chelovek653@mail.ru

Abstract. The author continues to explore the intonation of different utterances in various world languages. **The subject and the theme** of the research is intonation of accented syntagms in a typical agglutinative language that Swahili is in comparison with Russian. **The purpose** of the paper submitted is 1) to describe the intonation of accented syntagms in Swahili 2) to compare the basic results with the same in Russian. **The methods and methodology of the research** were conducted on the basis of experimental phonetic analysis carried out in the PFUR Laboratory and the Laboratory of the Institute of Asian and African studies of the Lomonosov MSU. The results achieved in the course of the experiment. The opposition of neutral and accentuated syntagm in agglutinative languages (the example of Swahili) and Russian prove that the parameters of melody, duration and intensity as the formant characteristics play the role in differ-

entiation. But the accented syntagm is manifested brighter and stronger than the neutral one. The perception of accented syntagm depends on 1) the communicative task 2) the type of syntactic structure 3) the language type 4) the role of prosodic parameters.

The results can be applied in lecture and seminar courses in general, comparative and oriental linguistics. The intensity of melodic parameter is brighter in accented syntagm than in a neutral one (the accented nuclear syllable is pronounced on a higher level, with more interval and speed of frequency fall in Swahili as well in Russian).

Key words: intonation, neutral syntagm, accentuated syntagm, accentuation, Swahili, agglutinative languages

УДК: [811.111:811.161.1]'276.6.62
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-206-218

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

С.Н. Вековищева, Е.М. Приорова, Е.П. Савченко

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105055
sn.veковищева@mgou.ru; ep.savchenko@mgou.ru; priorlin@mail.ru

В.М. Романов

Военная Академия Генерального Штаба ВС РФ
ул. Анохина Академика, 100, Москва, Россия, 119571
romanov_victor@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы формирования терминосистемы «Безопасность жизнедеятельности» с точки зрения актуальных положений когнитивной лингвистики, для построения указанной терминосистемы применяется фреймовый метод, широко известный и признанный как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Вместе с тем в статье не только приводится ряд определений термина «фрейм», но и уточняется понятие фрейма, описывается фреймовый подход к изучению терминосистем, содержательный инвариант фрейма. На основе лингвистического материала английского и русского языков выстраивается фреймовая схема, исследуются основные макрокатегории, подфреймы и слоты.

Ключевые слова: терминосистема, фреймовая модель, безопасность жизнедеятельность, опасность, обеспечение безопасности, концепт

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время возрос интерес лингвистов и специалистов различных отраслей науки и техники к проблемам частно-отраслевых терминосистем. Это связано с увеличением потока научной и технической информации. Интерес общества к вопросам безопасности связан с пониманием глобальности этих вопросов для человека и общества.

Терминосистема «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД) представляет собой совокупность терминов из разных областей научной и практической деятельности (экономической, политической, военной, международной, экологической, биологической и др.) наряду с присущими только ей терминоединицами, которые выступают в качестве опорных терминологических элементов при формировании многокомпонентных единиц, относящихся к сфере безопасности.

Данная терминосистема как сложное образование в настоящий момент находится на стадии формирования, образуются новые понятия и концепты, привлекаются понятия и термины из смежных наук [Вековищева, Приорова, Романов 2015: 11]. Этот фактор говорит о развивающемся характере и малой степени структурированности анализируемой терминосистемы. В настоящее время терминосистема насчитывает более 5000 единиц и продолжает пополняться [Зорина 2011].

КОГНИТИВНЫЙ И ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ПРИ ОПИСАНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМ

В процессе формирования и описания терминосистем все чаще применяется когнитивный подход [Алексеева 1999; Володина 2000; Голованова 2008; Ивина 2004; Лейчик 2007, Кубрякова 2008 и др.]. В его рамках проводится как концептуальный, так и фреймовый анализ терминов, который позволяет выстроить концептуальную модель той или иной терминосистемы. Р.Ю. Кобрин считает, что: «...если терминология — реальный объект, моделирующий реальную картину предметной области в динамике, то *терминосистема* — это всегда формализованное описание терминологии, ее модель. Терминосистему можно назвать когнитивной моделью терминологии, или метамоделью предметной области» [Кобрин 1979: 54].

В качестве лингвистической концепции Ч. Филлмором была предложена фреймовая семантика, которая очень хорошо подчеркивает непрерывность в переходе от языка к опыту [Fillmore 1982: 111]. Фреймовая семантика (*frame semantics, frame-and-scene analysis*) — общее название для очень разных типов формализованного описания деятельности человека в контексте ситуации. Фреймовая семантика как когнитивное направление лингвистики изучает и обосновывает связь лингвистической и энциклопедической информации при создании номинативных единиц [см. Савченко 2012].

В таблице 1 представлена семантика слова **безопасность/safety**. Мы ориентировались на Большой толковый словарь русских глаголов под редакцией Л.Г. Бабенко [Бабенко 2008] и электронную версию *Encyclopædia Britannica (Dictionary)*.

Таблица 1

Семантика слова БЕЗОПАСНОСТЬ/SAFETY

<p>Входящее слово: БЕЗОПАСНОСТЬ Часть речи: <i>имя существительное</i> Морфология БЕЗОПАСНОСТЬ: существительное женск. рода, ед. числа, неодушевл. Значение: качество, состояние или условие Родственные слова: <i>безопасный, обезопасить, безопасно</i> Противоположные слова: <i>опасность, риск, угроза, неустойчивость, уязвимость</i> Синонимы: <i>сохранность, надежность, устойчивость, защищенность, безвредность, невредность</i> Антонимы: <i>опасность, воздействие, уязвимость, страх, сомнения, беспокойство</i></p>
<p>Entry Word: SAFETY Morphology: <i>noun</i> Generalized meaning: quality, state, or condition of being safe, the condition of being protected from or unlikely to cause danger, risk, or injury Related Words: <i>cover, protection, shelter; defense; impregnability, inviolability, invulnerability, safety pin, safety valve, safety belt, safety net, safety first, health and safety, road safety, safety glasses, safety glass, safety goggles</i> Contrasted Words: <i>hazard, jeopardy, peril, risk, threat; instability, vulnerability</i> Synonyms: <i>welfare, well-being, protection, security</i> Antonyms: <i>danger</i></p>

Как следует из таблицы, значение слова гораздо шире в английском языке, тогда как семасиологические отношения, а именно, способность организации системы антонимов, в английском языке выражена весьма слабо. В рамках английской морфологии очень легко образовать релевантные аналогии русского слова «безопасность» от слова *danger* ('опасность').

Полисемия термина *safety* допускает, кроме перевода *безопасность*, ее терминологическую альтернативу в виде синонимической лексемы *защищенность/immunity*. Кроме того, *отсутствие* на английский язык переводится как *absence*, а сочетание *freedom from* переводится на русский язык как *свобода, независимость от...* С учетом сказанного получается следующий перевод:

защищенность — ‘независимость (свобода) от недопустимого риска’.

immunity — ‘independence (freedom) from unacceptable risk’.

Для терминосистемы БЖД характерна выраженная иерархичность структуры, поэтому *фреймовая модель* позволяет хорошо ее систематизировать.

В когнитивной лингвистике под фреймом понимается структурная организация концепта. Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активировывает и соответствующий когнитивный контекст, или фрейм как модель знания об основных концептах. Термин **фрейм** (от англ. *frame*, что означает ‘каркас’ или ‘рамка’) был предложен М. Минским для обозначения структуры знаний. Как полагает М. Минский, фрейм — это множество вопросов, которые следует задать в гипотетической ситуации; он определяет темы, которые следует рассмотреть, и методы, которыми следует с ними работать [Минский 1979].

Своей теорией на основе анализа семантического поля Л. Витгенштейн заложил основы изучения фреймов, в которой он показал, что компоненты такого поля не обязательно имеют единое интегральное основание, что могут существовать два и более интегральных центра [Масленникова 2000: 50—54]. В первую очередь при построении фреймовой модели, выявляются базовые концепты фреймовой структуры с опорой на информацию экстралингвистического характера. По мнению Р.В. Попова, вопросы задаются два раза. Первый раз — чтобы выявить фрейм, а второй раз — чтобы уточнить и передать его содержание [Попов 2003].

Самым ценным моментом фреймовой теории является способность фреймов представлять информацию в виде вопросов, следовательно, фрейм определяет темы, которых надлежит коснуться, и методы, которыми нужно пользоваться. Кроме того, фреймы не изолированы друг от друга, а напротив, они взаимосвязаны и пересекаются. Рассмотрение межфреймовых процессов дает возможность изучить фрейм всестороннее. Тогда в когнитивной лингвистике фрейм становится объемным многокомпонентным концептом, представляющим собой знания о ситуации.

Фреймовая модель связана с конкретным концептуальным объектом вокруг некоего понятия или ситуации и содержит связанную с ним основную типическую или потенциальную информацию, включающую сведения об обычном порядке протекания ситуации. *Фреймовые модели* являются структурированной семантической сетью, элементы которой представлены сложной конфигурацией слотов и их содержания.

Объект или событие в такой сети описывается с использованием нотаций вида **фрейм**. Фрейм представляет собой поименованную структуру, составленную из ряда описаний — слотов, идентифицирующих основные структурные элементы фрейма. **Слот** представляет собой конструкцию из двух элементов: имени слота и значения слота. **Имена слотов** используются для идентификации понятий, которые описывают основное понятие, представленное именем фрейма, причем в каче-

стве значений слотов могут указываться имена других фреймов, т.е. достоинство фреймов заключается в том, что элементы, присутствующие в описании объекта или события, группируются в самостоятельную структурную единицу и поэтому могут извлекаться и обрабатываться как единое целое. Механизм организации ссылок позволяет конструировать из отдельных фреймов сложные сетевые структуры, т.е. реализовывать необходимые для данной предметной области связи между объектами, событиями, понятиями [Варфоломеева 2007: 17]. К достоинствам *фреймовых моделей* следует отнести их естественность, наглядность представления, модульность, поддержку возможности использования правил умолчания [Крючкова 2004: 26—27]. Основным недостатком *фреймовых моделей* является отсутствие механизмов управления выводом. Большинство фреймовых структур различных предметных областей строятся именно по вышеуказанным принципам.

На наш взгляд, именно фреймовая семантика и фреймовое моделирование является наиболее действенным механизмом репрезентации терминологии безопасности жизнедеятельности.

Содержание термина **БЕЗОПАСНОСТЬ/SAFETY**

Проведя анализ ряда дефиниций терминов «безопасность» в разных лексикографических источниках, а также учитывая частотность реализации терминологической единицы в дискурсе, можно отметить, что этот термин рассматривается с различных сторон — в политическом, экономическом, военном, социальном, экологическом контекстах. Это говорит о многогранности сферы терминосистемы «безопасность». При анализе учитывалось, что термины являются единицами, обозначающими наиболее значимые ментальные репрезентации профессиональной деятельности, и выступают в качестве основных когнитивных ориентиров в рамках систем знания данной научной области.

В словаре терминов МЧС **безопасность** — это состояние защищенности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей. Безопасность является важнейшим условием существования человека наряду с его потребностью в пище, воде, одежде, жилище, информации. **Безопасность** выступает интегральной формой выражения жизнеспособности и жизнестойкости различных объектов биосферы и ноосферы в духовной и культурной сферах, во внутренней и внешней политике, в обороне, экономике, экологии, социальной политике, физическом и моральном здоровье, в информатике, технологии. При этом учитывается наличие одновременно нескольких источников опасности и их потенциальных жертв. «Интегральным показателем и критерием безопасности является риск. Конечной целью обеспечения безопасности является нейтрализация или исключение различных опасностей, угроз и рисков» [Словарь терминов МЧС <http://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/140/Безопасность>].

Безопасность — это состояние защищенности прав граждан, природных объектов, окружающей среды и материальных ценностей от последствий несчастных случаев, аварий и катастроф на промышленных объектах [Национальный стандарт РФ; Occupational safety standards system].

Так, в Толковом словаре русского языка под редакцией В.И. Даля **безопасность** трактуется как «отсутствие опасности; сохранность, надежность» [Даль 2002: 44.].

В Толковом словаре русского языка (под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) **безопасность** и **безопасность жизнедеятельности** понимаются как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности»: «**Безопасное состояние деятельности** — состояние деятельности, при котором с определенной вероятностью исключено проявление опасностей» [Ожегов, Шведова 1995: 38].

В Большом толковом словаре русского языка (под общ. ред. С.А. Кузнецова) лексема **безопасность** отсутствует как самостоятельное понятие, а приводится только как словообразовательный элемент от слова *безопасный* и определяется так: «не угрожающий опасностью, лишенный угрозы; не причиняющий вреда, ущерба; безвредный» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 67].

Дж. Джексон-Прис (Jennifer Jackson-Preese) дает следующее определение безопасности: «Безопасность является ключевой ценностью человеческих отношений. Необходимость безопасности возникает в связи с тем, что люди хотят жить вместе, и, таким образом, являются уязвимыми друг для друга. Безопасность делает возможным то, что иначе, наверное, не могло быть абсолютной безопасности» [Webster's third new international dictionary 1986].

В современных англоязычных словарях приводятся такие значения слова *safety*:

1) The state of being safe; freedom from the occurrence or risk of injury, danger or loss [Oxford Dictionary URL: <http://www.oxfordadvancedlearnersdictionary.com/dictionary/safety>].

2) The state of being 'safe' (from French *sauf*), the condition of being protected against physical, social, spiritual, financial, political, emotional, occupational, psychological, educational or other types or consequences of failure, damage, error, accidents, harm or any other event which could be considered non-desirable; the control of recognized hazards to achieve an acceptable level of risk; the form of being protected from the event or from exposure to something that causes health or economical losses [<http://en.wikipedia.org/wild/Safety>].

3) The condition of being safe from undergoing or causing hurt, injury, or loss [Webster Dictionary: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/safety>] (табл. 2).

Таблица 2

Дефиниции термина БЕЗОПАСНОСТЬ

БЕЗОПАСНОСТЬ	Положение (обстановка)	Состояние (пребывание, положение)	Условия (требования, обстоятельства)
<i>Словарь Ожегова С.И.</i>	–	+	+
<i>Словарь Даля В.И.</i>	–	+	–
<i>Словарь терминов МЧС</i>	+	+	+
<i>Словарь Кузнецова С.А.</i>	+	–	+
<i>Encyclopediа Britannica</i>	–	+	+

Согласно большинству приведенных определений слово *безопасность* несет в себе смысловое отрицание опасности и выражает наличие условий, обеспечивающих такое состояние, при котором не угрожает опасность.

Таким образом, термины «*безопасность*», «*безопасность жизнедеятельности*» являются полиаспектными понятиями, означающими одновременно и защищенность, и низкий уровень риска для человека, общества, государства, а также, объектов или их систем. Критерием и показателем безопасности является риск, а конечной целью обеспечения безопасности — исключение каких-либо рисков, опасностей, угроз [Федеральный Закон РФ]. Для обеспечения безопасности необходимо выполнение и соблюдение требований, условий, учет обстоятельств, и обстановки.

Важно учесть и то, что лексема *безопасность* является частью словосочетания *безопасность жизнедеятельности* (БЖД), а термин БЖД — составным.

Описание фрейма «безопасность жизнедеятельности»

При построении фреймовой модели англоязычной научной области *безопасности жизнедеятельности* необходимо выявить базовые концепты исследуемой области знания; определить основные связи и функциональные отношения между концептами терминосистемы.

Фрейм, анализируемой терминосистемы, как и любой другой, построен по принципу «матрешки» вертикально и «древовидных разветвлений» горизонтально. Данная форма представления профессиональных знаний является своеобразной оболочкой для всех входящих в него более детализированных и конкретизированных подфреймов и позволяет свести все концепты воедино. Эта особенность фреймов делает возможным выведение нижестоящего фрейма из вышестоящего, так как одни позиции (слоты) заполнены общей информацией, а другие — специфической. Появление поздних позиций заполняет пробелы, вводит новые подфреймы, комбинируемые в различные связи — причинно-следственные, логические и т.п.

В основу организации терминологического поля безопасности жизнедеятельности положена система и классификация научных понятий. Данное поле состоит из ядра, которое составляют термины следующих тематических групп *SAFETY* — ‘безопасность’, *MATERIALS* ‘материалы’, *DEVICES* — ‘устройства’ и др. и периферии, в которых располагаются термины заимствованные из других смежных областей [Приорова 2015: 86].

Семантические макрокатегории *HAZARDS* — ‘опасности’, *PERSON* — ‘человек в сфере БЖД’, *SAFEGUARDING* — ‘обеспечение безопасности’ объединяют разнородные англоязычные терминологические единицы научно-профессиональной сферы безопасности жизнедеятельности и стоящие за ними значения в общий когнитивный суперфрейм *SAFETY* — ‘безопасность жизнедеятельности’.

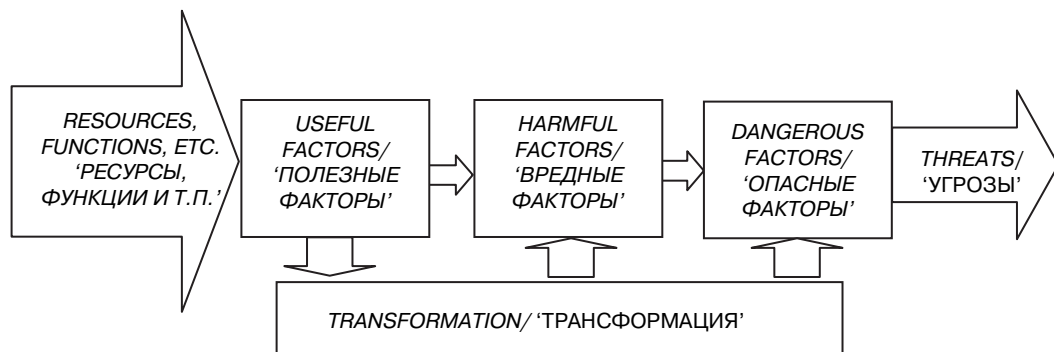

Рис. 1. Трансформация факторов в системе «человек — среда обитания»

На рис. 1 представлена трансформация факторов (ресурсов, функций) среды обитания. Взаимодействие человека со средой обитания может иметь не только позитивный, но и негативный характер и приводить к возникновению вредных, опасных факторов и созданию различных угроз и опасностей.

Проведем фреймовое моделирование англоязычных терминофреймов поэтапно.

На первом этапе фреймового моделирования были выделены четыре группы, представляющие макрокатегории (фреймы) (рис. 2): **ОПАСНОСТИ, ЧЕЛОВЕК, СРЕДА ОБИТАНИЯ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ**. Эти макрокатегории подразделяются на категории (субфреймы), категории — на слоты, а слоты — на дифференциально-семантические группы (ДСГ), которые далее в разной степени конкретизируются. Фреймы соединены возвращающейся стрелкой, которая обозначает обратимую связь между этими фреймами. Ведь с момента своего появления на Земле человек перманентно живет и действует в условиях постоянно изменяющихся потенциальных опасностей.

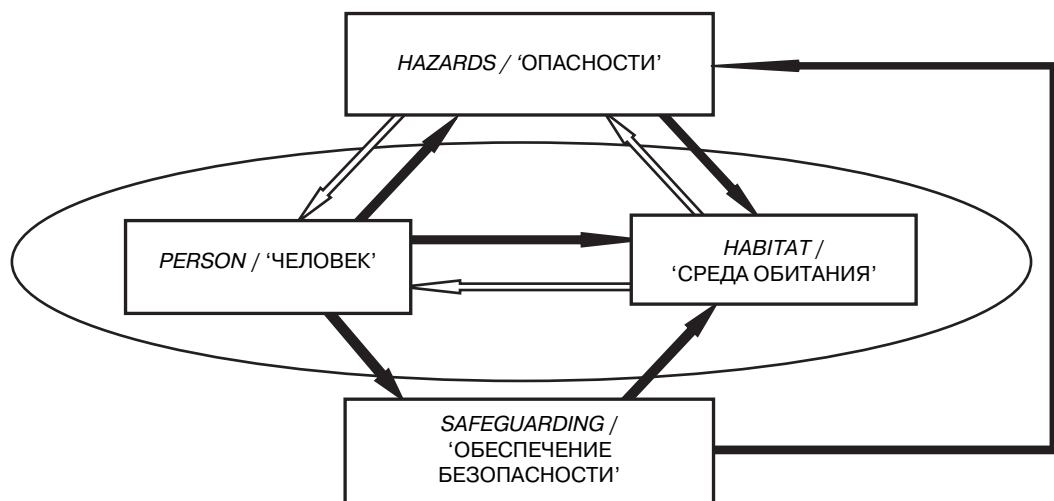

Рис. 2. Отношение между базовыми концептами предметной сферы

Безопасность реальна, если негативные влияния на человека и окружающую среду не превышают предельно допустимых значений с учетом их комплексного воздействия. Абсолютной безопасности не существует, всегда есть некоторый остаточный риск.

Эта мысль находит подтверждение при обращении к словарным дефинициям слова *hazard* (Webster's Online Dictionary): **hazard** — ‘a **source** of danger’; ‘a **possibility** of incurring loss or misfortune; и термина *hazard* (CCOSH): **hazard** is **any source** of **potential** damage, harm or adverse health effects on something or someone under certain conditions.

Однонаправленная векторная стрелка от фрейма **PERSON** — ‘человек’ к фрейму **SAFEGUARDING** — ‘обеспечение безопасности’ а затем к фрейму **HABITAT** — ‘среда обитания’ указывает на постоянное стремление человека обеспечить себе безопасность от различного вида угроз и их проявлений и создать комфортную среду обитания.

Далее перейдем ко второму этапу моделирования и описанию терминосферы **HAZARDS** ‘опасности’ (рис. 3). Общее количество терминов — более 400 [Зорина 2011]), которые подразделяется на пять субфреймов: **субфрейм I**: природные опасности — ‘natural hazards’; **субфрейм II**: техногенные опасности — ‘technological hazards’; **субфрейм III**: антропогенные опасности — ‘man-made danger’; **субфрейм IV**: экологические опасности — ‘environmental hazards’; **субфрейм V**: смешанные опасности — ‘blended threat’. Все они моделируют ситуацию.

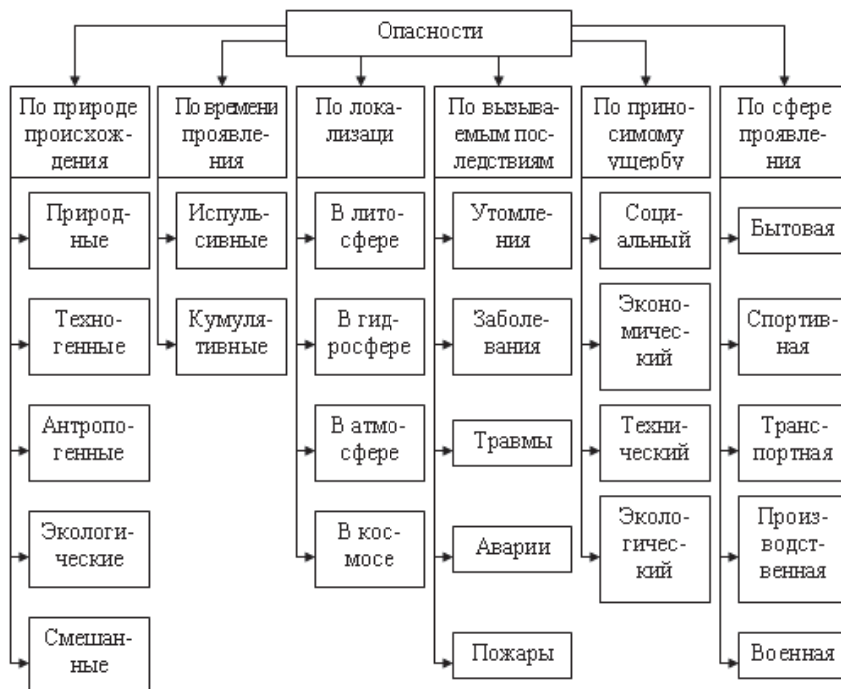

Рис. 3. Классификация опасностей

Подробно рассмотрим один микрокомпонент фреймовой модели — природные опасности. К природным опасностям относят состояние определенных частей литосферы, гидросферы, атмосферы или космоса, представляющих угрозу для людей, объектов экономики, техносферы и биотехносферы.

Субфрейм I: природные опасности — ‘natural hazards’ подразделяется на слоты (рис. 4): **Слот 1:** геологические опасности — ‘geological hazards’; **Слот 2:** метеорологические опасности — ‘meteorological danger’; **Слот 3:** гидрологические опасности — ‘hydrological danger’; **Слот 4:** природные пожары — ‘nature fires’; **Слот 5:** биологические опасности — ‘biological hazard’; **Слот 6:** космические опасности — ‘danger of space’.

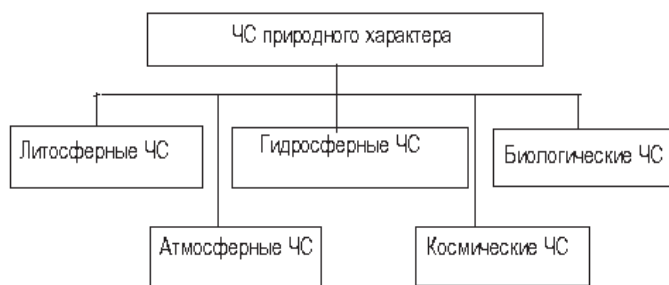

Рис. 4. Общая классификация ЧС природного характера

На втором этапе моделирования «опасности (чрезвычайные ситуации) природного характера» можно разделить на следующие основные слоты (рис. 4).

Основные слоты включают дифференциально-семантические группы терминов:

ДСГ-1. Литосферные ЧС — ‘lithospheric Emergency’:

- геофизические (землетрясения, извержения вулканов) — ‘Geophysical (earthquakes, volcanic eruptions)’;
- геологические (оползни, сели, снежные лавины, обвалы, осыпи, просадки пород) — ‘Geological (landslides, mudflows, avalanches, landslides, scree, rock subsidence)’;
- природные пожары (лесные, степные, торфяные) — ‘Natural fires (forest, steppe, peat)’.

ДСГ 2. Атмосферные ЧС — ‘atmospheric emergencies’:

- ветровые ЧС (бури, ураганы, смерчи, торнадо) — ‘Wind emergencies (storms, hurricanes, tornadoes, tornado)’;
- аномальные метеоявления (ливни, сильная жара, сильные морозы, сильные снегопады и метели) — ‘Abnormal meteorological events (storms, extreme heat, extreme cold, heavy snow and blowing snow)’.

ДСГ-3. Гидросферные ЧС — ‘hydrospheric emergency’:

- морские гидроЧС (тайфуны, цунами, ледовые ЧС) — ‘Marine gidroChS (typhoons, tsunamis, ice disaster)’;
- гидроЧС на суше (наводнения, половодья, заторы, нагоны) — ‘GidroChS on land (flood, flooding, congestion, surges)’.

ДСГ-4. Биологические ЧС — ‘Biological emergencies’:

— *опасные заболевания (эпидемии, эпизоотии, эпифитотии)* — ‘Dangerous diseases (epidemic, epizootic, epiphytotic)’.

ДСГ-5. Космические ЧС:

— *астероиды, кометы* — ‘asteroid, comets’;

— *солнечная радиация* — ‘solar radiation’.

ДСГ включают присущие им термины, так например группа литосферные ЧС — природные пожары обобщает термины относящиеся:

— к причине возникновения пожаров (*поджог* — ‘arson, халатность’; *случайность* — ‘negligence’);

— к природе происхождения (*лесные* — ‘wood’, *торфяные* — ‘peat’, *степные* — ‘steppe’, *полевые* — ‘field’, *пожар горючих сланцев* — ‘fire, oil shale’);

— к последствиям для человека (*ожог* — ‘burns’, *удушьё* — ‘asphyxiation’, *летальный исход* — ‘death’);

— к средствам и способам пожаротушения (*песок* — ‘sand’, *вода* — ‘water’, *захлестывание огня* — ‘fire sweep over’).

Фрейм **ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ** подразделяется на подфреймы. На рис. 5 представлены основные этапы проводимых операций.

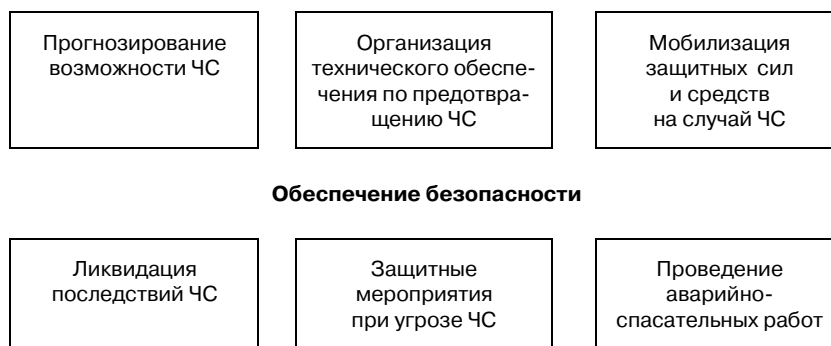

Рис.5. Представление фрейма ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Обеспечение безопасности ЧС:

— прогнозирование и оценка возможных последствий ЧС: *убытки* — ‘damages’, *потери* — ‘losses’, *материальный ущерб* — ‘property damage’, *экологические последствия* — ‘environmental impacts’;

— защитные мероприятия при угрозе ЧС: *инженерная* — ‘engineering’, *радиационная* — ‘radiation’, *химическая* — ‘chemical’, *противопожарная* — ‘fire’, *медицинская* — ‘medical’, *защита* — ‘protection’, *средства защиты: противогазы* — ‘masks’, *респираторы* — ‘respirator’, *защитные маски и костюмы* — ‘protective masks and costumes’, *эвакуация населения* — ‘evacuation of the population’;

— планирование мероприятий по обеспечению БЖД в ЧС: *расчеты* — ‘calculations’, *подготовка к ЧС* — ‘preparation for emergencies’, *обучение* — ‘training’.

Таким образом, англоязычная терминология БЖД представляет собой совокупность лексических единиц, которая с максимально возможной полнотой репрезентирует область специальных понятий области БЖД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время область науки и техники «Безопасность» только формируется вследствие ее относительно недавнего появления, поэтому термины сферы БЖД в совокупности образуют молодую формирующуюся терминосистему с постоянно обновляющейся терминологией, которая находится в процессе становления и требует лингвистического анализа.

Англоязычная терминология безопасности жизнедеятельности, представленная в виде фреймного моделирования, отображает фрагменты действительности, связанные с существованием различных опасностей, влияющих на человека, и борьбой человека с этими опасностями. Данный подход помогает представить логическую систему понятий, сконцентрированных вокруг ключевого научного концепта.

Перспектива предложенного метода фреймного моделирования видится в дальнейшем совершенствовании при описании такого сложного, многокомпонентного фрагмента научной действительности, как терминология.

© Вековищева С.Н., Приорова Е.М., Савченко Е.П., Романов В.М.
Дата поступления: 08.06.2016.
Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеева Л.М.* (1999). Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте [*Alekseeva L.M. Metaphorical Basis of Term Formation and Term Functionig in the Text*]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва.
2. *Богуславский Е.И., Богуславский Н.Е.* (2006). Безопасностьведческий подход к безопасности в техносфере [*Boguslavsky E.I., Boguslavsky N.E. Safety Approach in Technological Sphere of Life*] // Безопасность в техносфере. № 1. Москва: Изд-во «Русский журнал».
3. Большой толковый словарь русских глаголов: св. 10 000 глаголов, идеогр. описание, синонимы, антонимы, англ. эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко (2007) [Ed. *Babenko L.G. Russian Explanatory Dictionary*]; [авт.-сост. Л. Г. Бабенко и др.]. Москва: АСТ-Пресс.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов (1998). [*Kuznetsov S.A. Russian Explanatory Dictionary*]. Санкт-Петербург: «Норинт».
5. *Варфоломеева И.В.* (2007). Аббревиатуры современного английского языка: когнитивно-дискурсивный аспект [*Varfolomeeva I.V. Abbreviations in Contemporary English: Cognitive Discursive aspects*]: Автореф. дисс. ... к.ф.н. Москва.
6. *Вековищева С.Н., Приорова Е.М., Романов В.М.* (2015). Особенности структуры терминов на примере английской терминологии безопасности жизнедеятельности [*Vekovischeva S.N., Priorova E.M., Romanov V.M. Structural Peculiarities of English Terms in Safety Terminology*] // Актуальные проблемы теории языка и межкультурной коммуникации: Сб. научных статей, № 5. Москва.
7. *Володина М.Н.* (2000) Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) [*Volodina M.N. Cognitive Informative Basis of Term Origin (based on Mass Media Terminology)*]. Москва: Изд-во МГУ, Вып. 2.
8. *Голованова Е.И.* (2008). Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий [*Golovanova E.I. Cognotive Historical Terminology: subject, problems, instruments*] // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2.
9. *Даль В.И.* (2002). Толковый словарь русского языка [*Dal V.I. Explanatory Russian Dictionary*]. Современная версия. Москва.

10. Зорина Ю.В. (2011). Англоязычная терминология безопасности жизнедеятельности в лингвокультурном освещении [*Zorina Yu.V. English Safety Terminology: Linguocultural Aspect*]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
11. Ивина Л.В. (2003). Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминотерминологических систем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) [*Ivina L.V. Linguo-cognitive Basic Analysis of Industrial Term Systems (based on Joint Venture Terminology)*]. Москва: Академический Проект.
12. Кобрин Р.Ю. (1979). О принципах терминологической работы при построении тезаурусов для информационно-поисковых систем [*Kobrin R.Yu. Main Principles in Making Thesaurus Dictionaries for Search Systems*] // Научно-техническая информация. Москва. № 6.
13. Крющкова Т.Б. (2004). Когнитивный анализ словообразовательных гнезд [*Kruchkova T.B. Cognitive Analysis of Derivational Units*] // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Материалы Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во Казанского ун-та.
14. Кубрякова Е.С. (2008). В поисках сущности языка [*Kubryakova E.S. Searching for the Language Essence*] // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Тамбов.
15. Лейчик В.М. (2007). Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX—XXI веков [*Leichik V.M. Cognitive Terminology: the 5th Step in Terminology Science Development on Turn of the Century*] // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Рязань.
16. Масленникова Е.М. (2000). Функциональные особенности стратегий семантического «управления» фреймом [*Maslennikova E.M. Functioning Peculiarities of Strategies in Semantic Frames Manipulating*] // Прагматические аспекты грамматики и лексической семантики. Виноградовские чтения. Тезисы и доклады научной конференции (2 февраля 2000 г.). Москва, 2000.
17. Минский М.И. (1979). Фреймы для представления знаний [*Minsky M.I. Frames as a Form of Knowledge Introduction*]. Москва: Мир.
18. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 12.3.047-2012 от 27 декабря 2012г. № 1971-ст «Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность технологических процессов. Общие требования. Методы контроля» (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии) [National Russian Standard: “System of Safety Standards. Fire Safety of Technological Process. General Requirements. Control Methods”].
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1995). Толковый словарь русского языка [*Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language*]. Москва.
20. Попов Р.В. (2003). Русская спортивная терминология: на материале баскетбольной терминотерминологической системы [*Popov R.V. Russian Sport Terminology (on the material of basketball term system)*]: Дисс. ... канд. филол. наук. Северодвинск.
21. Приорова Е.М. (2015). Термины безопасности жизнедеятельности в современной экологической лингвистике [*Priorova E.M. Safety Term System in Ecolinguistics*] // Актуальные проблемы современной науки: свежий взгляд и новые подходы. Материалы III Международной научно-практической конференции. Москва.
22. Савченко Е.П. (2015). Когнитивные механизмы зарождения художественного образа и его воплощение средствами языка (на материале произведений Я. Флеминга) [*Savchenko E.P. Cognitive Mechanism of Creating Literal Image and its Linguistic Presentation in the Source and Target Texts (Based on the Novels by I. Fleming)*]: http://evestnik-mgou.ru/vipuski/2012_4/stati/savchenko.pdf (зарегистрировано в ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 0421200150/0010) (24.02.2016).

Словари

1. Словарь терминов МЧС [Dictionary of Ministry of Emergency Terms]: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/140/Безопасность> (24.02.2016).
2. Федеральный Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности» [State Law “About Safety”].

3. *Fillmore Ch.J.* (1977). The case for case reopened // Grammatical relations. New York, etc.: Acad. Press.
4. *Fillmore Ch.J.* (1982). Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. Seoul: Hanship.
5. *Fillmore Ch.J.* (1975). An alternative to checklist theories of meaning // BLS, v. 1.
6. Occupational safety standards system. Fire safety of technological processes. General requirements. Methods of control. Дата введения 1 января 2014 г. Вместо: ГОСТ Р 12.3.047-98.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary: <http://www.oxfordadvancedlearnersdictionary.com/dictionary> (20.03.2016).
8. Webster's third new international dictionary of the English language, unabridged. (1986). New York: Merriam-Webster inc.
9. Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]: <http://en.wikipedia.org> (20.03.2016).

УДК: [811.111:811.161.1]'276.6.62

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-206-218

FRAME ANALYSIS OF SAFETY TERMINOLOGY IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

S.N. Vekovischeva, E.M. Priorova, E.P. Savchenko

Moscow State Regional University

Radio str., 10a, Moscow, Russia, 105055

sn.vekoviweva@mgou.ru; ep.savchenko@mgou.ru; priorlin@mail.ru

V.M. Romanov

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia

Akademik Anokhin str., 100, Moscow, Russia, 119571

romanov_victor@inbox.ru

Abstract. The paper is devoted to studying frame formation of the terminological system “Safety” from the standpoint of cognitive linguistics, its methods and tools as well as the frame simulations of the English terminology. We describe the concept of frame, the frame approach to researching terminology, a substantial invariant of the frame, main macrocategories, subframes and slots. We also present the frame scheme of English and Russian terminology of “Safety.”

Key words: terminological system, frame model, life safety, danger, security, concept

УДК: 811.161.1'367

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-219-229

КОНСТРУКЦИИ С ЗАИМСТВОВАННЫМ ПРЕДЛОГОМ «а-ля» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВАРЬИРОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СРАВНЕНИЯ

А.В. Петров

Таврическая академия

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
пр-т Академика Вернадского, 4, Симферополь, Крым, Россия, 295007
liza_nada@mail.ru

В статье изучаются конструкции с предлогом «а-ля» сквозь призму варьирования логической структуры сравнения. Основными методами исследования являются дистрибутивный и контексто-логический анализ. Развертывание логической структуры сравнения в конструкциях определяется синтаксической позицией предлога. В приглагольной позиции актуализируется логическая структура *АСмВ*, в субстантивной позиции — *Амβ*. Типизированные структуры логического сравнения в конструкциях могут уточняться за счет введения компонентов *α*, *β* и *С*.

Ключевые слова: ксенизм «а-ля», позиция предлога, логическая структура сравнения: компоненты *А*, *В*, *С*, *т* и их распространители *α*, *β*

ВВЕДЕНИЕ

Предложно-падежные формы исследуются в лингвистике, как правило, под углом зрения средств выражения языковых смыслов. Осознание того, что предлоги могут выполнять функцию сравнительного союза, пришло позже, хотя изучением предлогов начали заниматься еще в XIX в., со времен М.В. Ломоносова.

В лингвистической литературе предлогу «а-ля» отводится незначительное место. Например, в монографии «Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода» ему посвящена неполная страница. Авторы работы не ставят перед собой задачу определить грамматическую принадлежность ксенизма «а-ля/аля», называют его «выражением» (ср. «выражение 4» ‘слово, фраза, оборот речи’), отмечают следующее: 1) его продуктивность в современном русском языке, 2) в качестве второй части словосочетания часто используются «имена собственные, а также слова и выражения, называющие лиц» (дополним — наиболее известных лиц, реальных или вымышленных, наших современников или относящихся к той или иной исторической эпохе), 3) словосочетания представляют собой индивидуально-авторские выражения, не фиксируемые словарями. В словарях иностранных слов отражены лишь немногие: *а-ля фуришет* (*аляфуришет*), *а ля карт* (*а-ля карт*), *а ля прима* (*а-ля прима*), *а ля рюсс* (*а-ля рюсс*) [Габдреева, Агеева, Тимиргалеева 2013: 67—68]. Частотными в составе конструкций являются не только имена собственные. Так, в «Кулинарном словаре» Л.И. Здановича отмечается, что

«*a la* — термин французской кухни, обозначает ‘блюдо, приготовленное в каком-л. стиле’. Например, *a la broil* — блюдо, приготовленное на вертеле на углях, аналог английскому барбекю и восточному кебабу (кавказскому шашлыку)». Предложно-падежная форма с «а-ля» широко представлена в кулинарных рецептах не только французского языка, что обусловлено способностью конструкций передавать значение нарочито подчеркиваемой стилизации, имитации, подражания при приготовлении тех или иных блюд; ср.: *спагетти «а-ля болонез», салатные шарик а-ля мимоза, а-ля «заливное из сазана», суп а-ля харчо, а-ля пельмени, торт «а-ля киевский», торт «а-ля по-киевски»* и т.д. Стремлением к имитации носителей языка поддержано существование транслитерированных образований на французский манер «а-ля рус/рюс», «а-ля итальян», «а-ля итальяно».

В исследовании В.А. Лавриненко проанализирован грамматический статус ксенизма «а-ля» в составе сочетания «а-ля + имя сущ. в и. п.», который выполняет традиционную функцию предлога — оформляет подчинение имени знаменательному слову и формирует свободное словосочетание [Лавриненко 2010]. Как отмечают исследователи, грамматики обычно игнорируют вхождение в состав русских предлогов иноязычных по своему происхождению элементов, способных сочетаться с именительным падежом (Ним): *а ля* + Ним; *плюс* + Ним; *минус* + Ним [Всеволодова, Клобуков, Кукушкина, Поликарпов 2003: 18]. Таким образом в языке представлены исключительные случаи, когда именительный падеж существительного употребляется с предлогом.

Цель статьи — исследовать конструкции с заимствованным предлогом «а-ля» в русском языке сквозь призму логической структуры сравнения. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что предлог «а-ля» проявляет продуктивность в современном русском языке, входит в парадигму предлогов, составляющих периферию семантического поля с инвариантом «похожий на...» [Петров 2013].

Для осуществления поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить этапы освоения ксенизма в русском языке;
- 2) выявить распространители предлога;
- 3) установить связь между синтаксической позицией конструкции и логической структурой сравнения.

Материалом для исследования послужила картотека, составленная на основе «Национального корпуса русского языка», а также интернет-ресурсов при помощи поисковой системы Яндекс.

ОСВОЕНИЕ ПРЕДЛОГА «А-ЛЯ»

Этимологически «а-ля» восходит к французским предложным речениям или предложным оборотам (*locution prepositionnelle*) *a la maniere de*, *a la facon de*, которые в «Новом французско-русском словаре» В.Г. Гака и К.А. Ганшиной переводятся следующим образом: ‘наподобие, на манер, подобно, как, по примеру, по образцу’ [НФРС, 1997: 441, 660]. От своего прототипа заимствование сохранило предлог *à* и определенный артикль женского рода единственного числа *la*. Сами по себе эти звуковые оболочки не имеют лексического значения, поскольку предлог *à* характеризуется грамматической абстракцией, а артикль является показателем грам-

матических категорий французского имени существительного. Однако лексические значения этимологически исходных компонентов *manière* и *façon* подразумеваются в *а-ля*, что подтверждается его толкованиями в различных словарях: ТСУ: ‘наподобие, по образцу кого-чего-н.’; БАС 2: ‘подобно кому-, чему-л., на манер кого-, чего-л.’; ТСОиШ: ‘подобно кому-, чему-н., так, как кто-, что-н.’; ТСЕ: ‘наподобие, по образцу кого-, чего-л.’; ТСК: ‘наподобие, на манер кого-, чего-н.’; ИСГЕ: ‘вроде, наподобие, на манер. Употребляется при установлении сходства, подобия, одного лица другому’; УОС: ‘вроде кого-, чего-н., подобно кому-, чему-н.’; СТЯ: ‘подражая, подобно’.

Приведенные словарные дефиниции свидетельствуют о том, что заимствованный предлог описывается через исконные синонимические единицы в различных или сходных комбинациях и характеризует определяемое слово по признаку уподобления. Включение предлога «а-ля» в «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и современные орфографические словари подтверждает процесс активизации предлога в русской речи конца XX в.

В русском языке насчитывается более 17 предлогов, имеющих сравнительное значение, поэтому актуальным является вопрос о том, почему заимствованный предлог стал настолько востребованным в наше время. Это связано с тем, что предлог «а-ля» является стилистически маркированным: относится к разговорному стилю и характеризуется сниженной стилистической окраской — привносит в контекст оттенки шутливости, фамильярности, ироничности, насмешки. Таким образом, в контекстах преобладает не столько сравнительно-уподобительное значение, сколько оценка явления, события, факта.

Изначально конструкция с предлогом «а-ля» входит в русскую культуру как иноязычное вкрапление, как варваризм:

Три букета, à la trois Grâces, на маковке, по три глухие пукли на висках и несколько серебряных цветов и колосьев — вот и вся прическа! (Ф.В. Булгарин. Письма провинциалки из столицы (1830)). *à la trois Grâces — а-ля три грации.

Следующий этап освоения предлога примечателен тем, что в составе конструкции варваризмом является только компонент *à la*, определяемое же слово или сочетание приводится в русской графике:

Когда тесно — мы ссорились, да и как же: Вы кропотливы и щепетильны, я небрежен в хозяйстве; Вы пуританка по образу мыслей, а я больше à la Беранже по нравственности (К.Н. Леонтьев. Письма к матери из Крыма (1857));

Жена сшила себе новое пальто со стоячим мелодраматическим воротником à la Мария Стюарт и три дня бегала по Невскому — показывала себя публике (Ал.П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1897));

Он был в круглой барашковой шапке, с малиновым верхом, переkreщенным галунном, в серой, длинной à la Мышлаевский шинели, с туго перетянутым поясом, с револьвером (М.А. Булгаков. Белая гвардия (1923—1924)).

Отмеченное перераспределение языков в графической подаче компонентов конструкции в дальнейшем может быть осмыслено как стилистический прием:

Вышедшие в финал тексты написаны в традиционной манере (у совсем молодого Уткина — стилизация русского позднеромантического романа, à la Бестужев-Марлинский) (Н. Иванова. Преодолевшие постмодернизм // «Знамя», 1998).

К концу XIX века завершилось освоение предлога в русском языке, о чем свидетельствуют оформившееся дефисное написание и передвижка ударения на «артикль». Этот этап отражен в классической литературе:

Только не чепец тогда был на мне — а шляпа а-ля бержер де Трианон... (И.С. Тургенев. Отрывки из воспоминаний своих и чужих (1881));

Любой помпадур ни о чем ином не думает, кроме того, как бы руку на что-нибудь наложить или какой-нибудь монумент на воздух взорвать. И все а-ля Пьер ле Гран (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши (1863—1874)).

В то же время, несмотря на регламентированный характер транслитерированного оформления «а-ля» через дефис, в художественных и публицистических текстах встречаются варианты написания предлога без дефиса.

РАСПРОСТРАНИТЕЛИ ПРЕДЛОГА «А-ЛЯ»

С точки зрения частеречной принадлежности распространители предлога представлены именами существительными и наречиями: *шлем а-ля конкистадор, шляпка а-ля пастушка; с визитом а-ля фуриетно; посадка в автомобиле низкая, а-ля полулежжа*. Однако основной массив распространителей составляют имена существительные — Ним и N. В конструкцию «а-ля + Ним» входят нарицательные имена существительные, в том числе и субстантивированные числительные в форме мн. числа (*с височками а-ля семидесятые*), и имена собственные:

Израиль хоть и не сборная-карлик, а-ля Люксембург, но быстрый гол во встрече с ним также был очень нужен (Н. Чегорский. Шесть очков до Бразилии); Те же легкие светлые кудри а-ля Мэрилин, родинка в углу губ, аккуратно выщипанные брови... (Г. Тронина. Русалка для интимных встреч).

В конструкции «а-ля + N» представлены несклоняемые производные имена: *с прической а-ля диско; официанты, одетые а-ля хиппи; Оригинальная концепция звучания построена на слиянии тяжелых гитарных рифов с органичными партиями а-ля барокко* (Е. Волкова. Что? Где? Когда?) и несклоняемые производные — аббревиатуры: *интеграционный проект а-ля ЕС; Думали, что история а-ля МММ не повторится* (В. Романова. В Туле рухнула финансовая пирамида).

В качестве распространителей предлога выступают а) слова, б) словосочетания, в) предложения. Ср.: а) *наряды а-ля XVIII век, платье фасона «а-ля грек»;* б) *Вереница остро вычерченных сцен а-ля плакаты «Окон РОСТА» погружает в атрибутику советского абсурда* (Ю. Кантор. Воланд, которого нет); *Автомобиль преобразился и подрос, хотя фирменный стиль остался неизменным за счет узнаваемой формы фар а-ля соколиный глаз...* (А. Саруханов. Самурай во всеоружии); в) *Некоторые рассказывали, как пытались избавиться от проблемы при помощи специальных приложений а-ля «Долой заикание!»* (И. Мальшкина. Как я стала героиней программы НТВ); *Правда, песни все чаще повторяются, а между ними то и дело звучат какие-то призывы а-ля «Свободу Юрию Деточкину!»* (Р. Абушкин. Шарапова разгромила Петкович и вышла в полуфинал «Ролан Гаррос»); *Эх, увидеть бы еще хоть одну афишу а-ля Кириленко в Питере!* (Д. Абаренов. Осечка АК-47).

Распространителями предлога являются также полупредикативные единицы: *Своей боевой раскраской а-ля североамериканский индеец, вышедший на тропу войны, ты показываешь всем и вся, что никогда ни под кого не прогнешься* (С. Кузина. blog.kr.ru) и сочетания слов: а) сочетания имени и фамилии: *накладные усы а-ля Эркуль Пуаро; очки а-ля Иван Демидов*; б) сочетания совокупных фамилий, названий команд, оформленные соединительным тире: *эксперименты а-ля Майкельсон — Морли; Так нельзя расслабляться — «Динамо» едва не доказало, что и в нашем чемпионате могут быть матчи а-ля «Ньюкасл» — «Арсенал», где можно отыграть огромный разрыв в счете* (С. Егоров. Евгений Ловчев: Торбинский и Сычев — просто чума!); в) сочетания фамилий, соединенные сочинительным союзом **и**: *Томашевски называют самым жестким — а-ля Ловчев и Бубнов — экспертом польского футбола* (М. Ляпин. «А где поляки в сборной?»)

Отмечены случаи, когда ксенизм «а-ля» употребляется без распространителей, абсолютно, в значении существительного или наречия:

Его «Еврейские песни» — прекрасная вещь, но это же не настоящая еврейская музыка, это стилизация. Так сказать, «а-ля». Это сам Шостакович, надевший гротескную маску (С. Бирюков. Душа композитора — раскаленная печь);

Конечно, воспроизведение того, что было достижением прошлых веков, не стало да и не могло стать серьезным течением в архитектуре, но в обращении к истокам на каком-то этапе развития едва ли полезно во всех случаях видеть только стремление сделать «а-ля» (Ю. Мелентьев. О гончарах, красоте и градостроительстве).

Выступая в функции существительного, «а-ля» проявляет способность быть главным словом в словосочетании:

Но выходить на мировой рынок с очередным «а-ля» — значит брести в толпе (Л. Малюкова. Разговор поэтов о киноторговле).

В предложении предлог «а-ля» занимает присубстантивную или приглагольную позицию, чем и определяется его синтаксическая функция — функция несогласованного определения и функция обстоятельства:

К верхней губе прилепились усики а-ля Чарли Чаплин (О. Гриневский. Восток — дело тонкое);

Вылепил себе огромный нос, причесался «а ля пингвин»... (Е. Весник. Дарю, что помню).

Занимаемая предлогом позиция влияет на развертывание логической структуры сравнения.

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СРАВНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Лингвисты неоднократно отмечали тот факт, что языковое сравнение, в частности синтаксические сравнительные конструкции, воспроизводит структуру логического сравнения (И.К. Кучеренко, В.М. Огольцев, Е.В. Огольцева, А.А. Потехина, Т.А. Тулина).

Г. Пауль писал, что, «помимо двух сравниваемых между собой предметов, для сравнения необходимо еще *tertium comparationis*», т.е. «часть содержания сравниваемых комплексов представлений, которая присуща им обоим» [Пауль 1960: 102].

Трехэлементность логического конструкта сравнения прослеживается в большинстве работ по лингвистике, но при этом наблюдается разнообразие терминов для обозначения одних и тех же понятий. Например, И.К. Кучеренко использует термины «субъект сравнения», «объект сравнения» и «основание сравнения» [Кучеренко 1959: 6], Т.А. Тулина выделяет такие элементы логической формулы сравнения, как сравнение, основание сравнения и предметные переменные данного соотношения a и b [Тулина 1973: 51], М.И. Конюшкевич оперирует терминами «компаратант», «компарат», «основание» и «компаратор» [Конюшкевич 2001: 90]. Ю.П. Князев, придерживаясь схемы сравнения, состоящей из трех элементов, именует объект сравнения как «первый компарат», а эталон сравнения называет «стандартом сравнения», или «вторым компаратом». Третий элемент операции сравнения — выбранный аспект сравнения, общий признак, обозначаемый в данном случае формами степеней сравнения [Князев 1996: 130].

В.М. Огольцев в составе образного сравнения вычленяет элемент A («тема»), элемент B («образ»), элемент C (т.е. признак, положенный в основание сравнения), показатель сравнения t , «указывающий в условиях образного сравнения на факт уподобления первого члена сравнения второму» [Огольцев 1978: 34]. В границах образной компаративной конструкции В.М. Огольцев выделяет также компоненты α и β , которые логически ограничивают элементы A и B . Исследователь пишет: «В том случае, когда элемент B оказывается представленным не одним словом, а подчинительным словосочетанием, зависимые слова логически ограничивают элемент сравнения, оказывают прямое влияние на компаративные отношения в структуре и, следовательно, выступают в качестве особого компонента (β)» [Огольцев 1978: 34]. Слово или сочетание слов, «ограничивающие понятие A , представляют собой компонент α компаративной структуры, выполняющий в ней функцию, аналогичную компоненту β » [Огольцев 1978: 35]. Т.А. Тулина обращает внимание на то, что «степень эксплицитности выражения сравнительного отношения пропорциональна степени развернутости синтаксической конструкции и зависит от того, какое количество членов логической формулы сравнения получает словесную реализацию» [Тулина 1973: 51].

Обязательными элементами синтаксического сравнения являются предметы A и B , а также показатель сравнительных отношений. Однако применительно к исследуемым конструкциям с предлогом «а-ля» эта аксиома логической структуры сравнения следующим образом корректируется: в прилагательной позиции актуализируется логическая структура $ACmB$, в субстантивной позиции — $Am\beta$: *фуражка а-ля Киров*, *усики а-ля Адольф Менжу*. Типизированные формулы логического сравнения в конструкциях могут уточняться за счет введения компонентов α , β и C , которые могут повторяться ($\alpha 1$, $\beta 1$, $C 1$, $C 2$).

Логическая структура сравнения в прилагательной позиции предлога

Как было отмечено, для прилагательной позиции предлога «а-ля» типичной является логическая структура $ACmB$:

На бетонной тумбе с чугунным набалдашником у арки Карусель расположился одетый и загримированный (С) а-ля Чаплин (В) мим (А) (Б. Левин. Инородное тело);

Словом, лет через двенадцать я (А) наконец оделся (С) **а-ля Миллер (В)** (М. Козаков. Актерская книга);

А есть ли здесь хоть один хиппи, не считая официантов (А), одетых (С) **а-ля хиппи?** (В) (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп);

Синтаксическая конструкция разворачивается за счет уточнителей α , β , $\beta 1$ и компонентов С. Например:

АатВС: «Нефтехимик» (α) Берников (А) в одной из атак пытается **а-ля Сафин (В)** переправить шайбу в сетку (С), но она летит выше цели (А. Жилин. Чемпиону нужна мобилизация);

АаСтВβ: Дебютант (α) в этом качестве, он (А) то и дело вскакивает на ноги, носясь вдоль боковой линии (С) **а-ля тренер (В) футбольной команды (β)** (Н. Мысин. В первом матче россиянин уступил лидеру австрийской сборной);

АСС 1тВββ 1: Все (А) загримированы (С), одеты (С 1) **а-ля сороковые (β)**: валенки, шубы, шерстяные платки поверх (β 1) (Т. Румянцева. В Твери завершились съемки зимних сцен «Первой осени войны»).

Логическая структура сравнения в присубстантивной позиции предлога

В присубстантивной позиции лексическое наполнение компонентов А и В совпадает, в силу этого в контекстах компонент В опускается. Типизированная формула логического сравнения *Атβ* в конструкциях может уточняться:

АСтβ: Вместо президиума в конференц-зале — высокие (С) стулья (А) **а-ля токишоу (β)** (Ю. Смирнова. Министр образования и науки Дмитрий Ливанов: «ЕГЭ сохраним на многие годы. Потому что хочется справедливости»);

Аатβ: — Будут новые (α) фонарные столбы (А) **а-ля 18—19 век (β)**, но месторасположение системы освещения останется прежним (Т. Румянцева. Набережной Степана Разина в Твери вернут исторический облик);

АаСС 1тβ: Все-таки он удивительно симпатичный, этот Саша (α), в своей клетчатой (С) потертой (С 1) рубашке (А) **а-ля ковбой (β)** (Г. Рудых. Такой устойчивый мир); Олег Степанов, без сомнения, слышал эти высказывания, я (α) смело отмахнул со лба длинные (С) черные (С 1) пряди (А) **а-ля Маяковский (β)** (В. Аксенов. Остров Крым);

аАβВтβ 1С: По популярности с ней [лисей (α) шапкой (А)] может соперничать только монгольская (β) шапка (В) **а-ля Чингисхан (β 1)**: кожаное доньшко, отороченное пушистым мехом (С) (А. Плешакова. Идет охота на меха!..).

В конструкции компонент β — субстантивированное числительное / относительное прилагательное — в свернутом виде представляет пропозицию: *В конце коридора появился одетый в белый халат молодой мужчина (α), с кокетливыми височками (А) **а-ля семидесятые (β)** и победительной улыбкой* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»), ср.: «височки а-ля семидесятые» — это височки, напоминающие те, которые носили в семидесятые годы; *Только купили солнцезащитные очки без оправы, и вот пришла пора приобретать очки (А) **а-ля мотоциклетные (β)**, с широкими дужками и оправками (С)* (Я. Васина. Дома моды

Славы Зайцева), ср.: «очки а-ля мотоциклетные» — это очки, напоминающие такие, которые предназначены специально для езды на мотоцикле.

Компонент *A* в составе конструкций может быть выражен абстрактным именем:

АтβС: *А во втором тайме даже выдал вдруг маневр (А) а-ля Диарра (β): за сложным отбором последовал проход почти слаломного свойства (С)* (Ю. Цыбанев. Сон и побудка в зимнюю ночь);

аАтββ 1В: *Вскоре Эбуэ (α) подводит команду — делает трюк (А) а-ля Бексэм (β) на чемпионате мира 1998 (β 1): лежа на газоне, ногой подсекает своего обидчика Модрича (В)* (И. Тарасенко. Павлюченко — Аршавин: пока без стыков. Подробности несостоявшейся дуэли россиян в лондонском дерби).

ПОЗИЦИИ ПРЕДЛОГА «А-ЛЯ»

Предлог отмечен в двух позициях — в присловной при глаголах и именах существительных и в обусловленной — обособленной. Прокомментируем последнюю. В контекстах, в которых наблюдается обособленная позиция предлога, обязательной составляющей логической структуры сравнения является основание сравнения. Материал показывает, что чаще в обособленной позиции встречаются препозитивные несогласованные определения, относящиеся к неодушевленным нарицательным существительным. В таких случаях адъективный компонент *С* предшествует предлогу. Ср.:

А когда на героях есть верхние одежды, то это смесь современных костюмов и старинных (С), а-ля XVIII век (β), нарядов (А) (М. Крылова. Эротика за кулисами);

Лицо этого маленького близорукого человека знали все; тусклые, свинцового оттенка глаза за сверкающими стеклами пенсне, бледные, одутловатые щеки, злой, плотно сжатый рот, над которыми темнели жесткие (С), а-ля фюрер (β), усы (А) (В. Закруткин. Сотворение мира).

При этом распространители компонента *A* занимают препозицию по отношению к предлогу:

Жандармский (α 1) штаб-офицер (α), вероятно, утратил бы изысканную (С), а-ля Бенкендорф (β), вежливость (А), если бы и синие тюльпаны не налегли на весла (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны);

Томашевски (α 1) называют самым жестким (С) — а-ля Ловчев и Бубнов (β) — экспертом (А) польского футбола (α) (М. Ляпин. «А где поляки в сборной?»).

В нашей картотеке зафиксировано несколько контекстов с постпозицией несогласованных определений с предлогом «а-ля», при этом основание сравнения может занимать разную позицию по отношению к компоненту *A*:

АСтβ: *Усы (А) — «в кольцо», «щеточкой», острые, прямые (С), «а-ля Вильгельм (β)», пушистые, сливающиеся с бородой* (Д.А. Засосов, В.И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов (записки очевидцев));

ССАтβ 1β: *Седые (С), коротко стриженные (С) волосы (А) по моде 60-х (β 1), «а-ля Хэм (β)», черные живые глаза, в узкой смуглой руке трубка* (М. Козаков. Актерская книга).

РЕДУПЛИКАЦИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Среди предложно-падежных конструкций наблюдается явление редупликации. Конструкции с предлогом «а-ля» сочетаются с другими предлогами, имеющими сравнительно-уподобительное значение:

с непроизводными предлогами «вроде + N₂» ‘наподобие, в виде кого-, чего-л.’, «типа + N₂»:

После официальной театральной премьеры в фойе бывает нечто вроде приема — «а-ля фуриет» (М. Козаков. Актерская книга);

Сам катишь тележку, куда тебе хочется, никаких носильщиков типа «а ля рус» с дрезиной-катафалком впереди себя и огромными металлическими жетонами-«орденами» на груди (Е. Весник. Дарю, что помню);

Вариант типа «а-ля Гаврош»: шерстяные брюки свободны на бедрах, могут быть укороченными — длиной выше щиколотки (С. Хрусталева. Осенью нет ничего удобнее брюк);

с производными предлогами «на манер + N₂» ‘по образцу кого-, чего-л., наподобие кого-, чего-л.’, ‘способ, образ действия’, «в манере», «в духе» и «в стиле»:

Демократичные по своей жизненной сути береты приобретают объем на манер «а ля Рембрандт» или уменьшаются до размеров «таблетки» (И. Сумина. Сапоги в дырочку. Какие аксессуары модны в этом сезоне);

Его усы, закрученные на манер а ля Вильгельм II, свидетельствовали о том, насколько он (Энвер) подражал всему немецкому [<https://books.google.ru>];

Завершали картину большие каплевидные, на манер а-ля Сильвестр Сталлоне, черные, как уголь, очки, которые закрывали большую часть лица: <https://litmir.co>;

Второй же (фильм), создавший образ президента Беларуси Александра Лукашенко, исполнен НТВ в манере политического памфлета а-ля Кукрыниксы и их знаменитой картины «Конец», гротескно отразившей бесславный конец Третьего рейха и его бесноватого фюрера [<https://gazetaby.com>];

Очередное задержание в духе а-ля СБУ, с «беспристрастным» допросом и показаниями [<https://subscribe.ru>];

Свой лагерь у колодца Дублянского они оформили в стиле «а-ля Махно» (К. Серафимов. Экспедиция во мрак);

Наряды от самого Пуаре, а также наряды в стиле а-ля Пуаре смотрятся здесь не столько предметами гардероба, сколько предметами искусства (Ф. Астафьев. Легенда моды в Кремле).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наименее изученными в компаративном поле являются предложно-падежные сочетания, в том числе и конструкции с заимствованным предлогом «а-ля». В зависимости от позиции предлога в составе конструкции проявляются различные элементы логической структуры сравнения. В приглагольной позиции актуализируется логическая структура сравнения *АСмВ*, в присубстантивной позиции — *АтмВ*. Типизированные структуры логического сравнения в конструкциях могут уточняться за счет введения компонентов *а*, *β* и *С*. Частотными единицами в конструкциях с предлогом «а-ля» являются собственные имена известных лиц, реальных

или вымышленных. Поэтому важным в исследовании является культурологический аспект, который помогает понять контекст и его отнесенность к определенной исторической эпохе. При этом «лингвокультурологическая компетентность» отражает системно организованные знания не только о национальной культуре реципиента, но и о мировой культуре в целом.

© Петров А.В.

Дата поступления: 08.07.2016.

Дата принятия к печати: 22.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. (2003). К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога [Vsevolodova M.V., Klobukov E.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. Towards the fundamentals of functional-communicative grammar of Russian prepositions] // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 2. С. 17—57.
2. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. (2013). Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода [Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva A.R. Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke novejshego perioda]. Москва: ФЛИНТА: Наука.
3. Князев Ю.П. (1996). Степени сравнения и точки отсчета [Knyazev YU.P. Degrees of comparison and the reference point] // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность; под ред. А.В. Бондарко и др. СПб.: Наука. С. 129—145.
4. Конюшкевич М.И. (2001). Категория сравнения и ее место в системе языка [Konushkevich M.I. Category of comparison and its place in the system of language] // Вопросы функциональной грамматики. Вып. 4. Гродно: ГрГУ. С. 82—93.
5. Кучеренко І.К. (1959). Порівняльні конструкції мови в світлі граматики [Kucherenko I.K. Comparative language structures in the light of the grammar]. Київ: Видавництво Київськ. ун-ту.
6. Лавриненко В.А. (2010). О грамматическом статусе устойчивого сочетания *a-ля* в современном русском языке [Lavrinenko V.A. On the grammatical status of a sustainable mix of *a-la* in modern Russian] // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «Наука о языке и Человек в науке». Том 1 (Таганрог, 15—17 сентября 2010 г.). С. 324—328.
7. Огольцев В.М. (1978). Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии [Ogol'tsev V.M. Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.
8. Пауль Г. (1960). Принципы истории языка; пер. с немецкого под ред. А.А. Холодовича [Paul G. The principles of the language history / Transl. from German ed. A.A. Kholodovich]. Москва: Изд-во иностранной литературы.
9. Петров А.В. (2013). Семантические поля в идеографическом моделировании русского лексикона [Petrov A.V. Semantic Fields in the Ideographis Modeling of the Russian Lexicon]: дис. ... д-ра филол. наук: Институт языковедения имени А.А. Потебни НАН Украины. Киев.
10. Тулина Т.А. (1973). О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке [Tulina T.A. On the methods of explicit and implicit comparisons of expressions in Russian] // Филологические науки. № 1. С. 51—62.

Словари

11. Гак В.Г., Ганишина К.А. (1997). Новый французско-русский словарь [Gak V.G., Ganshina K.A. New French-Russian Dictionary]. Москва: Рус. яз. (НФРС).

12. *Епишкин Н. И.* (2010). Исторический словарь галлицизмов русского языка [*Epishkin N.I. Historical Dictionary of Gallicisms in the Russian language*]. Москва: ЭТС. (ИСГЕ).
13. *Ефремова Т.Ф.* (2001). Новый словарь русского языка толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1 [*Efremova T.F. New Russian Word-formation Dictionary. 2 vv. V. 1*]. Москва: Рус. яз. (НСЕ).
14. *Зданович Л. И.* (2001) Кулинарный словарь [*Zdanovich L.I. Culinary dictionary*]. Москва: Вече.
15. *Крысин Л.П.* (2000). Толковый словарь иноязычных слов [*Krysin L.P. Explanatory Dictionary of foreign words*]. Москва: Рус. яз. (ТСИС).
16. *Лопатин В.В., Иванова О.Е., Сафонов Ю.А.* (2010). Учебный орфографический словарь русского языка [*Lopatin V.V., Ivanova O.E., Safonov U.A. Spelling teaching dictionary of Russian*]. Москва: Эксмо. (УОС).
17. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* (1992). Толковый словарь русского языка [*Ozhegov S.I. i Shvedova N.U. Explanatory Russian Dictionary*]. Москва: Азъ. (ТСОиШ).
18. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* (1987). Словарь трудностей русского языка [*Rozental' D.E., Telenkova M.A. Dictionary of the difficulties of the Russian language*]. Москва: Рус. яз. (СТРЯ)
19. Словарь современного русского литературного языка (1991). Т. 1 [*Dictionary of modern Russian literary language T. 1*]. Москва: Рус. яз. (БАС 2).
20. Толковый словарь русского языка (1935—1940): в 4 т. Т. 1; под ред. Д.Н. Ушакова [*Dictionary of Russian language: in 4 vv. V. 1; ed. D.N. Ushakov*]. Москва (ТСУ).

УДК: 811.161.1'367

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-219-229

CONSTRUCTIONS WITH THE BORROWED PREPOSITION «a-la» IN THE RUSSIAN LANGUAGE: VARIATION OF THE LOGICAL STRUCTURE OF COMPARISON

A.V. Petrov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Tauride Academy

Vernadsky Avenue, 4, Republic of Crimea, Simferopol, Russia, 295007
liza_nada@mail.ru

Abstract. In this article the structures with the preposition «a-la» («a-ля») are investigated through the prism of the variation of the logical structure of the comparison. The main methods of the research are the distributional and contextual analysis. In the lexicographical sources xenisme «a-la» is interpreted by native prepositions with the meaning of comparison, assimilation. The borrowed preposition is stylistically marked: refers to the colloquial style and characterized by a reduced stylistic colouring — it brings to the context the shades of playfulness, familiarity, irony, satire. From the parts of speech point of view the distributors of the preposition are presented by nouns and adverbs. However, the bulk of distributors are the nouns and — «Ним и N». The distributors of the prepositions are the words, phrases, sentences, half-predicatives and combinations of words.

Deploying of the logical structure of comparison in the constructions is determined by the syntactic position of preposition. In predicative position actualized the logical structure $ACmB$, in the substantive position — $Am\beta$. The typical structures of the logical comparison in the word combinations can be refined by introducing components α , β and C .

Key words: xenism «a-la» («a-ля»), position of the preposition, the logical structure of comparison: the components A , B , C , m and their distributors α , β

НАШИ АВТОРЫ

БАХТИКИРЕЕВА Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации гуманитарно-социального факультета РУДН, Россия

БАЧУРКА Мария Сергеевна — старший преподаватель Казахстанско-Немецкого Университета, г. Алматы, Казахстан

BEĎNÁROVÁ-GIBOVÁ Klaudia — PhD, Assoc. prof., PhDr, Institute of British and American Studies, Prešov, Slovak Republic

БУКИНА Лилия Михайловна — преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации МГОСГИ, г. Коломна, Россия

ВЕКОВИЦЕВА Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики, заместитель декана лингвистического факультета Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия

ДЖИОЕВА Алеся Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ДЖУСУПОВ Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Почетный заведующий кафедрой, профессор Узбекского государственного университета мировых языков, г. Ташкент, Узбекистан

ДУБОВА Марина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка МГОСГИ, г. Коломна, Россия

ВАЛИКОВА Ольга Александровна — кандидат филологических наук (PhD), Лучший молодой ученый 2016 года Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан; научный сотрудник РУДН

ИВАНОВА Мария Валерьевна — академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, декан очного факультета Литературного института им. А.М. Горького, г. Москва, Россия

КАКЗАНОВА Евгения Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Россия

КАРТАШКОВА Фаина Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего и профессионального образования РФ, профессор кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

КНЯЗЕВА Анастасия Андреевна — преподаватель кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

- ЛОМАКИНА ОЛЬГА** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва, Россия
- ЛУНЬКОВА Лариса Николаевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка МГОСГИ, г. Коломна, Россия
- МАКСИМЕНКО Ольга Ивановна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия
- МАЛЬЦЕВА Наталья Борисовна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия
- МАСЛОВА Валентина Авраамовна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь
- МАРКЕЛОВА Татьяна Викторовна** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Московского государственного университета печати им. Ивана Фёдорова, г. Москва, Россия
- МЕЛИКЯН Вадим Юрьевич** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия
- МЕЛИКЯН Анна Васильевна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия
- МУРАДЯН Айрпи Андраниковна** — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, г. Москва, Россия
- НАЙДЕНОВА Наталья Сергеевна** — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, г. Москва, Россия
- НОВИКОВА Марина Геннадьевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета правосудия, г. Москва, Россия
- НОВИКОВА Марина Львовна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Юридического института РУДН, г. Москва, Россия
- ОСИПОВА Анна Александровна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры контрастивной лингвистики ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия
- ОЩЕПКОВА Виктория Владимировна** — доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской федерации, заведующий кафедрой английской филологии Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия

- ПЕТРОВ Александр Владимирович** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврическая академия Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия
- ПРИОРОВА Елена Михайловна** — кандидат биологических наук, магистр лингвистики, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия
- РАЖЕВА Елизавета Сергеевна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации (ИЛиМК) Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия
- РОМАНОВ Виктор Михайлович** — преподаватель, полковник Военной Академии Генерального штаба ВС РФ,
- САВЧЕНКО Елена Павловна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия
- САПРЫКИНА Ольга Александровна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- ТАМЕРЬЯН Татьяна Юльевна** — член-корр РАС, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, профессор Центра языковой подготовки Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия
- ТЕМИРГАЗИНА Зифа Какбаевна** — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Казахстана, профессор Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, Казахстан
- ТИХОНОВА Мария Александровна** — аспирант кафедры русского языка и стилистики Московского государственного университета печати им. Ивана Фёдорова, г. Москва, Россия
- ЧЕРНОВА Любовь Афанасьевна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка МГОСГИ, г. Коломна, Россия
- ХРОМОВ Сергей Сергеевич** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Московского политехнического университета, г. Москва, Россия
- ХУХУНИ Георгий Теймуразович** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики ГОУ ВО Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия